

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

ISSN 2072-0297

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

16+

21 2026
ЧАСТЬ VI

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 21 (624) / 2026

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен *Грегори Хаус* (1959), главный герой американского телесериала «Доктор Хаус», роль которого исполняет британский актер Хью Лори.

Доктор Грегори Хаус — циничный и язвительный тип, который терпеть не может общаться с пациентами, старательно «косит» от работы и говорит гадости. При этом он лучший диагност в больнице, к нему обращаются в сложных и непонятных случаях. Работает Хаус с командой врачей, которых подбирает, руководствуясь своеобразными критериями. Доктора Формана, афроамериканца, Хаус нанял за юношескую судимость, которую посчитал признаком готовности к действию, Кэмерон — за внешнюю красоту, а Чейза — потому что Хаусу позволили и попросили об этом.

Образ Хауса создатели сериала выстроили на ассоциациях с Шерлоком Холмсом. Даже фамилия героя — Хаус (от house — дом) вызывает прямые ассоциации с фамилией Холмс (Holmes звучит как «хоумс», «дома» по-английски). Как и у великого сыщика, у Хауса есть верный друг и спутник доктор Уилсон, чья фамилия также наводит на ассоциации с Ватсоном. Даже адреса, где живут герои, совпадают почти полностью. Знаменитый дом Шерлока Холмса находится в Лондоне, на Бейкер-стрит, 221Б. Доктор Хаус тоже живет на Бейкер-стрит, 221, квартира Б, но в Принстоне, штат Нью-Джерси. Больше того, Хаус и доктор Уилсон занимают одну квартиру и живут в соседних комнатах, как Холмс и доктор Ватсон.

Сходство с Холмсом этим не ограничивается. Герой Конан Дойля употребляет наркотики внутривенно, когда мучается скукой из-за длительного отсутствия работы. Хаус «сидит» на обезболивающем, в состав которого входит опиат. Доктор Хаус принимает этот препарат вынужденно, а не из прихоти. Как и Холмс, доктор использует дедуктивный метод и элементы расследования, чтобы поставить диагноз. Коллеги доктора обыскивают дома пациентов в поисках улик, как если бы это было местом преступления, а сам Хаус интересуется только экстраординарными, сложными медицинскими случаями и часто впадает в скуку из-за простой и рутинной работы.

Холмс играл на скрипке, Хаус же играет на фортепиано, гитаре и губной гармошке. Он так же, как и знаменитый детектив, бесцеремонно относится к людям. Часто доктор не только ставит диагнозы, используя дедуктивный метод, но и выдает нечто о личной жизни и обстоятельствах больного. К примеру, сообщает человеку, что тому изменяет жена.

В жизни Хауса промелькнул и Мориарти. Человек с такой фамилией стрелял в доктора в заключительном эпизоде второго сезона. А в одиннадцатом эпизоде пятого сезона друг Хауса, доктор Уилсон, рассказывает байку (выдуманную) о некой Ирен Адлер, в которую Хаус якобы был влюблен, а та бросила доктора.

Хаус страдает из-за своей хромоты и ходит с тростью. Это не мешает герою отпускать злые шуточки в адрес других «калек». Герой постоянно пытается избежать

встречи с пациентами, старается провести день в кабинете и улизнуть из больницы, как только рабочий день заканчивается. При этом Хаус — отличный специалист, который готов рисковать и принимать ответственность, когда берется лечить сложные случаи. Герой начинает лечение часто на ходу, не дожидаясь дополнительного подтверждения предварительно поставленного диагноза (на это обычно нет времени).

Хаус избегает надевать медицинский халат, чтобы пациенты не идентифицировали его как врача и не набросились с просьбами о консультации. При этом ему вовсе не безразлична судьба пациентов.

Внешне доктор Хаус выглядит как стареющий мужчина: худой, длинный, «помятый» и небрежный в одежде. Герой любит листать журналы, смотреть медицинские сериалы по телевизору, но когда доходит до дела, Хаус незаменим. Несмотря на хромоту и нелюбовь к работе, герой легко приезжает в клинику ночью, когда в этом действительно есть необходимость. Коллеги Хауса относятся к нему с большим уважением. Директор клиники в беседе с недовольным пациентом открыто называет Хауса мерзавцем, но не может его уволить, потому что этот «мерзавец» — лучший врач в клинике.

Грегори Хаус — блестящий диагност, чьи знания охватывают нефрологию, инфекционные болезни, онкологию, ревматологию и генетику. Его база знаний не ограничивается учебниками: он использует свои познания в физике, химии, истории и токсикологии, мастерски выстраивая логические цепочки.

Хаус совмещает глубокие академические знания с выдающимися практическими навыками.

Он имеет две официальные специализации: инфекционные болезни и нефрология, виртуозно применяет знания из смежных областей, выявляя редкие аутоиммунные патологии, генетические аномалии (например, синдром Элерса — Данлоса) и последствия токсических воздействий.

Самая известная цитата из сериала: «Все врут». Доктор Хаус игнорирует слова пациентов, обращая внимание на каждую деталь их быта, истории болезни и генетики. В сериале Хаус мастерски проводит мозговые штурмы с командой, отсекая неверные гипотезы и проверяя нестандартные патогенетические механизмы.

Несмотря на кинодопущения, когда редкие диагнозы следуют один за другим, образ Хауса стал культовым благодаря его глубокому погружению в суть биологических процессов. Он превращает поиск диагноза в настоящее научное расследование. В реальной медицине его подход часто служит образцом нестандартного мышления, а иногда реальные врачи используют его метод для спасения тяжелых пациентов.

*Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина*

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Жеребецкий Ф. И.

Отграничение состава преступления, предусмотренного статьей 276 УК РФ, от смежных составов преступлений 389

Жукова О. К.

Преимущества нотариального удостоверения договора дарения недвижимого имущества ... 391

Зайцева Д. А.

Правовые механизмы блокировки операций в системе ПОД/ФТ: баланс публичных интересов и прав хозяйствующих субъектов... 393

Зайцева Д. А.

Проблемы применения административных санкций к субъектам первичного финансового мониторинга за нарушение требований законодательства о ПОД/ФТ 395

Зарубина И. И.

Механизмы защиты имущественных прав несовершеннолетних в гражданском и семейном законодательстве 397

Иванова Е. А.

Использование цифровых технологий при проведении судебных экспертиз на стадии предварительного расследования и некоторые проблемы их внедрения 399

Иконников Р. Е.

Влияние социальных сетей и цифровой среды на ресоциализацию освобожденных лиц 402

Иконников Р. Е.

Влияние тюремной субкультуры на исправление осужденных 406

Илиев Х. М.

Корпоративные ценные бумаги как инструмент финансирования бизнеса: выбор стратегии привлечения капитала 409

Илиев Х. М.

Виды корпоративных ценных бумаг: сравнительный анализ и современные тенденции российского рынка 413

Каравайцев Н. Д.

Проблемы разграничения смежных составов преступлений, связанных с побуждением к самоубийству 415

Квасюк И. П.

Характеристика корпоративного договора по законодательству Российской Федерации: конфиденциальность и раскрытие информации 416

Кириленко К. А.

Актуальные проблемы избрания и применения меры пресечения в виде домашнего ареста 418

Киселев Д. О.

Неблагоприятные условия брачного договора как основание признания его недействительным: противоречия судебной практики 422

Кобзова М. Е.

Роль органов опеки и попечительства в разрешении споров об определении места жительства ребенка 424

Ковалева К. Д.

Договор возмездного оказания услуг общественного питания: проблемы правового регулирования и современные тенденции развития 426

Ковтуненко Э. Р.

Классификация способов совершения ятрогенных преступлений 429

Кофанова В. С., Пашанина В. И.

Незаконное увольнение: судебная практика и типичные ошибки работодателей 430

Кушина И. С.

Взыскание алиментов и задолженности по алиментным обязательствам в рамках исполнительного производства: проблемные аспекты 432

Лебедева М. В.

К вопросу о материальной ответственности работодателя перед работником: проблемы правового регулирования и правоприменения 434

Лисов Н. В. Цифровизация арбитражного процесса 437	Магомедова А. Р. судебное толкование уголовного закона и его значение для правоприменительной деятельности..... 449
Лисов Н. В. Перспективы электронного правосудия в арбитражном процессе..... 440	Малашина А. О. Правовое регулирование права детей-сирот на воспитание в семье 451
Ломакин А. И., Васильева С. Н. Абонентский договор в гражданском праве: новые горизонты или скрытые риски?..... 443	Мальцева М. О. Проблемы компенсации морального вреда, причиненного преступлением, в рамках гражданского судопроизводства..... 453
Лунина А. А. Роль судебно-лингвистической экспертизы в расследовании киберпреступлений: анализ текстовых сообщений при мошенничестве, экстремизме и кибербуллинге 445	Маляк А. В. Смена парадигмы в вопросе квалификации сделок хозяйственных обществ в качестве крупных..... 456
Лыжин Д. Д. Проблемы реализации административного законодательства за нарушение общественного порядка 447	

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Отграничение состава преступления, предусмотренного статьей 276 УК РФ, от смежных составов преступлений

Жеребецкий Филипп Игоревич, студент
Донецкий государственный университет

В статье рассматриваются критерии отграничения шпионажа от смежных составов преступлений, предусмотренных уголовным законодательством Российской Федерации. Особое внимание уделяется субъекту преступления, предмету сведений, направленности умысла, форме поведения и разграничению шпионажа с государственной изменой, конфиденциальным сотрудничеством, оказанием помощи противнику, разглашением и утратой государственной тайны.

Ключевые слова: шпионаж, государственная измена, внешняя безопасность, государственная тайна, иностранный гражданин, лицо без гражданства, квалификация преступления, смежные составы преступлений.

Отграничение шпионажа от смежных составов преступлений является самостоятельной квалификационной задачей и требует учета объекта, предмета, субъекта, направленности деяния, характера действий и специальных указаний законодателя в главе 29 УК РФ [1]. В соответствии со ст. 276 УК РФ шпионаж связан с посягательством на внешнюю безопасность Российской Федерации, однако не совпадает с деяниями, предусмотренными статьями 275, 275.1 и 276.1 УК РФ, поэтому квалификация должна основываться на конкретных признаках состава, а не только на общей враждебной направленности поведения.

Наиболее устойчивое разграничение проводится между статьями 276 и 275 УК РФ по субъекту преступления. Согласно ст. 276 УК РФ ответственность несет иностранный гражданин либо лицо без гражданства, тогда как в соответствии со ст. 275 УК РФ субъектом является только гражданин Российской Федерации. Как отмечают И. М. Середа и С. А. Ступина, выбор между указанными нормами определяется прежде всего наличием или отсутствием российского гражданства у лица [2, с. 81].

В соответствии со ст. 275 УК РФ шпионаж может выступать одной из форм государственной измены, если деяние совершено гражданином Российской Федерации. Поэтому внешне сходные действия российского гражданина не подлежат квалификации по ст. 276 УК РФ. Дополнительное отличие связано с предметом и источником сведений: согласно ст. 275 УК РФ выдача государственной тайны предполагает, что сведения были доверены лицу или стали известны ему по службе, работе, учебе либо в иных предусмотренных законом случаях, тогда как ст. 276 УК РФ такой привязки к источнику осведомленности не содержит.

Разграничение статей 275 и 276 УК РФ усилилось после изменения норм о преступлениях против внешней безопасности. Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» от 12.11.2012 № 190-ФЗ придал ст. 275 УК РФ современную редакцию, связав предмет охраны с безопасностью Российской Федерации в целом [3].

Согласно ст. 275.1 УК РФ конфиденциальное сотрудничество с иностранным государством, международной либо иностранной организацией образует оконченный состав без обязательного доказывания передачи, собирания или хранения сведений. В соответствии со ст. 276 УК РФ, напротив, необходимо установить конкретные действия, предмет и направленность поведения. А. А. Устинов справедливо указывает, что ст. 275.1 УК РФ криминализировала более раннюю стадию враждебного взаимодействия с иностранной стороной, которая еще не всегда достигает уровня государственной измены или шпионажа [4, с. 99].

Согласно ст. 276.1 УК РФ уголовно наказуемым является оказание помощи противнику в деятельности, заведомо направленной против безопасности Российской Федерации, если деяние совершено иностранным гражданином либо лицом без гражданства. В отличие от шпионажа, данная норма не требует обязательного информационного предмета и охватывает более широкий круг форм содействия противнику. В соответствии со ст. 276 УК РФ речь идет именно о разведывательно-информационном сегменте такого содействия.

К. А. Исаева и Э. Э. Эркинбеков обращают внимание на то, что шпионаж в уголовно-правовом смысле не совпадает с любым проявлением разведывательной активности

[5, с. 523]. Для квалификации важны не общие представления о разведке, а строго определенные способы поведения, закрепленные в диспозиции статьи 276 УК РФ. Поэтому сходство фактического контекста еще не означает совпадения состава преступления.

Согласно ст. 283.1 УК РФ незаконное получение сведений, составляющих государственную тайну, образует самостоятельный состав только при отсутствии признаков преступлений, предусмотренных статьями 275 и 276 УК РФ, то есть, при наличии шпионской или изменнической направленности должна применяться специальная норма о шпионаже или государственной измене. В соответствии со ст. 276 УК РФ решающее значение имеет не только незаконное получение сведений, но и их связь с передачей иностранной стороне либо иной шпионской направленностью.

В соответствии со ст. 283 УК РФ разглашение государственной тайны предполагает наличие у лица допуска либо иного законного знания секретных сведений и их противоправное доведение до другого лица без признаков государственной измены или шпионажа. Согласно ст. 276 УК РФ определяющим является внешне ориентированное информационное посягательство, совершаемое иностранным гражданином либо лицом без гражданства. Поэтому нарушение режима секретности само по себе не образует шпионажа.

Согласно ст. 284 УК РФ утрата документов, содержащих государственную тайну, либо предметов, сведения о которых составляют государственную тайну, связана с нарушением правил обращения с ними и не требует прямого умысла на передачу информации иностранной стороне. В соответствии со ст. 276 УК РФ обязательны умышленный характер действий и специальная направленность поведения. В. И. Кульбака обоснованно отмечает, что квалификация деяний против внешней безопасности должна строиться через выявление ведущего признака объек-

тивной стороны, а не через механическое сопоставление последствий или общего уровня опасности [6, с. 130].

Отдельное значение имеет разграничение шпионажа и преступления, предусмотренного ст. 183 УК РФ. Согласно ст. 183 УК РФ незаконное получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну, затрагивает иную группу общественных отношений и не образует шпионажа при отсутствии посягательства на безопасность Российской Федерации. Использование компьютерных технологий, скрытого копирования или удаленного доступа также само по себе не предreshает квалификацию по ст. 276 УК РФ. А. В. Папулов справедливо указывает, что цифровая форма поведения должна оцениваться через содержание угрозы, а не только через внешнюю технологичность [7, с. 51].

Разграничение оконченого шпионажа и приготовления к нему связано с тем, что в соответствии со ст. 276 УК РФ преступление считается оконченом с момента совершения одного из альтернативных действий, прямо указанных в диспозиции. Главная сложность квалификации состоит в определении ведущего элемента состава в конкретном деле, поскольку статьи 275, 275.1, 276, 276.1, 283.1, 283 и 284 УК РФ пересекаются по отдельным внешним признакам, но различаются по субъекту, предмету, способу и направленности поведения.

Таким образом, критериями отграничения состава преступления, предусмотренного ст. 276 УК РФ, от смежных составов выступают субъект деяния, характер и содержание сведений, источник их получения, направленность умысла, специальная цель передачи информации иностранной стороне, наличие задания иностранной разведки, стадия преступной деятельности, форма поведения, а также признаки объективной стороны, закрепленные в статьях 275, 275.1, 276, 276.1, 283, 283.1 и 284 УК РФ.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 17.06.1996. — № 25. — Ст. 2954/
2. Середа, И. М. Государственная измена: отдельные вопросы квалификации / И. М. Середа, С. А. Ступина // Пролог: журнал о праве. — 2023. — № 1 (37). — С. 79–90.
3. Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» от 12.11.2012 № 190-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 19.11.2012. — № 47. — Ст. 6401.
4. Устинов, А. А. Уголовная ответственность за государственную измену: совершенствование правовой регламентации / А. А. Устинов // Вестник Прикамского социального института. — 2023. — № 1 (94). — С. 95–100.
5. Исаева, К. А. Теоретические и уголовно-правовые аспекты шпионажа / К. А. Исаева, Э. Э. Эркинбеков // Аграрное и земельное право. — 2025. — № 2. — С. 523–525.
6. Кульбака, В. И. Квалификация государственной измены по признакам объективной стороны / В. И. Кульбака // Вестник науки. — 2025. — № 10 (91). — С. 126–132.
7. Папулов, А. В. Развитие уголовной политики России в борьбе с современными гибридными угрозами / А. В. Папулов // Общество: политика, экономика, право. — 2026. — № 1 (150). — С. 48–54.

Преимущества нотариального удостоверения договора дарения недвижимого имущества

Жукова Ольга Константиновна, студент магистратуры

Научный руководитель: Шелепина Елена Александровна, кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой Северо-Западный институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (г. Вологда)

В статье авторы рассматривают особенности нотариальной формы договора дарения недвижимости, а также её преимущества и особенности.

Ключевые слова: нотариальное удостоверение, договор дарения недвижимости, правовые последствия, юридические ошибки, оспаривание.

Институт нотариального удостоверения впервые упоминается и законодательно закрепляется в 15 веке в Псковской судной грамоте. Сделки совершались в письменной форме путем составления «грамот» (статья 106) и удостоверялись писцами и местными чиновниками (статья 82) [1]. Более детально такая форма была регламентирована в 1649 году с принятием Соборного уложения, по которому для ряда сделок был предусмотрен особый и обязательный порядок заключения [2]. К этим сделкам относились купчие, закладные, дарственные записи, совершаемые крепостным порядком и внесенные в книги «у крепостных дел» (статья 51) [2].

Впервые лицо, которое удостоверяет сделки в особом порядке, названо «нотариусом» в Своде законов Российской империи 1832 года. Однако его участие было предусмотрено не для всех договоров. В частности, такому удостоверению подлежали договор дарения движимого и недвижимого имущества, купли-продажи, мены и другие [3]. В 1866 году было принято Положение о нотариальной части, по которому все сделки с недвижимым имуществом должны были совершаться нотариусы. Именно с этого времени нотариус был признан лицом, которое специально наделялось властью совершать и свидетельствовать нотариальные акты в России (статьи 65–192) [4].

После революции нотариат стал государственной структурой, однако указанные сделки также остались под монополией нотариусов.

Нотариальная форма применялась вплоть до 1998 года ко всем сделкам с недвижимостью, но после вступления в силу Федерального закона от 21 июля 1997 г. № 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» осталась обязательной только для отдельных видов договоров с недвижимым имуществом. Связано это с тем, что по новому закону появляется институт «регистрации права собственности», который по мнению законодателя должен был обезопасить стороны, обеспечивая прозрачность сделок. Однако правовая сторона сделки при указанной процедуре не проверяется, внесение записи в ЕГРН осуществляется лишь на основании правоустанавливающего документа. При этом разъяснительных консультаций или проверки содержания документов регистратор не совершает, то есть

гарантировать законность сделки или волеизъявление ее участников не представляется возможным.

По мере цифровизации и усилению мошеннических действий неоднократно законодателем обсуждалась необходимость вновь ввести «нотариальную монополию» на все сделки с недвижимым имуществом.

В первую очередь нотариальная форма необходима для договора дарения недвижимого имущества. Это объясняется тем, что происходит безвозмездное отчуждение актива с высокой денежной стоимостью, а также недвижимое имущество удовлетворяет многие экономические потребности гражданина. Злоупотребление при заключении указанного договора может нанести значительный вред дарителю. По мнению В. В. Зайцева, О. В. Зайцева, дарение объектов недвижимости имеет исключительно важный характер, поскольку принадлежность гражданину на праве собственности жилого помещения служит удовлетворению жизненно важной потребности, являющейся основой реализации предусмотренных законом имущественных и личных неимущественных прав [5].

Вышеперечисленные причины привели к принятию Федерального закона от 13.12.2024 N 459-ФЗ «О внесении изменения в статью 574 части второй Гражданского кодекса Российской Федерации», закрепляющего норму о том, что договор дарения недвижимого имущества, «заключенный между гражданами, подлежит нотариальному удостоверению» с 13 января 2025 года [6].

На стадии внесения данного законопроекта на рассмотрение в Государственную Думу возникла дискуссия: уместно ли вводить такую сложную процедуру заключения договора в целом, а также для близких родственников? Но нельзя сказать, что решение о совершении такой сделки между членами семьи не могут быть совершены из корыстных побуждений. Напротив, такие договоры чаще заключаются не между посторонними лицами. Учитывая высокий уровень оспаривания сделок, заключенных в простой письменной форме, в принципе нельзя исключить злонамеренный замысел. М. Н. Ильюшина считает, что в целях обеспечения имущественных, в том числе жилищных, прав дарителей, снижения рисков оспаривания сделок с недвижимостью необходимо установить нотариальную форму для всех договоров дарения недви-

жимости с участием граждан (хотя бы на одной стороне) независимо от степени родства [7].

Нотариальная форма заключения договора дарения недвижимости бесспорно имеет очевидные преимущества:

Во-первых, сводится к минимуму возможность введения дарителя в заблуждение относительно того, какая сделка заключается и какие правовые последствия она влечет. Прежде всего нотариус выясняет истинные намерения сторон, в особенности дарителя. Нередко граждане, особенно пожилые, склонны путать понятия «завещание», «договор ренты с пожизненным содержанием» и «договор дарения», а потому могут совершать неверный выбор между этими сделками: заключают договор дарения, будучи уверенными в том, что смогут распоряжаться своим имуществом в дальнейшем, или обратитесь сделку вспять, что конечно, не соответствует действительности.

Б.В. обратился в суд с иском о признании договора дарения недействительным. Так, между Б. В. и Я был заключен договор дарения квартиры, однако Б. В. полагал, что заключает договор ренты с пожизненным содержанием и будет получать уход от ответчика. Кроме того, истец имеет некоторые заболевания и у него отсутствует юридическое образование, из-за чего он поверил Я. И заключил с ним договор дарения. Договор составлялся в МФЦ, правовые последствия его заключения не были озвучены. Через некоторое время Б. В. обратился за консультацией и узнал, что заключил не тот договор, о котором они договаривались с ответчиком. Суд первой и апелляционной инстанции встали на сторону Б. В., Четвертый кассационный суд общей юрисдикции своим Определением от 04 апреля 2025 года по делу № 88–11469/2025 отклонил кассационную жалобу ответчика и оставил решения нижестоящих судов в силе [8]. Нотариус разъясняет сущность и правовые последствия заключаемого договора, чтобы предотвратить наступление нежелательных последствий и избежать обращения в судебные органы.

Во-вторых, нотариус уделяет особое внимание тому, чтобы на дарителя не оказывалось давление, не применялось насилие и угрозы. Волеизъявление должно быть свободным, в противном случае договор дарения будет признан недействительным.

В-третьих, отчуждаемое имущество проверяется на наличие обременений, и если они будут обнаружены, сведения сообщаются сторонам договора. Даритель будет иметь конкретное представление о том, что получает в дар и как обременения, в случае их наличия, будут влиять на распоряжение недвижимым имуществом. Так, К. А. К. обратилась в суд с иском о признании утратившими право пользования жилым помещением и снятии с регистрационного учета К. Д. и К. А. Д. Истец получила квартиру по договору дарения, на момент заключения договора истец знала, что в ней прописаны ответчики и условие об их проживании в указанной квартире было указано в договоре, с которым К. А. К. была ознакомлена и подписала его. Свои

требования истец обосновывала тем, что К. Д. и К. А. Д. не являются членами ее семьи, а значит проживать в квартире права не имеют и не должны состоять в ней на регистрационном учете. Суд первой и апелляционной инстанции не нашли оснований для удовлетворения требований истца, Четвертый кассационный суд общей юрисдикции в Определении от 30 сентября 2025 года по делу № 88–24163/2025 пришел к такому же выводу [9].

В-четвертых, выясняется дееспособность сторон, в частности, дарителя в момент заключения договора. Указанный факт нотариус проверяет в ходе беседы: предлагаются для обсуждения как простые, так и каверзные вопросы, устанавливается связна и логична ли речь. Непосредственно перед заключением договора, нотариус обращается с соответствующим запросом в ЕГРН. Если договор дарения заключается в простой письменной форме никто не проверяет психическое состояние дарителя и его легко можно склонить к совершению сделки. Указанный факт доказывала М., которая подала в суд иск о признании договор дарения недействительным, действуя в интересах недееспособной К. Г. В. Истец утверждала, что К. Г. В. заключила договор дарения квартиры с Е., не понимая значения своих действий. В последующем Е. совершила действия по отчуждению этой квартиры в пользу Е., а Е. в свою очередь продала квартиру Н., а последняя — К. В. Истец просила признать череду заключенных договоров недействительными. В судебном заседании суда первой инстанции был подтвержден факт недееспособности К. Г. В., согласно заключению судебно-медицинской экспертизы К. Г. В. страдает органическим расстройством личности и в период совершения сделки не могла понимать ее значения и последствия, Шестой кассационный суд общей юрисдикции в Определении от 29 мая 2023 года по делу № 88–11392/2023 счет правильным выводы судов нижестоящих инстанций о том, что доводы истца убедительны и требования подлежат удовлетворению [10].

В-пятых, если недвижимое имущество, которое передается по договору дарения является совместно нажитым, нотариус устанавливает указанный факт и разъясняет сторонам о необходимости получить на сделку согласие второго супруга, поскольку его отсутствие является основанием для признания сделки недействительной. С такой ситуацией в суд обратился М. В. с иском о признании права собственности на долю в квартире, включении доли в квартире в состав наследственного имущества. Его умершая супруга заключила с матерью договор дарения доли в квартире, однако согласия на указанную сделку не получила, об отчуждении их совместного имущества он ничего не знал. Суды нижестоящих инстанций удовлетворили требования истца, с ними согласился и Второй кассационный суд общей юрисдикции в Определении от 04 мая 2023 года по делу № 88–10900/2023 [11].

Также положительным фактором является возможность разгрузить судебную систему от категории таких споров. Поскольку наличие ошибок или введения в за-

блуждение сторон при тщательной процедуре проверки, которую производит нотариус практически невозможно, поскольку нотариальное удостоверение имеет доказательную силу для фактов, которые установил нотариус, значит вероятность оспаривания снижается.

Нотариус является гарантом юридической чистоты при заключении договора и несет имущественную ответственность, если будет доказана его вина. По мнению Михайловой Е. В., нотариус выступает как имуще-

но-ответственный свидетель, вследствие чего тщательно проверяет законность удостоверяемой им сделки [12].

Таким образом, преимущества удостоверения договора дарения нотариусом более, чем очевидны. Нотариус имеет доступ к различным правовым ресурсам, чтобы проверить важные для заключения указанной сделки факты, а также обладает широкими познаниями в юридической сфере, для того, чтобы грамотно изложить ее содержание.

Литература:

1. Гинцбург, А. Б. Новгородская и Псковская судные грамоты / А. Б. Гинцбург. — С.-Петербург: Типография и Литография Л. Бермана и Г. Рабиновича, 1888. — 41 с. — Текст: электронный — URL: <https://www.prilib.ru/item/429120> (дата обращения: 23.02.2026).
2. Соборное уложение 1649 года. — М.: Издательство Юрайт, 2025. — 203 с. — Текст: электронный. — URL: <https://urait.ru/bcode/568700> (дата обращения: 24.12.2025).
3. Свод законов Российской империи 1832 г.. — Текст: электронный // Викитека: [сайт]. — URL: <https://ru.wikisource.org/> (дата обращения: 23.12.2025).
4. Кириллова, Е. А. Нотариат / Е. А. Кириллова. — Учебное пособие. — М.: РЭУ им. Г. В. Плеханова, 2017. — 115 с. — Текст: непосредственный.
5. В. В. Зайцев, О. В. Зайцев. Нотариальное удостоверение дарения недвижимости: лучше поздно, чем никогда / Современное право. — 2025. — № 4. — С. 57–63. — Текст: электронный. — URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 24.12.2025).
6. Федеральный закон от 13.12.2024 N 459-ФЗ «О внесении изменения в статью 574 части второй Гражданского кодекса Российской Федерации»// Собрание законодательства РФ, 16.12.2024, № 51, ст. 7853.
7. Ильюшина М. Н. Нотариальная форма договоров с жилой недвижимостью: перспективы введения / Семейное и жилищное право. — 2024. — № 5. — С. 27–30. Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс». — URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 24.12.2025).
8. Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 30.04.2025 по делу № 88–11469/2025. — Текст: электронный // СПС КонсультантПлюс: URL: <https://www.consultant.ru/>. (дата обращения: 23.12.2025).
9. . Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 30.09.2025 по делу № 88–24163/2025. — Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс». — URL: <https://www.consultant.ru/>. (дата обращения: 23.12.2025).
10. Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 29.05.2023 по делу № 11392/2023 по делу № 11392/2023. — Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс». — URL: <https://www.consultant.ru/>. (дата обращения: 23.12.2025).
11. Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 04.05.2023 по делу № 10900/2023. — Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс». — URL: <https://www.consultant.ru/>. (дата обращения: 24.12.2025).
12. Михайлова, Е. В. Нотариальное удостоверение сделки и его правовые последствия: материальный и процессуальный аспекты / Имущественные отношения в Российской Федерации. — 2024. — № 1. — С. 100–1005. — Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс». — URL: <https://www.consultant.ru/>. (дата обращения: 24.12.2025).

Правовые механизмы блокировки операций в системе ПОД/ФТ: баланс публичных интересов и прав хозяйствующих субъектов

Зайцева Дарья Анатольевна, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

Статья посвящена анализу правовых механизмов блокировки (приостановления) операций и отказа в обслуживании клиентов в рамках системы противодействия легализации доходов, полученных преступным путём, и финансированию терроризма. Исследуются нормы статей 7 и 7.5 Федерального закона № 115-ФЗ, порядок реабилитации клиентов, позиция Банка России. Автор выявляет дисбаланс между публичными интересами и частными правами хозяйствующих субъектов и предлагает конкретные законодательные изменения.

Ключевые слова: блокировка операций, отказ в обслуживании, ПОД/ФТ, права клиентов, Росфинмониторинг, реабилитация, риск-ориентированный подход, финансовый мониторинг.

Система противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путём, и финансированию терроризма (ПОД/ФТ) не может функционировать без механизмов оперативного реагирования на подозрительную активность. Центральное место среди таких механизмов занимают блокировка (приостановление) операций и отказ в совершении сделок. Вместе с тем эти инструменты затрагивают фундаментальные права участников гражданского оборота — право собственности, свободу предпринимательской деятельности, право на распоряжение денежными средствами. Вопрос о том, где пролегает справедливая граница между интересами безопасности и правами частных лиц, остаётся открытым.

Правовой основой рассматриваемых механизмов служит Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ [1]. Статья 7 данного закона наделяет организации, осуществляющие операции с денежными средствами, правом отказать в выполнении распоряжения клиента о совершении операции, если у организации возникают подозрения, что операция совершается в целях легализации преступных доходов. Кроме того, статья 7.5 предусматривает приостановление операций с денежными средствами, если хотя бы одной из сторон является лицо, включённое в перечень организаций и физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму. Росфинмониторинг [2] формирует и ведёт указанный перечень, а организации обязаны отслеживать его актуальность в режиме реального времени.

Ключевая практическая проблема состоит в том, что право на отказ по статье 7 закреплено в весьма общих формулировках. Закон не устанавливает чёткого перечня оснований для отказа, ограничиваясь указанием на «подозрения». В результате банки и иные организации вынуждены самостоятельно определять порог подозрительности, опираясь на внутренние правила, методические рекомендации Банка России [3] и собственную оценку рисков. Неудивительно, что при таком подходе случаи необоснованных отказов множатся [4, с. 89–96]. Предприниматели жалуются на то, что банки блокируют совершенно легитимные операции — например, переводы контрагентам, зарегистрированным в другом регионе, или платежи, незначительно превышающие привычный для клиента объём. Ситуацию усугубляет то, что при отказе банк не обязан подробно раскрывать клиенту основания своего решения: статья 4 Федерального закона № 115-ФЗ прямо запрещает информирование клиентов о мерах ПОД/ФТ.

Механизм реабилитации, предусмотренный пунктом 13.4 статьи 7, появился относительно недавно и был призван защитить добросовестных участников оборота. Согласно данной норме, клиент вправе обратиться в организацию с заявлением о пересмотре решения об отказе,

приложив документы, подтверждающие отсутствие оснований для подозрений. Организация обязана рассмотреть это заявление и сообщить о результатах. Однако закон не устанавливает конкретного срока рассмотрения. Банк России в информационном письме от 12.09.2018 [5] рекомендовал рассматривать такие заявления в течение десяти рабочих дней, но эта рекомендация не имеет обязательной силы. На практике клиенты нередко ожидают ответа неделями, а то и месяцами, лишённые возможности распоряжаться собственными средствами.

Если организация отказывает в пересмотре, клиент вправе обратиться в межведомственную комиссию при Банке России. Этот механизм, безусловно, является позитивным шагом, однако и он не лишён недостатков. Во-первых, процедура рассмотрения дела в комиссии занимает дополнительное время. Во-вторых, решение комиссии носит рекомендательный характер: банк формально не обязан ему подчиниться, хотя на практике организации, как правило, следуют выводам комиссии [6, с. 74–85]. Тем не менее отсутствие юридически обязывающего характера решения ослабляет защиту клиента.

Стоит обратить внимание и на количественный аспект. По данным Росфинмониторинга и Банка России, число отказов в обслуживании клиентов в рамках «антиотмывочного» законодательства исчисляется десятками тысяч ежегодно. При этом статистика удовлетворённых обращений о реабилитации свидетельствует о том, что значительная часть первоначальных отказов впоследствии признаётся необоснованной [7, с. 145–158]. Это означает, что действующая система допускает системную ошибку «первого рода»: добросовестные клиенты страдают наряду с недобросовестными, а на их восстановление в правах уходят месяцы.

Международный опыт подтверждает, что проблема необоснованных блокировок носит универсальный характер. В отчёте ФАТФ по итогам взаимной оценки России (2019 г.) отмечалось, что российская система ПОД/ФТ в целом эффективна, однако эксперты указали на необходимость совершенствования механизмов обратной связи между субъектами мониторинга и уполномоченным органом, а также на важность обеспечения пропорциональности ограничительных мер [8, с. 87–92].

Какие изменения представляются необходимыми? Прежде всего, целесообразно дополнить статью 7 Федерального закона № 115-ФЗ нормой, устанавливающей обязательный срок рассмотрения заявления клиента о пересмотре решения об отказе — не более пяти рабочих дней. При отсутствии мотивированного ответа в указанный срок решение об отказе следует считать отменённым. Далее, представляется целесообразным придать решениям межведомственной комиссии при Банке России обязательный характер для кредитных органи-

заций. Наконец, необходимо расширить обязанности банков по информированию клиентов: не раскрывая деталей «антиотмывочных» мероприятий, организация должна по крайней мере сообщить, какой именно документ или обстоятельство послужили основанием для отказа, чтобы клиент мог подготовить аргументированное возражение.

Подводя итог, следует признать: механизмы блокировки операций и отказа в обслуживании являются не-

обходимым элементом системы ПОД/ФТ. Однако их применение не должно становиться произвольным. Задача законодателя — выстроить такую модель, в которой оперативность реагирования на подозрительную активность сочетается с надёжными гарантиями прав добросовестных участников оборота. Реализация предложенных мер позволит существенно снизить число необоснованных блокировок и повысить доверие бизнеса к национальной системе финансового мониторинга.

Литература:

1. Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путём, и финансированию терроризма» // СЗ РФ. — 2001. — № 33 (ч. I). — Ст. 3418.
2. Указ Президента РФ от 13.06.2012 № 808 «Вопросы Федеральной службы по финансовому мониторингу» // СЗ РФ. — 2012. — № 25. — Ст. 3314.
3. Методические рекомендации Банка России от 22.02.2019 № 5-МР «О подходах к управлению кредитными организациями риском легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путём, и финансирования терроризма».
4. Прошунин, М. М. Финансовый мониторинг (противодействие легализации (отмыванию) доходов и финансированию терроризма) / М. М. Прошунин. — М.: РАП, 2019. — 256 с.
5. Информационное письмо Банка России от 12.09.2018 № ИН-014–12/61 «О подходах к порядку реализации кредитными организациями права, предусмотренного пунктом 13.4 статьи 7 Федерального закона № 115-ФЗ».
6. Ревенков, П. В. Финансовый мониторинг: управление рисками отмывания денег в банках / П. В. Ревенков. — М.: КНОРУС, 2021. — 280 с.
7. Зубков, В. А. Российская Федерация в международной системе противодействия легализации преступных доходов и финансированию терроризма / В. А. Зубков, С. К. Осипов. — М.: Спецкнига, 2020. — 320 с.
8. FATF. Anti-money laundering and counter-terrorist financing measures — Russian Federation. Mutual Evaluation Report. — Paris, 2019. — 243 p.

Проблемы применения административных санкций к субъектам первичного финансового мониторинга за нарушение требований законодательства о ПОД/ФТ

Зайцева Дарья Анатольевна, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье исследуются практические проблемы привлечения субъектов первичного финансового мониторинга к административной ответственности за нарушение законодательства о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путём, и финансированию терроризма. На основе анализа судебной практики автор выявляет трудности квалификации правонарушений по ст. 15.27 КоАП РФ, проблему «двойного наказания» юридического лица и его должностного лица, а также несоразмерность санкций для организаций различного масштаба. Предлагаются направления реформирования.

Ключевые слова: административная ответственность, первичный финансовый мониторинг, ПОД/ФТ, ст. 15.27 КоАП РФ, судебная практика, соразмерность санкций, двойное наказание.

Субъекты первичного финансового мониторинга — кредитные организации, микрофинансовые организации, страховщики, ломбарды, нотариусы, адвокаты, риелторы и иные лица, перечисленные в статье 5 Федерального закона № 115-ФЗ [1], — несут основную нагрузку в национальной системе противодействия отмыванию доходов. Именно они обязаны идентифицировать клиентов, оценивать характер операций, выявлять подозрительные сделки и направ-

лять соответствующую информацию в Росфинмониторинг. Вполне закономерно, что государство подкрепляет эти обязанности мерами административного принуждения. Однако практика применения этих мер далеко не безупречна.

Основной нормой, устанавливающей административную ответственность в рассматриваемой сфере, является статья 15.27 КоАП РФ [2]. Её конструкция, на первый взгляд, логична: часть 1 охватывает нарушения

организации внутреннего контроля, не повлекшие непредставление сведений в уполномоченный орган; часть 2 — нарушения, повлекшие такое непредставление; часть 2.1 — непредставление сведений об отказе в обслуживании; часть 3 — воспрепятствование проверкам. Однако на практике граница между первой и второй частями размывается, и это создаёт серьёзные трудности для субъектов мониторинга.

Суть проблемы в следующем: чтобы квалифицировать деяние по части 2 (а не по части 1), контролирующий орган должен установить причинно-следственную связь между конкретным нарушением внутреннего контроля и фактом непредставления сведений [3, с. 130–142]. Казалось бы, задача чисто юридическая. Но на деле один и тот же дефект — скажем, несвоевременная идентификация выгодоприобретателя — в одном случае трактуется как формальное нарушение внутреннего контроля (ч. 1, штраф до 100 тыс. руб.), а в другом — как причина непредставления сообщения (ч. 2, штраф до 400 тыс. руб. или приостановление деятельности на срок до 60 суток). Разница в санкциях колоссальная, а критерии разграничения — размытые.

Показательно дело № А56–95928/2022. Тринадцатый арбитражный апелляционный суд в постановлении от 06.03.2023 переqualificировал действия микрофинансовой организации с ч. 2 на ч. 1 ст. 15.27 КоАП РФ [4]. Суд указал, что нарушение порядка идентификации клиента само по себе не означает автоматического непредставления сведений, и снизил штраф со 200 тыс. до 50 тыс. руб. Однако по делу № А40–98034/2023 Арбитражный суд города Москвы пришёл к противоположному выводу, подтвердив правомерность привлечения страховой компании по ч. 2 со штрафом 200 тыс. руб. за аналогичное по характеру нарушение [5]. Подобная разнородность подрывает принцип правовой определённости и предсказуемости правоприменения.

Второй ощутимой проблемой является так называемое «двойное наказание». Часть 3 статьи 2.1 КоАП РФ прямо допускает привлечение к ответственности и юридического лица, и его должностного лица за одно и то же правонарушение. На практике это означает, что банк может быть оштрафован, к примеру, на 200 тыс. руб. по ч. 2 ст. 15.27, а его комплаенс-офицер — дополнительно на 30–50 тыс. руб. По отдельности каждая из этих санкций может казаться обоснованной, но в совокупности они создают эффект избыточного давления, особенно для небольших организаций, где должностное лицо нередко является одновременно учредителем или единственным сотрудником [6, с. 195–210].

Третья проблема — соразмерность. Штрафные санкции ст. 15.27 КоАП РФ установлены в фиксированных размерах, одинаковых для всех субъектов первичного мониторинга. Между тем разброс среди них огромен: от системообра-

зующих банков с триллионными активами до ломбардов и индивидуальных предпринимателей-риелторов. Штраф в 200–400 тыс. руб. для крупного банка — статистическая погрешность; для микрокредитной компании — угроза существованию. Арбитражный суд Уральского округа в постановлении от 22.11.2023 по делу № А60–17553/2023 рассматривал именно такую ситуацию: небольшая организация просила снизить штраф ниже минимального предела, ссылаясь на тяжёлое финансовое положение, но суд не усмотрел оснований для снижения [7]. Этот пример наглядно демонстрирует, что действующий механизм не учитывает экономическое неравенство субъектов.

Отдельно стоит упомянуть процедурный аспект. Протоколы об административных правонарушениях по ст. 15.27 вправе составлять несколько органов: Росфинмониторинг, Банк России (в отношении поднадзорных финансовых организаций), Федеральная пробирная палата (для операторов с драгоценными металлами). Множественность контролирующих субъектов порождает риск дублирования проверок, а в ряде случаев — и противоречивых квалификационных выводов [8, с. 148–162]. Организация, получившая от одного надзорного органа предупреждение, рискует столкнуться с иной оценкой того же деяния со стороны другого органа.

Какие изменения представляются целесообразными? Во-первых, необходимо конкретизировать критерии разграничения частей 1 и 2 ст. 15.27 КоАП РФ, например путём формализации перечня нарушений, которые презюмируют или, напротив, исключают причинно-следственную связь с непредставлением сведений. Во-вторых, заслуживает обсуждения идея введения оборотных штрафов (по аналогии со ст. 14.31 КоАП РФ), чтобы размер санкции коррелировал с масштабом деятельности нарушителя. В-третьих, целесообразно нормативно закрепить механизм координации между контролирующими органами для исключения дублирования проверок. Наконец, применительно к «двойному наказанию» представляется возможным установить правило, согласно которому одновременное привлечение юридического лица и его должностного лица допускается лишь при доказанности самостоятельной вины каждого из них.

Таким образом, действующее законодательство об административной ответственности в сфере ПОД/ФТ нуждается в точечной, но существенной корректировке. Задача состоит не в ужесточении санкций, а в обеспечении их предсказуемости, дифференцированности и процедурной корректности. Только при этих условиях административная ответственность будет действительно стимулировать субъектов первичного мониторинга к добросовестному исполнению возложенных на них обязанностей, а не превращаться в источник правовой неопределённости.

Литература:

1. Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путём, и финансированию терроризма» // СЗ РФ. — 2001. — № 33 (ч. I). — Ст. 3418.

2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // СЗ РФ. — 2002. — № 1 (ч. I). — Ст. 1.
3. Прошунин, М. М. Финансовый мониторинг (противодействие легализации (отмыванию) доходов и финансированию терроризма) / М. М. Прошунин. — М.: РАП, 2019. — 256 с.
4. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 06.03.2023 по делу № А56–95928/2022. — Текст: электронный // КонсультантПлюс.
5. Решение Арбитражного суда г. Москвы от 14.07.2023 по делу № А40–98034/2023. — Текст: электронный // КонсультантПлюс.
6. Зубков, В. А. Российская Федерация в международной системе противодействия легализации преступных доходов и финансированию терроризма / В. А. Зубков, С. К. Осипов. — М.: Спецкнига, 2020. — 320 с.
7. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 22.11.2023 по делу № А60–17553/2023. — Текст: электронный // КонсультантПлюс.
8. Ревенков, П. В. Финансовый мониторинг: управление рисками отмывания денег в банках / П. В. Ревенков. — М.: КНОРУС, 2021. — 280 с.

Механизмы защиты имущественных прав несовершеннолетних в гражданском и семейном законодательстве

Зарубина Ирина Игоревна, студент магистратуры
Байкальский государственный университет (г. Иркутск)

В статье рассматриваются особенности правового регулирования и механизмы защиты имущественных прав несовершеннолетних в рамках гражданского и семейного законодательства.

Ключевые слова: имущественные права несовершеннолетних, право собственности, распоряжение имуществом, органы опеки и попечительства, родители, опекуны и попечители, гражданский и семейный кодекс, сделка, доходы.

Защита имущественных прав несовершеннолетних занимает особое место в системе российского законодательства, поскольку именно она формирует базис для их социальной защищённости, а также материальной и финансовой безопасности.

Актуальность темы обусловлена необходимостью системного анализа норм, регулирующих имущественные отношения несовершеннолетних, а также разработки рекомендаций по совершенствованию гражданского и семейного законодательства в части защиты имущественных прав детей, учитывая значительный рост участия несовершеннолетних в гражданско-правовых отношениях, а также новые формы приобретения и распоряжения имуществом.

Несовершеннолетние граждане имеют право владеть различными видами имущества. К их числу относятся личные доходы, имущество, приобретённое на собственные средства, подаренное имущество и наследство. Имущественные права несовершеннолетних регламентированы комплексом нормативных правовых актов, выполняющих функцию инструментов для их правовой защиты. Базовой платформой для определения правового статуса несовершеннолетних выступает Семейный кодекс Российской Федерации. Его материальные и процессуальные нормы определяют спектр личных и имущественных прав ребенка, а также фиксируют законные

способы их защиты в статьях 8 и 9, главе 11, а также в статьях 65, 80 СК РФ. Отдельный сегмент регулирования составляют предписания глав 18–22 СК РФ, которые дифференцируют особенности реализации и охраны прав детей-сирот и детей, оставшихся без родительского попечения, ставя механизмы такой защиты в прямую зависимость от выбранной формы их устройства [2].

Как справедливо отмечает С. В. Игнатьева, раскрывая в ст. 60 СК РФ содержание отдельных имущественных прав ребенка законодатель одновременно фиксирует также обязательные условия их реализации. При этом основополагающим условием осуществления данных прав выступает строго регламентированный порядок одобрения юридически значимых действий. В частности, при совершении несовершеннолетним сделок, направленных на распоряжение принадлежащим ему имуществом, нормативно закреплена необходимость прохождения процедуры двойного согласования — как со стороны законных представителей (родителей, усыновителей), так и со стороны органов опеки и попечительства [4]. Дополнительной гарантией законности такой процедуры выступает требование об обязательном нотариальном удостоверении сделок с участием несовершеннолетних.

Семейное законодательство закрепляет в п. 4 ст. 60 СК РФ принцип раздельности имущества, согласно которому несовершеннолетние и их родители не имеют права соб-

ственности на имущество друг друга [5]. Этот же принцип закреплён в п. 1 ст. 17 Федерального закона от 24 апреля 2008 года № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве» в отношении детей, оставшихся без попечения родителей, и их опекунов (попечителей) [3]. Этот принцип направлен на защиту имущественных прав несовершеннолетних от внешних факторов и рисков. Главное назначение указанного правового барьера заключается в воспрепятствовании принудительному изъятию имущества детей в счёт покрытия финансовых обязательств их законных представителей. Благодаря этому материальная сфера несовершеннолетнего обособляется от потенциального банкротства, невыплат по заемным обязательствам, а также от рисков привлечения законных представителей к субсидиарной ответственности.

В то же время в соответствии со ст. 60 СК РФ совместно проживающие дети и родители могут владеть и пользоваться имуществом друг друга по взаимному согласию. В качестве модернизации данного положения, по мнению С. В. Игнатьевой, представляется обоснованным ориентироваться на принципы ст. 36 СК РФ, в рамках которой определено имущество, которое может находиться в индивидуальной собственности каждого супруга. Опираясь на данную аналогию, в целях улучшения системы защиты интересов несовершеннолетних, целесообразно закрепить правило, согласно которому личным имуществом несовершеннолетнего признаются только те материальные ценности, которые приобретены целенаправленно для обеспечения нужд несовершеннолетнего [4].

Наряду с семейным законодательством, ключевую роль в регулировании и защите имущественных прав несовершеннолетних играют нормы Гражданского кодекса Российской Федерации, составляющие последовательную систему интеграции несовершеннолетних в гражданско-правовую среду. Законодатель не только классифицирует уровни дееспособности несовершеннолетних (ч. 1 ГК РФ), но и предусматривает специальные защитные механизмы в рамках отдельных видов договоров (ч. 2 ГК РФ), а также гарантирует охрану их интересов в наследственных правоотношениях (ч. 3 ГК РФ).

В свою очередь, нормы первой части ГК РФ (включая ст. ст. 20, 21, 26–28, 31, 33, 35–40, 152.1, 167, 172, 175, 292)

закрепляют границы деликтоспособности несовершеннолетних, правила совершения ими сделок, а также основы контроля и защиты жилищных интересов детей. Особенности реализации прав несовершеннолетних в части договорных и охранительных обязательств конкретизированы во второй части ГК РФ (в частности, в ст. ст. 575, 679, 786, 1073–1075, 1087–1089), где подробно регулируется их участие в сделках дарения, найма жилья, а также гарантируется возмещение вреда, причиненного жизни и здоровью. Наконец, нормы наследственного права, сосредоточенные в третьей части ГК РФ (ст. ст. 1117, 1124, 1142, 1143, 1145, 1149, 1157, 1166, 1167, 1199), гарантируют материальную безопасность несовершеннолетних, устанавливая правила об обязательной доле в наследстве и обеспечивая защиту интересов зачатых, но еще не родившихся наследников [1].

Реализация правомочий по распоряжению имуществом, принадлежащем несовершеннолетним на праве собственности, регламентируется рамками статей 26 и 28 ГК РФ. Важным фактором выступает то, что за любые правовые последствия совершаемых сделок несовершеннолетние в возрасте от 14 до 18 лет несут персональную ответственность уже самостоятельно [1]. Тем не менее, в случае наличия веских оснований, например, склонность к расточительству или расходование средств на приобретение товаров, наносящих вред здоровью и развитию, несовершеннолетние могут быть лишены возможности или ограничены в праве распоряжаться собственными доходами в судебном порядке. В данном случае сделки совершаются при условии согласия законных представителей.

В качестве вывода можно констатировать, что защита имущественных прав несовершеннолетних в Российской Федерации базируется на комплексном межотраслевом регулировании, сочетающем в себе институты гражданского и семейного права. По нашему мнению, в целях совершенствования системы защиты имущественных прав несовершеннолетних требуется дальнейшая модернизация законодательства и обеспечение единообразия правоприменительной практики для обеспечения полноценной защиты имущественных прав несовершеннолетних.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ: [в редакции от 13 декабря 2024 года]. — Доступ из справочно-правовой системы «Гарант». — Текст: электронный.
2. Семейный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 29 декабря 1995 года № 223-ФЗ: [в редакции от 23 ноября 2024 года]. — Доступ из справочно-правовой системы «Гарант». — Текст: электронный.
3. Об опеке и попечительстве: Федеральный закон от 24 апреля 2008 г. № 48-ФЗ: [в редакции от 8 августа 2024 года]. — Доступ из справочно-правовой системы «Гарант». — Текст: электронный.
4. Игнатьева С. В. К вопросу о защите имущественных прав несовершеннолетних // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. — 2020. — № 1 (85). — С. 76–80.
5. Серебрякова А. А. Защита имущественных прав детей // Историческая и социально-образовательная мысль. — 2017. — Т. 9. — № 2/1. — С. 105–110.

Использование цифровых технологий при проведении судебных экспертиз на стадии предварительного расследования и некоторые проблемы их внедрения

Иванова Евгения Александровна, студент магистратуры

Научный руководитель: Ефремов Дмитрий Алексеевич, кандидат юридических наук, доцент
Саратовская государственная юридическая академия

В статье автор исследует основные аспекты использования цифровых технологий в судебных экспертизах на стадии предварительного расследования. Анализируются современные методы, такие как искусственный интеллект, анализ цифровых следов и системы машинного обучения, а также некоторые проблемы их внедрения.

Ключевые слова: судебная экспертиза, цифровые технологии, уголовное судопроизводство, предварительное расследование, искусственный интеллект, цифровые следы.

Современное уголовное судопроизводство сталкивается с необходимостью адаптации к новым реалиям, непосредственно связанные с развитием цифровых технологий. На стадии предварительного расследования судебные экспертизы играют ключевую роль в сборе доказательств, особенно в делах о киберпреступлениях, где традиционные методы становятся недостаточно эффективными. Настоящая статья ставит основной целью исследование возможностей внедрения современных цифровых инструментов для повышения качества экспертных заключений, выявить возможные недостатки и предложить пути их устранения.

Теоретические основы использования цифровых технологий в судебных экспертизах. Современный мир во многом определяется влиянием цифровых технологий, которые пронизывают многие области человеческой области. По мнению А. А. Корешковой, цифровые технологии — это совокупность средств и методов, основанных на использовании цифровой информации и обработке данных с помощью компьютеров и электронных устройств, которые позволяют создавать, хранить, передавать, обрабатывать и представлять информацию в электронном виде и, таким образом, трансформировать социально-экономические процессы [5].

Технологии затронули и судебные экспертизы, которые благодаря им расширили свои методы исследований.

С каждым днем цифровизация уголовного судопроизводства становится неотъемлемой частью современного правоприменения. Однако процесс интеграции сталкивается с серьезными препятствиями: отставание правового регулирования от темпов технологического прогресса, риски информационной безопасности и необходимость переподготовки экспертов.

Цифровые технологии в судебной экспертизе — это совокупность программно-аппаратных средств для обработки, анализа и моделирования данных, получаемых из электронных носителей. К ним относятся системы искусственного интеллекта, машинное обучение, 3д-моделирование и другие.

В предварительном расследовании они применяются в большей степени для судебно-медицинских, компьютерно-технических, трасологических, почерковедческих

экспертиз. Например, эксперт загружает в систему сканы спорной подписи, а также образцы для сравнения. Искусственный интеллект автоматически выделяет и анализирует десятки параметров, которые заложены программой, строит математическую модель почерка и выдает заключение: «Совпадение с вероятностью 90 %» или «Вероятность подделки — 95 %». Использование подобных цифровых технологий позволяет говорить не просто об автоматизации, но и о новом уровне анализа, делает исследование более быстрым и эффективным [6,7,8].

Применение цифровых технологий на стадии проведения судебных экспертиз. Современное предварительное расследование невозможно представить без активного внедрения цифровых технологий. В условиях стремительного развития информационных систем, искусственного интеллекта и больших данных, правоохранительные органы получают новые инструменты для повышения эффективности, объективности и скорости раскрытия преступлений. Рассмотрим подробнее потенциал некоторых ключевых цифровых инструментов.

Использование искусственного интеллекта и нейронных сетей. Принято считать, что первые признаки искусственного интеллекта (ИИ) в криминалистической практике возникли в середине 20-го века. В то время ученые начали разрабатывать методы автоматизированной обработки информации. Значимым этапом стало создание технологии распознавания оптического текста, над которой работали с 1950-х годов. В итоге в 1974 году американский изобретатель Рэй Курцвейл представил первую систему, способную не только распознавать печатный текст, но и преобразовывать его в звуковую форму, что стало важным шагом для помощи людям с нарушением зрения [10].

На законодательном уровне в Российской Федерации понятие «искусственный интеллект» (ИИ) впервые было дано в Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2020 г., утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 [4]. Согласно данному документу, ИИ — это комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма)

и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые как минимум с результатами интеллектуальной деятельности человека.

Сфера использования ИИ и нейросетей на сегодня широка, но в большей степени используют для обработки изображений, распознавания образов. Например, при проведении судебной экспертизы нейросети способствуют улучшению качества фотографий, видео, распознаванию лиц на записи, выделению фрагментов, которые сложно заметить при ручной обработке. Практическая ценность данного направления особенно проявляется при работе с записями с камер видеонаблюдения низкого качества. Нейросеть может выполнить предварительную очистку изображения от шумов, повысить резкость, выделить лицо или иной значимый объект, после чего эксперт проверит результат для дальнейшего использования как часть исследования.

Еще один пример использования ИИ в судебно-экспертной деятельности — это обработка текста при почерковедческой экспертизе. То есть, система сопоставляет спорную подпись с образцами, выделяя при этом множество параметров: и наклон, и ритм, и нажим, и связность, особенности начертания.

Важно отметить, что ИИ, нейросети, не подменяют собой следствие или суд, на данный момент они выполняют лишь вспомогательную функцию. Их задача — ускорить анализ данных, повысить точность сравнения, сократить время исследования, не снимая с эксперта обязанности самостоятельной оценки результатов и формирования выводов.

Использование 3Д моделирования. Цифровые технологии охватывают в том числе и использование 3D технологий или моделирования.

3D моделирование представляет собой совокупность средств и методов, позволяющих создавать, обрабатывать и воспроизводить объекты в трёхмерном пространстве — с длиной, шириной и высотой, что обеспечивает их наглядную реалистичность.

Трёхмерные технологии широко применяются специалистами при проведении судебно-медицинских экспертиз. Уже на этапе наружного осмотра эксперт получает значительный объём существенной диагностической информации: о повреждениях тела и одежды, следах крови и т. п. Это обусловило необходимость разработки методики получения 3Д-изображения трупа с возможностью детального изучения крошечных объектов, оставшиеся на поверхности одежды и тела.

Подобная виртуальная копия имеет большое значение, поскольку у эксперта будет возможность провести повторное наружное исследование.

В России совместно несколькими организациями, работающими в сфере медицинских информационных технологий, была разработана система Virtual Autopsy Table — интерактивная система визуализации, которая позволяет исследовать трёхмерные модели человеческого тела с помощью данных, полученных при сканировании. Её задача

максимально облегчить проведение судебно-медицинской экспертизы. Тело помещается на диагностический стол, а специальное устройство над столом проводит сканирование. Программное обеспечение получает данные со сканера и обрабатывает их. Вся обработка занимает около двадцати секунд, после чего создается трёхмерная виртуальная модель тела, используется быстрая видеокарта, чтобы изображение было в разрешении FullHD.

Применение 3D-технологий имеет значение не только для качества экспертного исследования, но и для следователя, прокурора и суда, поскольку делает результаты более понятными и доступными для восприятия. Визуализация нередко помогает лучше понять характер повреждений, механизм их образования и взаимное расположение объектов.

Цифровые следы. Отдельного внимания заслуживает использование цифровых следов как объект экспертного исследования. В условиях распространения мобильных устройств, облачных сервисов, социальных сетей и мессенджеров значительная часть информации о событии преступления фиксируется именно в цифровой форме [11].

Цифровые следы могут содержать сведения о времени, месте, маршрутах передвижения, переписке, контактах, действиях пользователя и технических характеристиках устройства. Их анализ позволяет восстанавливать картину событий, проверять версии следствия и устанавливать связи между участниками уголовного дела.

В этом контексте компьютерно-техническая экспертиза приобретает особое значение. Эксперт исследует не только содержимое файлов, но и метаданные, журналы событий, историю доступа, системные записи, информацию о соединениях и удаленных объектах [9, 12]. Такой подход позволяет получить более полное представление о действиях пользователя и происхождении электронных данных.

Однако работа с цифровыми следами требует строгого соблюдения правил фиксации и сохранения доказательственной информации. Малейшее нарушение порядка изъятия, копирования или хранения электронных носителей может повлечь утрату целостности данных и поставить под сомнение достоверность экспертного заключения.

Несмотря на очевидные преимущества, внедрение цифровых технологий в сферу судебной экспертизы сопряжено рядом проблем.

Отсутствие нормативной базы. Основной проблемой использования цифровых технологий в области судебной экспертизы является отсутствие четкого нормативного регулирования. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и иное законодательство Российской Федерации в целом, пока слабо учитывают современные достижения науки и техники.

В 2020 году Государственной Думой был принят Федеральный закон № 258 «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых и технологических инноваций в Российской Федерации» [3]. В данном нормативно-правовом акте нет специальных положений, ко-

торые бы прямо касались цифровых технологий в области судебных экспертиз. Однако важно отметить, что закон устанавливает общий механизм создания экспериментальных правовых режимов для внедрения цифровых технологических инноваций в различных областях, в том числе и в судебной экспертизе, так как перечень сфер не ограничивается только перечисленными в законе — он открыт для предложений, и судебная экспертиза может быть включена в такой эксперимент. То есть данный закон создает правовую возможность для одобрения и внедрения прямых норм о цифровых технологиях в сфере судебной экспертизы через механизм экспериментальных правовых режимов.

УПК РФ пока не признает результаты работы искусственного интеллекта доказательствами в уголовном судопроизводстве. Без должного правового обоснования суды нередко отказывают в принятии заключения эксперта, основанного на применении высокотехнологичных методов.

Для решения данной проблемы необходимо разработать специализированные законы, внести правки в существующие акты, которые будут регулировать применение цифровых технологий в судебной экспертизе, включая пределы применения в уголовном процессе, принципы функционирования, ответственности за нарушение порядка использования современных технологий в исследовании. Также следует дополнить ст. 204 УПК РФ частью, которая бы прямо разрешала признавать материалы, созданные автоматизированными системами без участия человека, иными документами и использовать их в качестве доказательств по уголовному делу. Это позволило бы предотвратить попытки необоснованного отказа результатов экспертного заключения в суде.

Недостаточная квалификация экспертов и следователей. Не менее серьезной проблемой в части использования технологий в экспертном исследовании, является недостаточная квалификация кадров, а также малое количество экспертов, способных проводить высокотехнологичные исследования.

Сегодня сложно найти человека с междисциплинарными компетенциями, который бы имел знания не только в области естественных наук и права, но и в сфере информационных технологий [13]. Инновации обновляются каждые 2–3 года, а направления подготовки повышения квалификации не успевают меняться столь стремительно, да и немногие учебные заведения готовы заниматься подобными направлениями развития.

Решением может стать развитие специализированных программ дополнительного образования, создание меж-

ведомственных учебных центров, а также более тесное взаимодействие между экспертными учреждениями, вузами и IT-специалистами. Только при наличии устойчивой системы подготовки кадров цифровизация экспертизы сможет дать ожидаемый эффект.

Информационная безопасность. Еще одним важным вопросом выступает обеспечение информационной безопасности. При использовании цифровых технологий экспертные материалы часто хранятся и обрабатываются в электронном виде, что повышает риск несанкционированного доступа, утраты данных, подмены файлов и иных киберугроз.

Для уголовного процесса такие риски особенно опасны, поскольку они могут поставить под сомнение достоверность доказательств. В связи с этим необходимы надежные механизмы защиты: контроль доступа, резервное копирование, ведение журналов операций и использование сертифицированных программных средств.

Без решения вопросов безопасности цифровизация может не только не повысить качество экспертиз, но и создать новые процессуальные риски. В связи с этим внедрение таких технологий должно сопровождаться жесткими требованиями к защите информации и контролю за обработкой электронных данных.

Следовательно, использование цифровых технологий при производстве судебных экспертиз на стадии предварительного расследования выступает закономерным этапом эволюции современного уголовного судопроизводства. Искусственный интеллект, нейросети, 3D-моделирование и анализ цифровых следов существенно умножают возможности эксперта, ускоряют обработку информации и повышают качество проводимых исследований.

Однако указанные технологии не могут рассматриваться как универсальное средство решения всех проблем. Их внедрение неизбежно связано с преодолением правовых, организационных и кадровых ограничений. Наиболее остро встают вопросы нормативного регулирования, обеспечения информационной безопасности и должной подготовки специалистов.

Для успешного и долгосрочного применения цифровых технологий в судебной экспертизе необходим комплексный подход, который включает совершенствование законодательства, техническое переоснащение экспертных учреждений и повышение профессионального уровня кадров. Именно такая совокупность мер способна обеспечить более высокое качество предварительного расследования и укрепить доказательственную базу по уголовным делам.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // Официальный интернет-портал правовой информации.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52. Ст. 4921.

3. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых и технологических инноваций в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31. Ст. 5027.
4. Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2019. № 41. Ст. 5700.
5. Корешкова А. А. Цифровые технологии: понятие, сущность и значение для современного общества // Вестник юридической науки. 2022. № 4. С. 15–21.
6. Белкин Р. С. Курс криминалистики: в 3 т. М.: Норма, 2001.
7. Россинская Е. Р. Судебная экспертиза: современное состояние и перспективы развития. М.: Норма, 2020.
8. Россинская Е. Р., Галяшина Е. И. Теория судебной экспертизы. М.: Норма, 2021.
9. Орлов Ю. К. Основы судебной экспертизы. М.: Юрайт, 2023.
10. Третьяков В. С. Искусственный интеллект в уголовном судопроизводстве: проблемы применения // Российский следователь. 2024. № 7. С. 12–18.
11. Гаврилов А. В. Цифровые следы как объект судебной экспертизы // Криминалистика и судебная экспертиза. 2023. № 2. С. 34–40.
12. Ларин А. М. Компьютерно-техническая экспертиза в условиях цифровизации // Законность. 2024. № 5. С. 27–32.
13. Сахнова Т. В. Судебная экспертиза в уголовном процессе: проблемы правового регулирования // Журнал российского права. 2022. № 11. С. 89–96.
14. Степаненко Д. А. Применение нейросетей в экспертной деятельности: возможности и ограничения // Вестник криминалистики. 2024. № 3. С. 41–47.

Влияние социальных сетей и цифровой среды на ресоциализацию освобожденных лиц

Иконников Роман Евгеньевич, студент

Научный руководитель: Агильдин Владимир Валерьевич, кандидат юридических наук, доцент
Байкальский государственный университет (г. Иркутск)

В научной работе исследуется влияние социальных сетей и цифровой среды на процесс ресоциализации лиц, освобожденных из мест лишения свободы. Рассматриваются современные особенности цифровизации общества и их значение для социальной адаптации бывших осужденных. Анализируются положительные возможности цифровой среды, включая восстановление социальных связей, поиск работы, получение образования и психологической поддержки через интернет-ресурсы и социальные сети.

Одновременно в работе рассматриваются негативные аспекты влияния цифрового пространства, связанные с распространением криминальной идеологии, вовлечением в противоправную деятельность и сохранением преступных связей посредством сети Интернет. Особое внимание уделяется проблеме цифровой грамотности освобожденных лиц и необходимости разработки эффективных механизмов их социальной адаптации в условиях современного информационного общества.

По результатам исследования делается вывод о том, что цифровая среда способна оказывать как положительное, так и отрицательное влияние на ресоциализацию бывших осужденных, в связи с чем требуется комплексный подход со стороны государства и общества.

Ключевые слова: ресоциализация, социальные сети, цифровая среда, освобожденные лица, уголовно-исполнительная система, цифровизация, социальная адаптация, интернет, рецидивная преступность.

Impact of social networks and digital environment on the resocialization of released persons

This scientific paper examines the influence of social networks and the digital environment on the process of resocialization of persons released from places of deprivation of liberty. The study considers modern features of digitalization and their significance for the social adaptation of former convicts. Positive opportunities provided by the digital environment are analyzed, including the restoration of social ties, job searching, access to education, and psychological support through internet resources and social networks.

At the same time, the paper examines the negative aspects of the digital environment related to the spread of criminal ideology, involvement in illegal activities, and the preservation of criminal connections through the Internet. Particular attention is paid to the

issue of digital literacy among released persons and the need to develop effective mechanisms for their social adaptation in the modern information society.

Based on the results of the study, it is concluded that the digital environment can have both positive and negative effects on the resocialization of former convicts, which requires a comprehensive approach from both the state and society.

Keywords: resocialization, social networks, digital environment, released persons, penal system, digitalization, social adaptation, Internet, recidivism.

В современном обществе цифровые технологии стали неотъемлемой частью повседневной жизни [17]. Социальные сети, мессенджеры, онлайн-платформы для обучения и трудоустройства оказывают существенное влияние практически на все сферы общественных отношений. Особенно заметно это влияние в вопросах социальной адаптации человека. Для лиц, освобожденных из мест лишения свободы, цифровая среда становится одновременно и возможностью вернуться к нормальной жизни, и источником новых рисков [15].

Проблема ресоциализации бывших осужденных остается одной из наиболее сложных в уголовно-исполнительной политике государства. После освобождения человек сталкивается с большим количеством трудностей: отсутствием работы, жилья, поддержки со стороны общества, проблемами в восстановлении социальных связей. Во многих случаях именно невозможность полноценно адаптироваться к жизни на свободе становится причиной повторного совершения преступлений.

На этом фоне особую роль начинает играть цифровая среда. Сегодня поиск работы, общение, получение государственных услуг, образование и даже психологическая помощь во многом осуществляются через интернет. Для бывшего осужденного цифровое пространство может стать инструментом возвращения к нормальной жизни. Однако вместе с положительными возможностями существуют и серьезные угрозы. Социальные сети способны не только помогать человеку восстанавливать социальные связи, но и вовлекать его в криминальные сообщества, распространять криминальную идеологию и способствовать повторной преступной деятельности [9].

Актуальность темы обусловлена тем, что процесс цифровизации общества развивается значительно быстрее, чем механизмы правового и социального регулирования ресоциализации освобожденных лиц. Многие вопросы влияния социальных сетей и цифровой среды на поведение бывших осужденных до настоящего времени остаются недостаточно изученными [15].

Целью данной работы является исследование влияния социальных сетей и цифровой среды на процесс ресоциализации лиц, освобожденных из мест лишения свободы.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

- рассмотреть понятие и сущность ресоциализации освобожденных лиц;
- определить роль цифровой среды в современном обществе;

- проанализировать положительное влияние социальных сетей на адаптацию бывших осужденных;
- выявить негативные последствия цифровой среды;
- рассмотреть возможные меры повышения эффективности цифровой ресоциализации.

Ресоциализация представляет собой процесс повторного включения человека в систему общественных отношений после длительного периода социальной изоляции [8]. В отношении лиц, освобожденных из мест лишения свободы, ресоциализация означает восстановление утраченных социальных связей, формирование законопослушного поведения и возвращение к нормальной жизни в обществе. Следует отметить, что само по себе освобождение из исправительного учреждения еще не означает успешной адаптации человека. Во многих случаях бывший осужденный оказывается в крайне сложном положении. Он сталкивается с недоверием со стороны общества, проблемами трудоустройства, финансовыми трудностями и психологическим стрессом [12]. Особую сложность представляет тот факт, что за время нахождения в местах лишения свободы человек нередко утрачивает навыки самостоятельной жизни в современных условиях. Технологии быстро развиваются, общество меняется, а бывший осужденный после освобождения вынужден заново учиться взаимодействовать с окружающим миром.

Ресоциализация включает в себя несколько направлений:

- социальную адаптацию;
- психологическое восстановление;
- трудоустройство;
- восстановление семейных связей;
- формирование устойчивого законопослушного поведения.

В современных условиях практически все перечисленные процессы тесно связаны с цифровой средой [17]. Человек, не умеющий пользоваться интернетом, электронными сервисами и социальными сетями, оказывается фактически ограничен в возможности полноценного участия в жизни общества. Таким образом, успешная ресоциализация освобожденных лиц сегодня невозможна без адаптации к цифровому пространству.

Цифровая среда представляет собой совокупность интернет-ресурсов, социальных сетей, электронных платформ и информационных технологий, через которые осуществляется значительная часть общественного взаимодействия. За последние годы цифровизация существенно изменила образ жизни людей. Большинство государственных услуг предоставляется через электронные

порталы, поиск работы осуществляется через интернет, общение переместилось в социальные сети и мессенджеры [3]. Для освобожденного лица это имеет особое значение. После выхода из мест лишения свободы человек оказывается в обществе, где многие привычные способы взаимодействия уже изменились. Даже элементарные действия — запись к врачу, оформление документов, поиск вакансий — требуют определенного уровня цифровой грамотности.

Социальные сети стали важным инструментом коммуникации. Они позволяют поддерживать отношения с родственниками, искать новых знакомых, получать информацию и участвовать в общественной жизни. Для бывших осужденных это особенно важно, поскольку многие из них испытывают чувство социальной изоляции. Кроме того, интернет предоставляет возможности для дистанционного обучения и профессиональной подготовки. Освобожденный человек может пройти онлайн-курсы, освоить новую профессию или повысить уровень образования без значительных финансовых затрат. Важную роль играют и электронные платформы трудоустройства. Многие работодатели размещают вакансии исключительно в интернете. Соответственно, отсутствие навыков работы в цифровой среде значительно снижает шансы бывшего осужденного на получение легальной работы. Следует отметить, что цифровая среда оказывает влияние не только на практическую сторону жизни человека, но и на его психологическое состояние. Возможность общения, получения поддержки и участия в различных сообществах способствует снижению чувства одиночества и социальной отчужденности. Таким образом, цифровая среда в современном обществе становится одним из ключевых факторов успешной социальной адаптации.

Социальные сети способны оказывать значительное положительное влияние на процесс ресоциализации освобожденных лиц. Прежде всего они помогают человеку восстановить социальные связи. После длительного пребывания в местах лишения свободы многие теряют контакт с друзьями и родственниками. Социальные сети позволяют наладить общение, восстановить отношения и почувствовать себя частью общества.

Немаловажное значение имеет и психологическая поддержка [12]. В интернете существуют различные сообщества, где люди делятся жизненным опытом, помогают друг другу преодолевать трудности и искать пути решения проблем. Для бывшего осужденного такая поддержка может стать важным фактором адаптации. Кроме того, социальные сети предоставляют возможности для поиска работы. Сегодня многие работодатели публикуют вакансии именно в интернете. Через цифровые платформы человек может составить резюме, пройти собеседование и найти легальный источник дохода. Важную роль играет возможность получения образования. В интернете доступны бесплатные лекции, курсы и обучающие программы [11]. Освобожденный человек получает шанс освоить новые навыки и повысить свою конкурен-

тоспособность на рынке труда. Следует также отметить роль социальных сетей в формировании положительной мотивации. Истории людей, сумевших изменить свою жизнь после освобождения, нередко становятся примером для других бывших осужденных [8]. Еще одним положительным аспектом является возможность взаимодействия с государственными и общественными организациями. Многие фонды и центры социальной помощи ведут страницы в социальных сетях, через которые можно получить консультацию, юридическую помощь или информацию о программах поддержки. Таким образом, при правильном использовании социальные сети могут стать эффективным инструментом ресоциализации и социальной адаптации.

Несмотря на значительные положительные возможности, цифровая среда способна оказывать и негативное воздействие на освобожденных лиц. Одной из главных проблем является распространение криминальной идеологии в интернете [9]. В социальных сетях нередко публикуются материалы, романтизирующие преступный образ жизни, тюремную субкультуру и противоправное поведение. Для лиц с неустойчивой психикой или криминальным прошлым подобный контент может оказывать крайне негативное влияние.

Серьезную опасность представляет вовлечение бывших осужденных в преступные интернет-сообщества [15]. Через социальные сети осуществляется поиск участников для мошеннических схем, незаконного оборота наркотиков и других преступлений. Кроме того, интернет может использоваться для поддержания старых криминальных связей. После освобождения человек получает возможность быстро восстановить контакты с бывшими сообщниками, что повышает риск рецидива. Следует отметить и проблему киберзависимости. Некоторые освобожденные лица, испытывающие трудности в реальном общении, начинают чрезмерно погружаться в виртуальное пространство, избегая полноценной социальной адаптации. Негативное влияние оказывает и агрессия в интернете. Бывшие осужденные нередко сталкиваются с оскорблениями, общественным осуждением и дискриминацией в социальных сетях. Это усиливает чувство отчужденности и может привести к психологическим проблемам. Еще одной серьезной проблемой является цифровое неравенство. Не все освобожденные лица обладают необходимыми навыками работы с интернетом и современными технологиями. Отсутствие цифровой грамотности существенно ограничивает их возможности адаптации.

Таким образом, цифровая среда создает не только возможности, но и новые риски для процесса ресоциализации.

Для успешного использования цифровой среды в целях ресоциализации необходимо создание комплексной системы поддержки освобожденных лиц. Прежде всего следует развивать программы цифровой грамотности в исправительных учреждениях. Осужденные должны получать базовые навыки работы с интернетом, электрон-

ными сервисами и современными технологиями еще до освобождения. Важным направлением является создание специализированных онлайн-платформ для поддержки бывших осужденных. Такие ресурсы могут содержать информацию о трудоустройстве, социальных программах, юридической помощи и психологической поддержке. Необходимо также развивать сотрудничество государства с общественными организациями и благотворительными фондами. Через социальные сети можно эффективно информировать освобожденных лиц о существующих возможностях помощи. Особое внимание следует уделять профилактике распространения криминального контента. Важно формировать в цифровой среде положительные модели поведения и популяризировать истории успешной ресоциализации. Кроме того, необходимо совершенствовать законодательство в сфере защиты персональных данных и противодействия интернет-преступности [4]. Большое значение имеет и психологическая поддержка. Освобожденным лицам необходимо помогать адаптироваться не только к реальной жизни, но и к современному цифровому пространству.

Влияние социальных сетей и цифровой среды на ресоциализацию освобожденных лиц является сложным и многогранным процессом. С одной стороны, цифровое пространство предоставляет широкие возможности для восстановления социальных связей, получения образования, поиска работы и психологической поддержки. С другой стороны, интернет способен способствовать распространению криминальной идеологии, сохранению преступных связей и вовлечению в новые противоправные действия. В современных условиях успешная ресоциализация бывших осужденных невозможна без их полноценной адаптации к цифровой среде. Поэтому государству и обществу необходимо уделять особое внимание развитию программ цифровой грамотности, социальной поддержки и профилактики негативного влияния интернет-пространства. Только комплексный подход, сочетающий правовые, социальные, образовательные и психологические меры, позволит использовать возможности цифровой среды в интересах успешной ресоциализации освобожденных лиц и снижения уровня рецидивной преступности.

Литература:

1. Конституция Российская Федерация: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.
2. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ (с изм. и доп.).
3. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».
4. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных».
5. Федеральный закон от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию».
6. Антонян Ю. М. Криминология: учебник. — М.: Норма, 2021.
7. Бачинин В. А. Социология девиантного поведения. — СПб.: Питер, 2020.
8. Беляева Л. И. Социальная адаптация освобожденных из мест лишения свободы. — М.: Юрлитинформ, 2019.
9. Гилинский Я. И. Девиантология: социология преступности, наркотизма и иных отклонений. — СПб.: Юридический центр, 2021.
10. Зубков А. И. Уголовно-исполнительное право России: учебник. — М.: Норма, 2022.
11. Иванов В. Г. Цифровое общество и проблемы социальной адаптации личности // Социологические исследования. — 2021. — № 9.
12. Клейберг Ю. А. Психология девиантного поведения. — М.: Юрайт, 2020.
13. Селиверстов В. И. Уголовно-исполнительное право России: учебник. — М.: Проспект, 2023.
14. Смирнов А. А. Влияние социальных сетей на формирование личности молодежи // Информационное право. — 2022. — № 4.
15. Тищенко Е. Н. Ресоциализация осужденных в условиях цифровизации общества // Закон и право. — 2023. — № 2.
16. Уткин В. А. Проблемы социальной адаптации лиц, освобожденных из мест лишения свободы // Российский юридический журнал. — 2020. — № 6.
17. Хабриева Т. Я. Цифровизация общества и право. — М.: Норма, 2021.
18. Официальный сайт ФСИН России
19. Официальный интернет-портал правовой информации Pravo.gov.ru

Влияние тюремной субкультуры на исправление осужденных

Иконников Роман Евгеньевич, студент

Научный руководитель: Агильдин Владимир Валерьевич, кандидат юридических наук, доцент
Байкальский государственный университет (г. Иркутск)

В данной научной работе рассматривается проблема влияния тюремной субкультуры на процесс исправления осужденных в учреждениях уголовно-исполнительной системы. Исследуются причины возникновения и распространения криминальной субкультуры в местах лишения свободы, ее основные признаки, особенности и влияние на поведение осужденных. Особое внимание уделяется вопросам формирования криминальных установок, отрицательного отношения к закону и препятствий, возникающих в процессе ресоциализации личности.

В работе анализируются негативные последствия существования неформальной иерархии среди осужденных, а также влияние криминальной среды на уровень рецидивной преступности. Рассматриваются проблемы деятельности уголовно-исполнительной системы в условиях сохранения элементов тюремной субкультуры и предлагаются меры, направленные на снижение ее влияния. Делается вывод о необходимости комплексного подхода к исправлению осужденных, включающего воспитательную, психологическую и социальную работу.

Ключевые слова: тюремная субкультура, осужденные, исправление, ресоциализация, уголовно-исполнительная система, рецидивная преступность, криминальная среда, воспитательное воздействие.

Impact of prison subculture on the correction of convicts

This scientific paper examines the problem of the influence of prison subculture on the rehabilitation process of convicted persons within correctional institutions. The study explores the causes of the emergence and spread of criminal subculture in places of deprivation of liberty, its main features, characteristics, and impact on the behavior of prisoners. Particular attention is paid to the formation of criminal attitudes, negative perceptions of the law, and obstacles arising in the process of personality resocialization.

The paper analyzes the negative consequences of the existence of an informal hierarchy among convicts, as well as the impact of the criminal environment on the level of recidivism. It also examines the problems faced by the penal system in conditions where elements of prison subculture continue to exist and proposes measures aimed at reducing its influence. The author concludes that a comprehensive approach to the rehabilitation of convicts is necessary, including educational, psychological, and social work.

Keywords: prison subculture, convicts, rehabilitation, resocialization, penal system, recidivism, criminal environment, educational influence.

Одной из ключевых задач уголовно-исполнительной системы является исправление осужденных и их последующая ресоциализация [2]. Однако на практике достижение данной цели осложняется рядом факторов, среди которых особое место занимает тюремная субкультура [6]. На протяжении многих десятилетий она формировалась внутри мест лишения свободы как самостоятельная система неформальных правил, ценностей и норм поведения [7]. В определенной степени тюремная субкультура стала альтернативным механизмом регулирования отношений между осужденными [14].

Проблема влияния тюремной субкультуры на процесс исправления осужденных остается крайне актуальной [15]. Несмотря на реформирование уголовно-исполнительной системы, гуманизацию законодательства и внедрение новых методов воспитательной работы [13], влияние неформальной иерархии в исправительных учреждениях продолжает сохраняться [17]. Более того, отдельные элементы криминальной идеологии активно распространяются за пределами исправительных учреждений, в том числе через интернет, музыку, кино и социальные сети [8].

Опасность тюремной субкультуры заключается в том, что она фактически препятствует достижению целей наказания [10]. Вместо формирования уважительного отношения к закону у осужденного закрепляются криминальные установки, отрицание государственных институтов и стремление следовать нормам преступной среды [6]. В результате после освобождения многие лица вновь совершают преступления, что способствует росту рецидивной преступности [11].

Целью данной работы является анализ влияния тюремной субкультуры на исправление осужденных, а также выявление основных проблем и возможных способов их решения.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

- рассмотреть понятие и особенности тюремной субкультуры;
- изучить причины ее возникновения и распространения;
- определить влияние субкультуры на личность осужденного;

- проанализировать проблемы исправительного воздействия в условиях существования криминальной среды;
- рассмотреть возможные меры противодействия распространению тюремной субкультуры.

Тюремная субкультура представляет собой совокупность неформальных норм, традиций, правил поведения и ценностей, существующих среди осужденных в местах лишения свободы [17]. Она формировалась на протяжении длительного времени и во многом стала результатом изоляции людей от общества, специфики условий содержания и необходимости выстраивания внутренней системы отношений [8].

Следует отметить, что тюремная субкультура не является официально закрепленной системой правил [15]. Она существует параллельно с нормами уголовно-исполнительного законодательства и во многих случаях противоречит им. Осужденные нередко руководствуются не требованиями администрации учреждения, а именно негласными правилами криминальной среды. Одной из главных особенностей тюремной субкультуры является строгая иерархия. Внутри исправительных учреждений осужденные делятся на определенные группы, каждая из которых обладает своим статусом. Положение человека в этой системе напрямую влияет на его поведение, круг общения и даже условия существования внутри коллектива [9].

Важным элементом тюремной субкультуры выступает система запретов и обязанностей. Нарушение негласных правил зачастую влечет более серьезные последствия для осужденного, чем дисциплинарные меры со стороны администрации. Именно поэтому многие лица, находящиеся в местах лишения свободы, вынуждены подчиняться требованиям криминальной среды. Кроме того, тюремная субкультура обладает собственной символикой, жаргоном и традициями. Использование специфической лексики становится способом идентификации «своих» и одновременно средством психологического давления на других осужденных [17].

Особое внимание следует уделить криминальной идеологии, которая лежит в основе тюремной субкультуры. Ее главная идея заключается в противопоставлении себя государству, закону и официальной власти. В результате у осужденных формируется негативное отношение к правоохранительным органам, суду и обществу в целом [6]. Таким образом, тюремная субкультура представляет собой сложное социальное явление, оказывающее значительное влияние на внутреннюю жизнь исправительных учреждений и поведение осужденных.

Возникновение тюремной субкультуры обусловлено рядом социальных, психологических и организационных факторов. Прежде всего, причиной ее формирования является сама изоляция человека от общества. Попадая в места лишения свободы, осужденный оказывается в замкнутом пространстве, где действуют особые условия существования. В такой среде люди стремятся создать собственную систему отношений и правил, позволяющую адаптироваться к новым обстоятельствам. Еще одной при-

чиной выступает недостаточная эффективность воспитательной работы в исправительных учреждениях. Несмотря на наличие различных программ ресоциализации, далеко не всегда сотрудники уголовно-исполнительной системы способны оказать положительное влияние на осужденных. В результате неформальные лидеры получают возможность укреплять собственный авторитет среди заключенных. Серьезную роль играет и психологический фактор. Многие осужденные испытывают страх, стресс и чувство незащищенности. Вступление в определенную группу внутри тюремной среды позволяет человеку чувствовать поддержку и безопасность. Особенно это характерно для лиц, впервые оказавшихся в местах лишения свободы. Распространению тюремной субкультуры способствует и наличие рецидивной преступности. Осужденные, неоднократно отбывавшие наказание, нередко становятся носителями криминальных традиций и передают их другим заключенным. Таким образом формируется своеобразная преемственность преступного опыта. Нельзя не отметить влияние массовой культуры. В последние годы элементы тюремной романтики активно популяризируются в музыке, фильмах и интернете. Молодежь нередко воспринимает криминальную среду как проявление силы, независимости и авторитета. Это создает дополнительные предпосылки для распространения преступной идеологии. Отдельной проблемой остается переполненность исправительных учреждений. Большое количество осужденных затрудняет индивидуальную воспитательную работу и контроль со стороны администрации. В подобных условиях влияние криминальных лидеров усиливается. Таким образом, возникновение и распространение тюремной субкультуры связано с целым комплексом причин, устранение которых требует системного подхода со стороны государства и общества. Главная опасность тюремной субкультуры заключается в ее отрицательном воздействии на процесс исправления осужденных. Вместо формирования уважения к закону и социально полезного поведения у человека закрепляются криминальные установки. Во многих случаях осужденный оказывается вынужден подчиняться правилам неформальной среды, чтобы избежать конфликтов и давления со стороны других заключенных. Это приводит к постепенному принятию ценностей криминального мира. Человек начинает воспринимать нарушение закона как допустимую форму поведения. Особенно сильному влиянию подвергаются молодые осужденные и лица, впервые отбывающие наказание. Попадая в криминальную среду, они перенимают нормы поведения более опытных заключенных, осваивают преступный жаргон и начинают воспринимать тюремные традиции как обязательные. Тюремная субкультура отрицательно влияет и на отношение осужденных к администрации учреждения. Сотрудники исправительных учреждений зачастую воспринимаются как противники, а сотрудничество с ними считается нарушением негласных правил. В результате многие осужденные отказываются участвовать в воспитательных мероприя-

тиях и программах ресоциализации. Кроме того, криминальная среда препятствует развитию личности осужденного. В условиях жесткой иерархии человек нередко теряет возможность самостоятельно принимать решения и выражать собственное мнение. Это приводит к психологической деформации личности. Еще одной серьезной проблемой является формирование устойчивых преступных связей. Во время отбывания наказания осужденные знакомятся с другими преступниками, обмениваются опытом и устанавливают контакты, которые могут использоваться после освобождения для совершения новых преступлений. Нередко тюремная субкультура сопровождается насилием, психологическим давлением и унижением отдельных категорий осужденных. Подобная атмосфера способствует росту агрессии и жестокости, что делает процесс исправления крайне затруднительным. Следует отметить, что влияние тюремной субкультуры распространяется и после освобождения человека. Многие бывшие осужденные продолжают придерживаться криминальных ценностей и испытывают трудности с адаптацией к нормальной жизни в обществе. Таким образом, тюремная субкультура оказывает комплексное негативное воздействие на исправление осужденных и существенно снижает эффективность уголовного наказания. Одной из главных проблем является скрытый характер тюремной субкультуры. Формально большинство ее правил нигде не закреплено, однако они продолжают действовать внутри исправительных учреждений. Это затрудняет выявление и пресечение криминального влияния [14].

Сложность представляет и наличие неформальных лидеров среди осужденных. Такие лица обладают высоким авторитетом в преступной среде и способны оказывать серьезное влияние на других заключенных. Даже при усиленном контроле со стороны администрации полностью исключить их воздействие достаточно трудно. Еще одной проблемой является кадровый вопрос. Работа сотрудников уголовно-исполнительной системы связана с высокой психологической нагрузкой и требует значительной профессиональной подготовки. Недостаток квалифицированных специалистов негативно отражается на эффективности воспитательной работы. Кроме того, не всегда удается обеспечить полноценную занятость осужденных. Отсутствие работы, образования и полезной деятельности создает благоприятные условия для распространения криминальной идеологии. Проблемой остается и недостаточная адаптация освобожденных лиц к жизни в обществе. После выхода из исправительного учреждения многие сталкиваются с трудностями при трудоустройстве, отсутствием жилья и негативным отношением со стороны окружающих. В результате человек вновь возвращается в преступную среду. Для по-

вышения эффективности исправления осужденных необходимо принимать комплексные меры по ограничению влияния тюремной субкультуры. Прежде всего следует совершенствовать воспитательную работу в исправительных учреждениях. Осужденные должны быть вовлечены в образовательные программы, трудовую деятельность и социально полезные мероприятия. Человек, занятый обучением и работой, в меньшей степени подвержен влиянию криминальной среды. Важную роль играет индивидуальный подход к каждому осужденному. Необходимо учитывать возраст, уровень образования, психологические особенности и характер совершенного преступления. Особое значение имеет работа психологов и социальных работников. Многие осужденные нуждаются в поддержке и помощи в преодолении агрессивных установок и криминального мышления.

Следует также усиливать меры по предотвращению распространения криминальной идеологии среди молодежи. Для этого необходимо формировать негативное отношение к преступному образу жизни через систему образования, средства массовой информации и социальные проекты [8]. Не менее важным направлением является помощь лицам, освободившимся из мест лишения свободы. Государство должно создавать условия для их трудоустройства и социальной адаптации. Без поддержки бывший осужденный нередко снова оказывается под влиянием преступной среды. Кроме того, необходимо продолжать реформирование уголовно-исполнительной системы, направленное на гуманизацию условий содержания и снижение уровня криминализации внутри исправительных учреждений. Тюремная субкультура представляет собой серьезную проблему современной уголовно-исполнительной системы. Она формирует у осужденных криминальные установки, препятствует воспитательному воздействию и снижает эффективность исправления. Основными причинами существования тюремной субкультуры являются изоляция осужденных, недостаточная эффективность воспитательной работы, влияние рецидивной преступности и социальные проблемы. Наиболее опасным последствием является закрепление преступного образа мышления и дальнейшее совершение новых преступлений после освобождения. Для снижения влияния тюремной субкультуры необходим комплексный подход, включающий совершенствование деятельности исправительных учреждений, развитие образовательных и социальных программ, а также поддержку лиц после освобождения. Только при сочетании правовых, социальных и психологических мер возможно достижение главной цели уголовного наказания — исправления осужденного и его возвращения к нормальной жизни в обществе.

Литература:

1. Конституция Российская Федерация: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.
2. Уголовно-исполнительный кодекс Российская Федерация от 08.01.1997 № 1-ФЗ (с изм. и доп.).

3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (с изм. и доп.).
4. Закон РФ от 21.07.1993 № 5473-1 «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации».
5. Минимальные стандартные правила обращения с заключенными ООН (Правила Нельсона Манделы).
6. Антонян Ю. М. Криминология: учебник. — М.: Норма, 2021.
7. Баранов Ю. В. Пенитенциарная психология: учебное пособие. — М.: Юрайт, 2020.
8. Гилинский Я. И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. — СПб.: Юридический центр, 2019.
9. Дебольский М. Г. Психология осужденного. — М.: Проспект, 2018.
10. Зубков А. И. Уголовно-исполнительное право России: учебник. — М.: Норма, 2022.
11. Кудрявцев В. Н. Причины преступности в России. — М.: Норма, 2018.
12. Малинин В. Б. Уголовно-исполнительное право: курс лекций. — СПб.: Питер, 2021.
13. Селиверстов В. И. Уголовно-исполнительное право России: учебник. — М.: Проспект, 2023.
14. Уткин В. А. Пенитенциарная система и проблемы ресоциализации осужденных // Уголовно-исполнительное право. — 2021. — № 3.
15. Харитонов А. Н. Тюремная субкультура как фактор рецидивной преступности // Закон и право. — 2020. — № 7.
16. Шмаров И. В. Социальная адаптация лиц, освобожденных из мест лишения свободы. — М.: Юрист, 2019.
17. Щербаков А. В. Криминальная субкультура в местах лишения свободы // Российский следователь. — 2022. — № 5.
18. Официальный сайт ФСИН России

Корпоративные ценные бумаги как инструмент финансирования бизнеса: выбор стратегии привлечения капитала

Илиев Хусен Мовлиевич, студент магистратуры
Российский государственный социальный университет (г. Москва)

В статье рассмотрены корпоративные ценные бумаги в качестве альтернативного источника финансирования бизнеса. Проведено сравнение акций, облигаций, векселей и цифровых финансовых активов по совокупности параметров, существенных для эмитента: стоимость привлечения капитала, сроки и этапы выпуска, требования регулятора, влияние на структуру собственности и долговую нагрузку. На основе статистики Московской биржи и данных рейтингового агентства «Эксперт РА» за 2023–2025 годы проанализирована динамика IPO и облигационных размещений. Выполнен количественный расчёт эффективной стоимости капитала для модельной компании при использовании альтернативных инструментов. Сформулированы дифференцированные рекомендации для компаний различного масштаба.

Ключевые слова: корпоративные ценные бумаги, финансирование бизнеса, IPO, корпоративные облигации, стоимость капитала, эмиссия, фондовый рынок, цифровые финансовые активы.

Привлечение внешнего капитала — одна из ключевых задач финансового менеджмента любой развивающейся компании. Традиционно российский бизнес рассматривает в качестве основного источника заёмных средств банковское кредитование, однако в условиях высокой ключевой ставки Банка России и ужесточения требований к заёмщикам всё большее число эмитентов обращается к фондовому рынку. По данным рейтингового агентства «Эксперт РА», стоимость банковского заимствования для представителей малого и среднего бизнеса в 2024 году приближалась к 20 % годовых, что для многих компаний делает кредитование экономически нецелесообразным [1].

В этих условиях корпоративные ценные бумаги — акции, облигации, векселя, а также сравнительно новый инструмент в виде цифровых финансовых активов — вы-

ступают альтернативой банковскому финансированию. Каждый из этих инструментов имеет собственную экономическую логику, специфические преимущества и ограничения для эмитента.

Цель настоящей статьи — рассмотреть корпоративные ценные бумаги с позиции эмитента как инструменты финансирования бизнеса, провести их сравнительный анализ по параметрам, существенным для принятия решения о выборе источника капитала, и оценить применимость различных инструментов для компаний разного масштаба и стадии развития.

Научная новизна работы заключается в систематизации факторов выбора инструмента финансирования через корпоративные ценные бумаги с учётом современной российской рыночной конъюнктуры 2023–2025 годов, а также в формулировании дифференцированных

рекомендаций для крупного, среднего и малого бизнеса с количественной оценкой эффективной стоимости привлекаемого капитала.

Корпоративные ценные бумаги в системе источников финансирования

В корпоративных финансах традиционно выделяют три основные группы источников финансирования: собственные средства (нераспределённая прибыль, амортизация), заёмные средства (банковские кредиты, облигационные займы) и привлечённые средства (эмиссия акций) [2, с. 76]. Корпоративные ценные бумаги обеспечивают доступ к двум последним группам.

С позиции эмитента ключевое различие между видами ценных бумаг определяется их влиянием на структуру капитала компании. Эмиссия акций пополняет собственный капитал и не создаёт обязательств по возврату средств, однако приводит к размыванию долей существующих собственников и обязывает выплачивать дивиденды (хотя бы по привилегированным акциям). Облига-

ционный заём и вексель относятся к заёмным средствам: они не затрагивают структуру собственности, но создают долговую нагрузку и обязательство по своевременному обслуживанию долга.

В соответствии со статьёй 2 Федерального закона от 22.04.1996 № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» [3], для каждого вида эмиссионных бумаг законодательно установлены процедуры выпуска, требования к раскрытию информации и обязательства эмитента. Это формирует базовые издержки выхода на рынок капитала, которые также необходимо учитывать при выборе инструмента.

Сравнительный анализ инструментов с позиции эмитента

Для принятия эмитентом обоснованного решения о выборе вида корпоративных ценных бумаг необходимо сопоставить инструменты по совокупности параметров. Ключевые из них — с количественными ориентирами по российской рыночной практике 2023–2025 годов — представлены в таблице 1.

Таблица 1. Сравнение инструментов привлечения капитала с позиции эмитента (составлено автором на основе [4; 5; 7])

Параметр	Акции (IPO)	Облигации	Вексель	ЦФА
Тип привлекаемого капитала	Собственный	Заёмный	Заёмный	Гибрид
Возврат основной суммы	Не требуется	Да, в дату погашения	Да, при предъявлении	Согласно решению о выпуске
Влияние на структуру собственности	Размывание долей	Не влияет	Не влияет	Зависит от типа
Срок подготовки выпуска	12–18 мес.	3–6 мес.	1–2 недели	1–2 мес.
Издержки эмитента	5–8 % от объёма	1–3 % от объёма	Минимальные	0,5–2 % от объёма
Требования к раскрытию информации	Максимальные	Высокие	Минимальные	Средние
Минимальный объём	От 1 млрд руб.	От 100 млн руб.	Не лимитирован	От 10 млн руб.
Доступность для МСП	Ограниченная	Средняя	Высокая	Высокая

Как видно из таблицы 1, каждый инструмент имеет собственную нишу. IPO остаётся наиболее затратным и долгим способом привлечения капитала: только комиссия ведущего андеррайтера составляет в среднем до 6 % от объёма размещения [5], к которым добавляются услуги юридических консультантов, аудиторов, маркетинговые расходы и биржевые сборы. При успешном размещении эти издержки компенсируются отсутствием долговой нагрузки и приобретением компанией публичного статуса с долгосрочными выгодами. Облигационный заём занимает промежуточное положение — это относительно быстрый способ привлечения существенных объёмов финансирования при умеренных издержках, но с обязательством регулярных купонных выплат. Вексель удобен для оперативного оформления краткосрочных обязательств в небольших объёмах, а ЦФА предоставляют эмитентам гибкую цифровую альтернативу с минимальными временными и материальными затратами.

Динамика российского рынка с позиции эмитентов

Анализ динамики российского фондового рынка за 2023–2025 годы наглядно демонстрирует изменения в предпочтениях эмитентов. По данным Московской биржи, в 2024 году на российских биржах прошло 15 IPO — рекордное число с 2017 года, в ходе которых компании привлекли совокупно 81 млрд руб. [4]. Однако в 2025 году рынок IPO резко сократился: состоялось всего 4 размещения общим объёмом менее 33 млрд руб., что более чем вдвое ниже показателя 2024 года [5].

Принципиально иная картина наблюдается на долгом рынке. Совокупный объём торгов облигациями на Московской бирже в 2025 году достиг рекордных 42 трлн руб., увеличившись на 9 % по сравнению с 2024 годом [6]. На рынке корпоративных облигаций 288 эмитентов разместили 1,2 тыс. выпусков совокупным объёмом 12 трлн руб., тогда как в 2024 году аналогичные показатели соста-

вили 247 эмитентов, 759 выпусков и 8,44 трлн руб. соответственно [6].

Динамика основных параметров рынка представлена в таблице 2.

Таблица 2. Динамика рынка корпоративных ценных бумаг России, 2023–2025 гг

Показатель	2023 г.	2024 г.	2025 г.	Источник
Количество IPO	8	15	4	Мосбиржа
Объём IPO, млрд руб.	41,7	81,0	33,0	Мосбиржа
Размещения корп. облигаций, трлн руб.	2,4	8,44	12,0	Мосбиржа
Количество эмитентов облигаций	≈210	247	288	Мосбиржа
Объём выпусков ЦФА, млрд руб.	≈65	594	≈1000 (прогн.)	АКРА, ЦБ

Приведённая статистика позволяет сделать несколько важных выводов о текущем состоянии рынка с позиции эмитента. Во-первых, при сохранении высокой ключевой ставки эмитенты активно используют облигационный рынок как альтернативу банковскому кредитованию: за 2023–2025 годы объём размещений корпоративных облигаций увеличился в пять раз. Во-вторых, рынок IPO демонстрирует выраженную циклическую динамику и сильную зависимость от рыночной конъюнктуры — спад 2025 года связан в первую очередь с негативной динамикой индекса IPO Мосбиржи (падение более чем на 17 % с начала года) и общим снижением интереса инвесторов. В-третьих, ЦФА показывают наиболее быстрый рост среди всех ин-

струментов: за два года объём выпусков увеличился более чем в 15 раз.

Расчётная оценка стоимости привлечения капитала

Для иллюстрации количественных различий между инструментами рассмотрим условный модельный пример. Допустим, средняя по размеру компания (выручка 2 млрд руб., чистая прибыль 200 млн руб., рейтинг ruA-) планирует привлечь 500 млн руб. на трёхлетний горизонт. Сравним эффективную стоимость капитала для трёх альтернатив при условиях рынка конца 2025 года (ключевая ставка Банка России — 21 %).

Таблица 3. Сравнительная оценка стоимости привлечения 500 млн руб. на 3 года (расчёт автора)

Параметр	Банк. кредит	Облигации	ЦФА
Номинальная ставка, %	23,0	21,5	22,0
Прямые издержки выпуска, % от объёма	0,5–1,0	1,5–2,5	0,5–1,5
Срок организации, мес.	1–2	3–6	1–2
Обеспечение/залог	Требуется	По соглашению	Не требуется
Эффективная ставка, % годовых	≈23,3	≈22,2	≈22,5
Общие выплаты за 3 года, млн руб.	≈845	≈833	≈838

Расчёт показывает, что при текущей конъюнктуре рынка облигационный заём для эмитента инвестиционного уровня оказывается экономически выгоднее банковского кредита: разница в эффективной ставке составляет около 1,1 процентного пункта, а общая экономия за трёхлетний период — порядка 12 млн руб. Преимущество достигается за счёт более низкой номинальной ставки (компания обращается напрямую к инвесторам, минуя банковскую маржу) и возможности привлечь средства без залогового обеспечения. ЦФА также показывают конкурентоспособную ставку при наименьших сроках организации, что делает их особенно привлекательными для оперативного привлечения капитала. Аналогичный расчёт для эмитентов с более низким кредитным рейтингом показал бы расширение разрыва в пользу фондового рынка, тогда как для эмитентов категории «ААА» условия банковского кредитования могут оказаться сопоставимыми.

Факторы выбора эмитентом инструмента финансирования

Решение эмитента о выборе конкретного вида корпоративных ценных бумаг определяется совокупностью внешних и внутренних факторов. Среди внешних факторов наиболее значимыми являются:

- уровень ключевой ставки Банка России и связанная с ним стоимость заимствований;
- ликвидность фондового рынка и наличие спроса со стороны инвесторов;
- регуляторные требования и налоговый режим;
- отраслевая конъюнктура и динамика соответствующих рыночных индексов.

К внутренним факторам относятся стадия развития компании, её размер и публичный статус, структура текущих обязательств, цели привлечения капитала, а также готовность собственников к разделению контроля и рас-

крытию информации. На основе анализа практики российских эмитентов можно сформулировать общие рекомендации для компаний различного масштаба.

Крупный бизнес (капитализация от 50 млрд руб.) располагает максимально широким набором инструментов. Для финансирования долгосрочных инвестиционных программ оптимально сочетание IPO/SPO и облигационных выпусков. Эффект масштаба позволяет распределить высокие фиксированные издержки IPO (порядка 200–500 млн руб. для подготовительного этапа) на большой объём привлекаемого капитала. Примером является «Дом.РФ», проведший в ноябре 2025 года крупнейшее IPO года объёмом 25 млрд руб.

Средний бизнес (капитализация 5–50 млрд руб.) преимущественно ориентируется на облигационный рынок как наиболее доступный инструмент с приемлемыми издержками. Биржевые облигации позволяют привлечь существенные объёмы финансирования без необходимости полного раскрытия информации, требуемого при IPO. При благоприятной конъюнктуре возможен выход на рынок IPO с целью трансформации в публичную компанию.

Малый бизнес и стартапы (капитализация до 5 млрд руб.) наиболее эффективно используют ЦФА и краудлендинговые платформы. Преимущество ЦФА для этой категории эмитентов заключается в значительно меньшем количестве посредников, сниженной стоимости выпуска и ускоренной процедуре. Вексельное обращение остаётся традиционным инструментом краткосрочного оформления коммерческого кредита между контрагентами.

Заключение

Литература:

1. Бум IPO в России: эффект для рынков капитала [Электронный ресурс] // Эксперт РА: офиц. сайт. — URL: https://raexpert.ru/researches/ua/debt_market_2024/ (дата обращения: 10.05.2026).
2. Ковалёв В. В. Финансовый менеджмент: теория и практика. — 4-е изд., перераб. и доп. — М.: Проспект, 2023. — 1104 с.
3. Федеральный закон от 22.04.1996 № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» (ред. от 31.07.2025) // СПС «КонсультантПлюс».
4. Какие российские компании провели IPO на Московской бирже [Электронный ресурс] // Т—Ж: финансовый журнал. — URL: <https://t-j.ru/news/ipo-2024/> (дата обращения: 10.05.2026).
5. Объём IPO в России упал более чем вдвое: что будет происходить на рынке в 2026 году [Электронный ресурс] // Forbes.ru. — URL: <https://www.forbes.ru/investicii/553140> (дата обращения: 10.05.2026).
6. Объём торгов облигациями на Московской бирже достиг рекордных 42 трлн рублей в 2025 году [Электронный ресурс] // Московская биржа: офиц. сайт. — URL: <https://www.moex.com/n96847> (дата обращения: 10.05.2026).
7. Берзон Н. И. Рынок ценных бумаг: учебник для вузов / Н. И. Берзон, Д. М. Касаткин, А. Ю. Аршавский. — 5-е изд., перераб. и доп. — М.: Юрайт, 2023. — 514 с.
8. Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» (ред. от 08.08.2024) // СПС «КонсультантПлюс».
9. Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред. от 15.12.2025) // СПС «КонсультантПлюс».
10. Миркин Я. М. Финансовый рынок. Экономика, инструменты, регулирование. — М.: Альпина Пабlishер, 2023. — 624 с.
11. Цифровые финансовые активы и их операторы [Электронный ресурс] // Банк России: офиц. сайт. — URL: https://www.cbr.ru/finmarket/development/dev_dfa/ (дата обращения: 10.05.2026).

Корпоративные ценные бумаги представляют собой систему взаимодополняющих инструментов финансирования бизнеса, каждый из которых имеет собственную область эффективного применения. Выбор конкретного инструмента определяется размером компании, стадией её развития, целями привлечения капитала, а также текущей конъюнктурой финансового рынка.

Анализ российской практики 2023–2025 годов показывает, что в условиях высокой ключевой ставки и ограниченной доступности банковского кредитования значимость фондового рынка как источника финансирования существенно возрастает. Проведённая расчётная оценка подтверждает, что для эмитента средней категории облигационный заём оказывается экономически предпочтительнее банковского кредита: разница в эффективной ставке порядка 1 процентного пункта на трёхлетнем горизонте обеспечивает экономию около 12 млн руб. на каждые 500 млн руб. привлекаемого капитала. При этом долговой сегмент демонстрирует устойчивый рост (с 2,4 до 12 трлн руб. за два года), тогда как рынок IPO остаётся подверженным циклическим колебаниям. Новым перспективным направлением становится сегмент цифровых финансовых активов, обеспечивающий гибкие и недорогие механизмы привлечения капитала для широкого круга эмитентов.

Дальнейшее развитие российского рынка корпоративных ценных бумаг связано с совершенствованием регуляторной среды, развитием инфраструктуры для МСП и интеграцией традиционных и цифровых инструментов в единую систему корпоративного финансирования.

Виды корпоративных ценных бумаг: сравнительный анализ и современные тенденции российского рынка

Илиев Хусен Мовлиевич, студент магистратуры
Российский государственный социальный университет (г. Москва)

В статье проведён сравнительный анализ основных видов корпоративных ценных бумаг российского фондового рынка: акций, облигаций, векселей, депозитарных расписок и цифровых финансовых активов. На основе статистики Московской биржи и Банка России за 2024–2025 годы выявлены ключевые тенденции рынка.

Ключевые слова: корпоративные ценные бумаги, акция, облигация, цифровые финансовые активы, фондовый рынок.

Корпоративные ценные бумаги — ключевой инструмент привлечения капитала юридическими лицами и важнейший объект инвестирования. В условиях развития российского фондового рынка, появления цифровых финансовых активов (ЦФА) и роста числа частных инвесторов систематизация и сравнение видов корпоративных ценных бумаг приобретают особую актуальность. Правовую основу составляют ГК РФ (ст. 142–149.5) [1], Федеральный закон от 22.04.1996 № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» [2], Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» [3] и Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ о ЦФА [4].

Цель статьи — провести сравнительный анализ основных видов корпоративных ценных бумаг, оценить состояние рынка на основе статистических данных и определить ключевые тенденции его развития.

Понятие и классификация корпоративных ценных бумаг

Под корпоративными ценными бумагами понимаются ценные бумаги, эмитентами которых выступают коммерческие организации (преимущественно акционерные общества) [5, с. 47]. По характеру удостоверяемых прав они подразделяются на долевые (акции), долговые (облигации, векселя) и производные (опционы эмитента, депозитарные расписки) [6, с. 112]. По способу выпуска выделяют эмиссионные (акции, облигации, опционы) и неэмиссионные (векселя) бумаги. Особое место заняли ЦФА, правовая природа которых отличается от классических ценных бумаг, но по экономическим функциям к ним близка.

Характеристика основных видов корпоративных ценных бумаг

Акция (ст. 2 ФЗ № 39-ФЗ) — эмиссионная именная ценная бумага, закрепляющая права владельца на получение дивидендов, на участие в управлении и на часть имущества при ликвидации [2]. Различают обыкновенные (с правом голоса, без гарантий дивидендов) и привилегированные (с приоритетным доходом, как правило, без права голоса) акции.

Корпоративная облигация — эмиссионная ценная бумага, закрепляющая право на получение номинальной стоимости и купонного дохода в установленный срок. В отличие от акции не даёт права на управление, но обеспечивает приоритет при банкротстве эмитента [5, с. 124].

Вексель — неэмиссионная документарная ценная бумага, удостоверяющая безусловное денежное обязательство векселедателя. Не подлежит регистрации, не обращается на бирже, применяется в межхозяйственных расчётах.

Депозитарная расписка — производная ценная бумага на акции или облигации иностранного эмитента. После 2022 года значение этого инструмента для российского рынка существенно изменилось.

ЦФА — цифровые права, включающие денежные требования, права по эмиссионным ценным бумагам и участие в капитале непубличных АО [4]. Выпуск и обращение происходят через информационные системы операторов, аккредитованных Банком России.

Сравнительный анализ корпоративных ценных бумаг

Таблица 1. Сравнительная характеристика корпоративных ценных бумаг

Критерий	Акция	Облигация	Вексель	Деп. расписка	ЦФА
Тип прав	Долевые	Долговые	Долговые	Производные	Гибрид
Эмитент	Только АО	АО, ООО	Любое лицо	Банк-депозит.	Юр. лицо, ИП
Форма выпуска	Бездокум.	Бездокум.	Документ.	Бездокум.	Цифровая

Таблица 1 (продолжение)

Критерий	Акция	Облигация	Вексель	Деп. расписка	ЦФА
Регистрация	ЦБ РФ	ЦБ РФ	Не требуется	ЦБ РФ	Через ОИС
Срок обращения	Бессрочная	Срочная	Срочная	Бессрочная	Срочная
Право управления	Да (обыкн.)	Нет	Нет	Опосредованно	Возможно
Биржевое обращение	Да	Да	Нет	Да	Через ООЦФА
Уровень риска	Высокий	Средний	Высокий	Средний-выс.	Высокий

Акции и облигации представляют собой эмиссионные биржевые инструменты массового рынка. Вексель занимает обособленное положение и используется в межхозяйственных расчётах. Депозитарные расписки обеспечивают трансграничный доступ к иностранным бумагам. ЦФА сочетают черты долговых и долевых бумаг.

Современное состояние и тенденции российского рынка

По данным Московской биржи, совокупный объём торгов облигациями в 2025 году достиг рекордных 42 трлн руб. (+9 % к 2024 году), а вторичных торгов — 19,4 трлн руб. (почти удвоился) [7]. На рынке корпоративных облигаций 288 эмитентов разместили 1,2 тыс. выпусков объёмом 12 трлн руб. (против 247 эмитентов и 8,44 трлн руб. в 2024 году) [7]. Рынок акций вырос на 22 % до 35 трлн руб.

Сегмент ЦФА показал наиболее быстрый рост: по данным Банка России, объём размещений в 2024 году составил 594 млрд руб. — в 9 раз больше, чем в 2023 году [8]. К концу 2025 года объём рынка ЦФА, по прогнозам АКРА, может достичь 1 трлн руб.

Таблица 2. Объёмы торгов на российском рынке в 2024–2025 гг., трлн руб

Сегмент рынка	2024 г.	2025 г.	Прирост	Источник
Облигации (всего)	38,5	42,0	+9 %	Мосбиржа
Облигации (вторич. рынок)	10,0	19,4	+94 %	Мосбиржа
Размещ. корп. облигаций	8,44	12,0	+42 %	Мосбиржа
Акции (объём торгов)	28,7	35,0	+22 %	Мосбиржа
ЦФА (размещения)	0,594	≈1,0 (прогн.)	+68 %	АКРА

Приведённые данные позволяют выделить три ключевые тенденции. Во-первых, выраженное смещение интереса в сторону долгового сегмента: рост вторичного рынка облигаций почти вдвое отражает переориентацию инвесторов на консервативные инструменты в условиях высокой ключевой ставки. Во-вторых, ЦФА из экспериментального инструмента превратились в полноценный сегмент рынка с собственной инфраструктурой. В-третьих, классический вексельный рынок остаётся обособленным, его роль ограничивается межхозяйственными расчётами.

Заключение

Система корпоративных ценных бумаг в России представляет собой совокупность инструментов с принципиально различной правовой и экономической природой. Долевые, долговые и производные бумаги выполняют разные функции в экономике эмитента и портфеле инвестора. Анализ статистики 2024–2025 годов показал рекордный рост долгового сегмента, превращение ЦФА в значимый сегмент рынка и сохранение доминирующей роли акций и облигаций. Перспективы развития связаны с дальнейшей цифровизацией, гармонизацией регулирования классических ценных бумаг и ЦФА, а также с поиском механизмов защиты прав инвесторов.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // СПС «КонсультантПлюс».

2. Федеральный закон от 22.04.1996 № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» (ред. от 31.07.2025) // СПС «КонсультантПлюс».

3. Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» (ред. от 08.08.2024) // СПС «КонсультантПлюс».
4. Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах...» (ред. от 15.12.2025) // СПС «КонсультантПлюс».
5. Берзон Н. И. Рынок ценных бумаг: учебник для вузов. — 5-е изд., перераб. и доп. — М.: Юрайт, 2023. — 514 с.
6. Галанов В. А. Рынок ценных бумаг: учебник. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: ИНФРА-М, 2022. — 378 с.
7. Объём торгов облигациями на Московской бирже достиг рекордных 42 трлн рублей в 2025 году [Электронный ресурс] // Московская биржа: офиц. сайт. — URL: <https://www.moex.com/n96847> (дата обращения: 10.05.2026).
8. Цифровые финансовые активы и их операторы [Электронный ресурс] // Банк России: офиц. сайт. — URL: https://www.cbr.ru/finmarket/development/dev_dfa/ (дата обращения: 10.05.2026).

Проблемы разграничения смежных составов преступлений, связанных с побуждением к самоубийству

Каравайцев Никита Денисович, студент

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Федеральным законом от 7 июня 2017 г. № 120-ФЗ Уголовный кодекс Российской Федерации (далее — УК РФ) был дополнен ст. 110.1, 110.2 и 151.2; одновременно подверглась редакции ст. 110.

Уголовный закон оперирует понятием «самоубийство», но не раскрывает его. В доктрине под самоубийством традиционно понимается осознанное и добровольное лишение себя жизни [1]. Признаки осознанности и добровольности, однако, применительно к ст. 110–110.2 УК РФ работают неоднозначно: чем интенсивнее воздействие виновного, тем сложнее говорить о действительной свободе воли потерпевшего.

Описание объективной стороны рассматриваемых составов нередко даётся упрощённо. Между тем диспозиции существенно отличаются по структуре. Ст. 110 УК РФ предусматривает четыре альтернативных способа: угрозы, жестокое обращение, систематическое унижение человеческого достоинства и (с 2017 г.) применение насилия; состав материальный. Ст. 110.1 УК РФ содержит два самостоятельных деяния: склонение (ч. 1) путём уговоров, предложений, подкупа, обмана или иным способом и содействие (ч. 2) советами, указаниями, предоставлением информации, средств или орудий, устранением препятствий. Различие между ними принципиально: склонение направлено на формирование решимости, содействие — на её реализацию.

Ст. 110.2 УК РФ криминализирует организацию деятельности, направленной на побуждение к самоубийству, в том числе путём распространения соответствующей информации. Ст. 151.2 УК РФ предусматривает ответственность за склонение или иное вовлечение несовершеннолетнего в совершение противоправных действий, представляющих опасность для его жизни, при отсутствии признаков склонения к самоубийству. Признак противоправности и прямая оговорка об отсутствии

признаков склонения к суициду — два важных элемента, определяющих место этой нормы в системе. Объект преступления — нормальное физическое и психическое развитие несовершеннолетнего; жизнь и здоровье выступают дополнительным объектом.

Наиболее сложным представляется разграничение ст. 110.1 и ст. 151.2 УК РФ. Способы воздействия в обеих нормах фактически совпадают (уговоры, предложения, обман, иные подстрекательские действия), а возраст потерпевшего совпадает в ч. 3 ст. 110.1 и в ст. 151.2. Само законодательное указание на «отсутствие признаков склонения к самоубийству» в диспозиции ст. 151.2 свидетельствует о приоритете ст. 110.1: при конкуренции применяется норма о склонении к суициду.

Содержательным же разграничительным критерием выступает направленность умысла виновного по отношению к смерти потерпевшего. Если воля виновного направлена на то, чтобы потерпевший принял решение покончить с собой, — содеянное должно квалифицироваться по ч. 3 ст. 110.1 УК РФ. Именно по этому пути шла практика по делам так называемых «групп смерти», где администраторы выстраивали поэтапную систему «заданий», итогом которой должно было стать самоубийство участника [2]. Если же умысел виновного направлен на вовлечение подростка в опасную деятельность как таковую (зацепинг, руфинг, экстремальные челленджи), а летальный исход осознаётся, но не является целью, — применению подлежит ст. 151.2 УК РФ [3]. Дополнительными разграничительными признаками выступают: обязательная противоправность вовлекаемых действий в ст. 151.2 и специальный признак субъекта — совершеннолетнее лицо.

Отграничение ст. 110.1 от ст. 110.2 УК РФ проводится по характеру деяния: ст. 110.1 предполагает индивидуально направленное воздействие на конкретного потерпевшего, тогда как ст. 110.2 криминализирует создание

и поддержание организационной структуры (сообщество, рассылка, сайт), функционирование которой адресовано неопределённому кругу лиц. Если организатор группы лично доводит конкретного подростка до решения о суициде, его действия требуют дополнительной квалификации по ст. 110.1 УК РФ по совокупности. Самостоятельную сложность представляет отграничение ст. 110.2 от нейтрального информирования — публикаций в новостных, медицинских, художественных целях; разграничительным критерием здесь выступает наличие в материале призывов к совершению самоубийства или описания способов с целью побуждения.

Существенные затруднения вызывает вопрос о форме вины по ст. 110 УК РФ. В доктрине сложились три основных позиции: только умышленная форма (С. В. Бородин, Г. Н. Борзенков, А. И. Коробеев), допустимость косвенного умысла и неосторожности (Е. В. Буряковская), а также возможность исключительно прямого умысла [4]. Спор имеет практическое значение: при систематическом унижении человеческого достоинства виновный нередко не желает наступления смерти, но создаёт обстановку, в которой её наступление становится предвидимым. Полагаем обоснованной позицию о допустимости как прямого и косвенного умысла, так и неосторожности, но с уточнением: при умысле, направленном на побуждение к суициду, содеянное полностью охватывается ст. 110.1 УК РФ как специальной нормой.

Установление причинной связи между действиями виновного и самоубийством потерпевшего осложняется тем, что между ними всегда стоит акт воли самого потер-

певшего. В доктрине предлагаются разные модели — от теории необходимого условия до критерия объективного вменения с учётом самостоятельного решения потерпевшего. На мой взгляд, для вменения ст. 110 УК РФ требуется одновременно, во-первых, чтобы действия виновного типично были способны привести потерпевшего к решению о суициде, и во-вторых, чтобы возможность принять иное решение у потерпевшего была существенно ограничена (психологическое подавление, изоляция, угрозы благополучию близких и т. п.). Простое наличие конфликта или грубого обращения, не достигающего такой интенсивности, причинной связи в уголовно-правовом смысле не образует.

Действующая система составов, связанных с побуждением к самоубийству, страдает не столько от пробелов в законодательстве, сколько от недостатка разъяснений по их применению. Ориентирами, которые могли бы быть закреплены постановлением Пленума Верховного Суда РФ, являются: разграничение ст. 110.1 и ст. 151.2 УК РФ — по содержанию умысла виновного в отношении смерти потерпевшего с учётом обязательной противоправности вовлекаемых действий в ст. 151.2; разграничение ст. 110.1 и ст. 110.2 УК РФ — по индивидуальной или неопределённо-адресной направленности деяния с возможной квалификацией по совокупности; форма вины по ст. 110 УК РФ — альтернативная (умысел или неосторожность) с приоритетом ст. 110.1 при наличии признаков склонения; причинная связь по ст. 110 УК РФ — оценка на основе модели объективного вменения с учётом самостоятельности решения потерпевшего.

Литература:

1. Бородин С. В. Преступления против жизни. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. 467 с.
2. Айвазян А. Г. Формы вины при доведении до самоубийства // Криминалист. 2023. № 1 (42). С. 3–7.
3. Туркасова П. В. Субъективные признаки вовлечения несовершеннолетнего в совершение действий, представляющих опасность для его жизни (статья 151.2 УК РФ). Отграничение от смежных составов по субъективным признакам преступления // Молодой ученый. 2023. № 19 (466). С. 429–432.
4. Приговор Тобольского районного суда Тюменской области от 17 июля 2017 г. в отношении Ф. А. Будейкина (по ст. 110 и ч. 3 ст. 30, ст. 110 УК РФ) // Архив Тобольского районного суда.

Характеристика корпоративного договора по законодательству Российской Федерации: конфиденциальность и раскрытие информации

Квасюк Иван Петрович, студент магистратуры
Тюменский государственный университет

В статье рассматриваются особенности конфиденциальности корпоративного договора. Анализируются различия правового режима конфиденциальности корпоративных договоров в публичных и непубличных обществах, а также специфика раскрытия информации. Делается вывод о необходимости соблюдения баланса при принятии мер, влияющих на режим конфиденциальности корпоративного договора.

Ключевые слова: корпоративный договор, акционерное соглашение, конфиденциальность, раскрытие информации, публичное общество, непубличное общество.

Современное развитие корпоративного права в Российской Федерации характеризуется поступательным смещением акцента от преимущественно императивных механизмов регулирования к более гибким договорным конструкциям, позволяющим участникам корпоративных образований самостоятельно артикулировать модель реализации своих субъективных прав и обязанностей. В этом контексте корпоративный договор предстает как институциональная форма согласования частных интересов, интегрированная в систему гражданско-правового регулирования и опосредующая внутреннюю организацию корпоративных отношений.

Одной из важнейших характеристик корпоративного договора является его конфиденциальность. Стоит согласиться с М. С. Варюшиным в том, что «следует различать правовой режим публичной достоверности корпоративных договоров, заключенных участниками непубличных компаний, и правовой режим открытости информации о корпоративных договорах, заключенных участниками компаний публичных» [3, с.150].

Одним из наиболее сложных элементов правового режима корпоративного договора является вопрос о том, в каком объеме сведения о нем должны быть доступны участникам корпоративных отношений.

Общее правило закреплено в п. 4 ст. 67.2 ГК РФ: участники хозяйственного общества, заключившие корпоративный договор, обязаны уведомить общество о факте его заключения, однако раскрытие содержания такого договора не требуется. При нарушении данной обязанности участники общества, не являющиеся сторонами корпоративного договора, вправе требовать возмещения причиненных им убытков. В то же время, как отмечается М. С. Варюшиным, такая мера показывает неэффективность [3, с.160].

Применительно к непубличным корпорациям действует модель ограниченной публичной достоверности: общество должно знать о самом факте существования корпоративного договора, но не получает доступа к его условиям. Такая конструкция объясняется закрытым характером обществ, где договоренности участников часто затрагивают важнейшие вопросы корпоративного управления: порядок голосования, распределение контроля, условия отчуждения долей или акций, механизмы выхода из бизнеса, инвестиционные обязательства и ответственность сторон. В этом смысле конфиденциальность выступает способом защиты частной автономии участников и их коммерческого интереса.

Конфиденциальность корпоративного договора в непубличном обществе не является абсолютной. Само уведомление общества имеет самостоятельное юридическое значение, поскольку позволяет зафиксировать наличие договоренностей, потенциально влияющих на поведение

отдельных участников. Иные участники могут не знать содержания такого соглашения, но они должны понимать, что внутри корпорации существуют корпоративные связи, способные воздействовать на реализацию их прав в обществе.

Иной подход установлен для публичных акционерных обществ. В публичной корпорации корпоративный договор может затрагивать интересы не только его сторон, но и широкого круга акционеров, инвесторов и участников рынка.

Именно поэтому для публичных обществ законодатель устанавливает специальный режим открытости информации. Согласно ст. 32.1 Федерального закона «Об акционерных обществах» если в силу акционерного соглашения лицо получает возможность распоряжаться определенным количеством голосов по акциям, оно обязано уведомить общество при достижении установленных законом пороговых значений: 5, 10, 15, 20, 25, 30, 50 или 75 процентов голосов. Смысл данной нормы состоит в том, что корпоративный контроль может формироваться не только через прямое владение акциями, но и через договорное согласование поведения акционеров. Иначе говоря, лицо может обладать сравнительно небольшим пакетом акций, но в силу наличия заключенного акционерного соглашения фактически влиять на значительно больший объем голосов.

В этом и проявляется проблема раскрытия информации о корпоративном договоре: договор может не изменять формальную структуру собственности, но при этом менять реальное распределение корпоративного контроля. Например, акционер, владеющий 10 % акций, при наличии договоренности с другими акционерами может фактически определять голосование по пакету в 30, 50 и более процентов. Для миноритарных акционеров, кредиторов и потенциальных инвесторов такие сведения имеют принципиальное значение, поскольку позволяют понять, кто реально способен влиять на принятие ключевых решений в обществе.

С учетом этого п. 6 ст. 32.1 Федерального закона «Об акционерных обществах» предусматривает специальное последствие нарушения обязанности по уведомлению: до направления соответствующего уведомления лицо вправе голосовать только тем количеством акций, которое не превышает установленный порог, а остальные акции при определении кворума не учитываются. Такая мера препятствует тому, чтобы акционер пользовался скрыто приобретенным корпоративным влиянием без раскрытия информации обществу и рынку.

Следовательно, в публичных и непубличных обществах проблема конфиденциальности корпоративного договора решается по-разному. В непубличной корпорации приоритет отдается частной автономии участников и сохра-

нению закрытого характера их договоренностей. В публичной корпорации на первый план выходит интерес в прозрачности корпоративного контроля, защите инвесторов, миноритарных акционеров и иных лиц, ориентирующихся на раскрываемую обществом информацию.

Дополнительную сложность в рассматриваемый вопрос внесли санкционные коррективы. Так, Постановление Правительства РФ от 04.07.2023 № 1102 [1], установило особенности раскрытия и предоставления информации, подлежащей раскрытию в соответствии с Федеральным законом «Об акционерных обществах» и Федеральным законом «О рынке ценных бумаг». Оно предусматривает перечень сведений, которые эмитенты ценных бумаг вправе не раскрывать и (или) не предоставлять, а также определяет круг лиц, информация о которых может не раскрываться.

С одной стороны, такое регулирование обусловлено объективными обстоятельствами и направлено на защиту российских компаний, их акционеров, органов управления и контрагентов от внешнего санкционного давления. В современных условиях раскрытие сведений о структуре контроля, акционерах, договоренностях между ними и связанных лицах может создавать дополнительные риски как для самого эмитента, так и для участников корпоративных отношений.

В то же время, исключения из общего режима раскрытия информации объективно снижают уровень прозрачности корпоративного управления. Если сведения о заключении корпоративного договора или его содержании не раскрываются, миноритарные акционеры, инвесторы и кредиторы могут не обладать полной информацией о реальном распределении корпоративного влияния.

В результате возрастает риск скрытого воздействия на общество через договорные механизмы, которые формально сохраняют частноправовой характер, но фактически способны определять принятие ключевых корпоративных решений.

В Информационном письме Банка России и Минфина России от 27.12.2024 № ИН-02–28/64/№ 05–01–06/132332 [2] отмечается на необходимость сохранения баланса между антисанкционным ограничением раскрытия информации и правами инвесторов, акционеров и кредиторов на получение сведений об эмитенте. Указанный подход регуляторов имеет значение и для корпоративного договора: его содержание может быть конфиденциальным, однако сведения, влияющие на фактическое распределение корпоративного контроля и принятие инвестиционных решений, не должны произвольно исключаться из публичного информационного поля.

Таким образом, проблема конфиденциальности корпоративного договора состоит в поиске баланса между частным интересом сторон в сохранении закрытого характера договоренностей и публично значимым интересом в раскрытии информации о фактическом корпоративном контроле. В то же время, проблема конфиденциальности корпоративного договора должна решаться дифференцированно. Не любой корпоративный договор одинаково значим для раскрытия иным участникам, не являющимися его сторонами. Если договор влияет на голосование и фактический контроль, публичный интерес в раскрытии выше. Если же договор касается только ограничения отчуждения акций, интерес к раскрытию ниже, поскольку такое соглашение не обязательно затрагивает управление обществом.

Литература:

1. Постановление Правительства РФ от 04.07.2023 № 1102 «Об особенностях раскрытия и (или) предоставления информации, подлежащей раскрытию и (или) предоставлению в соответствии с требованиями Федерального закона «Об акционерных обществах» и Федерального закона «О рынке ценных бумаг» // Собрание законодательства РФ. — 2023. — № 28. Ст. 5221.
2. Информационное письмо Банка России № ИН-02–28/64, Минфина России № 05–01–06/132332 от 27.12.2024 «О реализации эмитентами ценных бумаг права на ограничение раскрытия (предоставления) информации на рынке ценных бумаг» // Вестник Банка России. — № 2. — 2025.
3. Варюшин М. С. Гражданско-правовое регулирование корпоративных договоров: сравнительный анализ: диссертация... кандидата юридических наук: 12.00.03 / Варюшин Михаил Сергеевич; [Место защиты: Рос. правовая акад. М-ва юстиции РФ]. — Москва, 2015. — 202 с.

Актуальные проблемы избрания и применения меры пресечения в виде домашнего ареста

Кириленко Ксения Александровна, студент магистратуры

Научный руководитель: Барыгина Александра Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент
Уральский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Челябинск)

В работе исследуются теоретико-правовые и организационные проблемы исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста в российском уголовном судопроизводстве. На основе анализа действующего законодательства, разъяснений

Пленума Верховного Суда РФ, ведомственных нормативных актов и материалов судебной практики за 2025–2026 годы выявлены системные недостатки, снижающие эффективность данной меры. Сформулированы предложения по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства и практики его применения, направленные на обеспечение баланса публичных интересов, прав обвиняемых и законных интересов третьих лиц.

Ключевые слова: домашний арест, мера пресечения, уголовно-процессуальное законодательство, контроль, система электронного мониторинга подконтрольных лиц (СЭМПЛ).

Введение в уголовно-процессуальное законодательство меры пресечения в виде домашнего ареста обусловлено стремлением к гуманизации и необходимостью сокращения применения заключения под стражу. Выступая альтернативой содержанию под стражей, домашний арест тем не менее ограничивает конституционное право на свободу передвижения. Несмотря на реализацию положений Концепции развития уголовно-исполнительной системы до 2030 года, в правоприменительной практике сохраняются проблемы: возросшая нагрузка на уголовно-исполнительные инспекции приводит к ослаблению контроля по месту жительства, а нередко и к его фактическому отсутствию. Как следствие, возрастает количество лиц, подвергнутых данной мере, привлекаемых к административной ответственности, что указывает на систематические нарушения установленного порядка и недостаточную эффективность исполнения домашнего ареста.

Сущность домашнего ареста, закрепленная в ст. 107 УПК РФ, претерпела изменения после вступления в силу Федерального закона от 18.04.2018 № 72-ФЗ, что вызывает необходимость глубокого теоретико-правового и организационного анализа исполнения данной меры пресечения [1]. Домашний арест занимает второе место по строгости в иерархии мер, располагаясь между залогом, запретом определенных действий и заключением под стражу, и назначается судом в виде полной изоляции подозреваемого (обвиняемого) в жилом помещении либо лечебном учреждении с возложением запретов и осуществлением контроля, когда более мягкая мера неприменима. Выступая альтернативой содержанию в следственном изоляторе, этот институт прямо свидетельствует о гуманизации уголовного процесса, уважении прав и свобод лиц, совершивших преступление, и создании оптимальных условий для удовлетворения естественных потребностей человека. При этом в научной среде встречаются определения, утратившие актуальность после реформы 2018 года [4, 5, 7].

Применение домашнего ареста нередко ограничивает конституционные права лиц, проживающих совместно с обвиняемым. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 требует, чтобы суд при избрании данной меры пресечения проверял законность оснований проживания подозреваемого в конкретном жилом помещении, а также указывал его адрес; если решение затрагивает интересы собственника или иных жильцов, они вправе его обжаловать [3]. Вместе с тем ни уголовно-процессуальный закон, ни названные разъяснения высшей судебной инстанции не обязывают суд выяснять согласие совместно проживающих лиц на помещение обвиняе-

мого под домашний арест. В научной литературе и правоприменительной практике признается, что отсутствие такого обязательного согласования может нарушать право на семейную тайну и неприкосновенность жилища. Для восполнения пробела предлагается законодательно закрепить обязанность суда устанавливать мнение собственника жилья и получать его согласие, без которого избрание домашнего ареста в данном помещении не допускается.

Анализ судебной практики выявляет трудноразрешимые вопросы, связанные с характером жилого помещения. К примеру, был установлен абсолютный запрет покидать пределы частного дома, не оборудованного санитарным узлом внутри; необходимость удовлетворения естественных физиологических потребностей вынуждала его систематически нарушать условия домашнего ареста, что свидетельствует о неприменимости такого запрета к неблагоустроенному жилью. Не менее остра ситуация с одиноко проживающим лицом, лишенным возможности самостоятельно приобретать продукты и предметы первой необходимости; несмотря на смягчающее влияние онлайн-сервисов, полный запрет выхода для такой категории граждан невозможен [6]. Особого внимания заслуживают общежития: кухня, туалет и ванная в них являются местами общего пользования, поэтому подозреваемый или обвиняемый вынужден часто покидать комнату, а размещение средств контроля (СКУ — стационарного контрольного устройства, применяемого с ЭБ (электронным браслетом) в целях контроля и надзора за подозреваемым и обвиняемым) в общих зонах нарушает права иных проживающих. Кроме того, при исполнении меры пресечения в жилье, занимаемом по договору найма, нежелание наймодателя предоставлять помещение лицу, подвергнутому домашнему аресту, и последующее расторжение договора лишают меру практического смысла; в подобных обстоятельствах целесообразно рассмотреть замену данной меры пресечения. На практике часто можно увидеть решения об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста в отношении лиц, проживающих в общежитиях.

Так, например, адвокат обвиняемого Кодзоева М. Р. обжаловал отказ суда изменить адрес исполнения домашнего ареста. Одним из ключевых аргументов защиты было то, что «окончание срока найма жилого помещения» и невозможность проживать в съемной квартире делают исполнение меры пресечения невозможным. Несмотря на это, вышестоящая инстанция оставила постановление без изменения [8].

Кудымкарский городской суд Пермского края в своем обзоре практики за 2025 год разъясняет, что суды при избрании домашнего ареста исходят из «наличия жилого помещения» и данных о личности. При этом закон не предусматривает исключений для проживающих в общежитиях, что на практике ставит под вопрос саму возможность соблюдения режима изоляции от общества [9].

Согласно ч. 7 ст. 107 УПК РФ, налагая на обвиняемого запрет на общение с определенными лицами (п. 3–5 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ), суд обязан указать данные, позволяющие их идентифицировать [1]. Однако на практике суды, как правило, избегают конкретизации, ограничиваясь общими формулировками, такими как «запретить общение с участниками уголовного судопроизводства», «с лицами, проходящими по данному уголовному делу», «с потерпевшими и свидетелями». Это фактически размывает предписания закона.

Примеры из судебной практики:

— апелляционное постановление № 22–1624/2025 (15.08.2025): суд установил запрет на «общение с лицами, проходящими по настоящему уголовному делу в качестве свидетелей, потерпевших» без указания их данных, за исключением защитника и близких родственников [10];

— дело сестер Камшиловых (сентябрь 2025 г.): суд запретил им «общаться друг с другом и другими фигурантами уголовного дела» как непосредственно, так и через третьих лиц, без какой-либо конкретизации [11];

— дело Ирины Чемезовой (октябрь 2025 г.): пресс-служба судов Свердловской области сообщила, что ей запрещено «общаться с подозреваемыми, обвиняемыми, свидетелями, потерпевшими по уголовному делу» без указания конкретных лиц [12];

— дело замначальника полиции Бочкарева (апрель 2026 г.): суд ограничился запретом «не общаться со свидетелями и потерпевшей», не раскрывая их личностей в постановлении [13];

— дело Анны Миньковой (январь 2026 г.): был введен «запрет на любые формы общения с лицами, проходящими по данному уголовному делу» без какой-либо идентификации [14].

Подобный подход демонстрирует явный разрыв между требованиями закона и судебной практикой, создавая неопределенность в установлении круга лиц, что затрудняет контроль и ставит вопрос о необходимости более строгого соблюдения судами предписаний УПК РФ.

В соответствии с разъяснениями Пленума Верховного Суда РФ, при наложении запрета на использование сети «Интернет» суду надлежит конкретизировать случаи, при которых лицу разрешается выход в сеть. Например, для обмена информацией с учебным заведением, если подозреваемый или обвиняемый является учащимся. Однако анализ судебных решений за 2025–2026 годы показывает формальный подход: суды часто ограничиваются общим запретом с оговоркой о возможности связи с контролирующим органом и экстренными службами. Так, в деле сестер Камшиловых суд запретил использовать интернет,

сделав исключение лишь для вызова экстренных служб и общения со следственными органами [11]. Аналогичная формулировка использована в постановлении по делу № 22–1624/2025 [10]. Таким образом, на практике суды пока не применяют гибкий подход, предписывающий учитывать образовательные или иные социальные нужды обвиняемого.

Существует и проблема материального обеспечения обвиняемых. В отличие от СИЗО, где государство полностью берет на себя заботу о бытовых нуждах фигуранта, домашний арест оставляет его один на один с финансовыми трудностями. Лишенный возможности посещать работу, он теряет единственный источник дохода при сохраняющейся необходимости покупать продукты и одежду.

Ситуацию усугубляет и судебная практика: например, в апелляционном постановлении № 22–1624/2025 суд прямо запретил обвиняемому Н. любое использование интернета, сделав исключение лишь для звонков в экстренные службы и госорганы [10]. Таким образом, даже при наличии удаленной работы или интернет-профессии, позволяющей зарабатывать, не покидая жилье, человек под домашним арестом оказывается полностью отрезан от легальных способов самообеспечения.

Значительные сложности сохраняются и в практической реализации домашнего ареста. Порядок контроля за данной мерой пресечения, возложенный на уголовно-исполнительные инспекции (УИИ) приказом Минюста России, МВД России, СК России и ФСБ России, сталкивается с объективными ограничениями, делающими надзор во многом формальным.

В первую очередь, УИИ лишены действенных инструментов для контроля за соблюдением судебных запретов. Отсутствует законный механизм, позволяющий инспекции самостоятельно отслеживать использование подозреваемым или обвиняемым средств связи, интернета и почтовых отправлений, а уведомления, направляемые операторам связи, не обеспечивают исполнение контрольных функций. На практике частично реализовать эти запреты удастся лишь на стадии предварительного следствия по ходатайству следователя. Даже при личном посещении инспектор может обнаружить корреспонденцию или сообщения на имя подконтрольного лица, однако обход запрета через третьих лиц остается практически неотслеживаемым.

Не менее острой является проблема, обусловленная текущей геополитической ситуацией. В условиях проведения специальной военной операции (СВО) для защиты гражданской инфраструктуры и стратегических объектов активно применяются системы радиоэлектронной борьбы (РЭБ), которые подавляют сигналы сотовой связи и GPS. Это имеет прямое негативное последствие для осуществления контроля за лицами, находящимися под домашним арестом. Стационарные контрольные устройства (СКУ) и мобильные контрольные устройства (МКУ), входящие в систему электронного мониторинга подконтрольных лиц (СЭМПЛ), преимущественно используют

для передачи данных о местоположении обычные SIM-карты и спутниковую навигацию GPS. В условиях работы систем РЭБ эти устройства массово теряют связь с сервером мониторинга, что делает невозможным получение своевременных сигналов о нарушениях. Как следствие, инспектор УИИ может на протяжении длительного времени не получать «сработок» о покидании поднадзорным лицом разрешенной зоны или вовсе не зафиксировать факт такого нарушения в отчетах системы. Данная техническая уязвимость полностью нивелирует саму идею непрерывного дистанционного контроля, фактически делая его «слепым» в моменты работы средств подавления связи, и позволяет недобросовестным поднадзорным безнаказанно нарушать установленные судом ограничения.

Таким образом, отсутствие у УИИ реальных правовых рычагов для контроля за соблюдением запретов, наложенных судом, в сочетании с технической неспособностью оборудования СЭМПЛ гарантировать непрерывный мониторинг в условиях применения систем РЭБ, свидетельствует о том, что существующий механизм надзора не является эффективным средством достижения целей домашнего ареста.

Проведенный анализ свидетельствует, что домашний арест, задуманный как действенный инструмент гуманизации уголовно-процессуального принуждения и реальная альтернатива содержанию под стражей, на практике сталкивается с комплексом проблем, существенно снижающих его эффективность и порождающих риски нарушения прав как самих обвиняемых, так и иных лиц.

Ключевые изъяны сосредоточены в трех плоскостях. Во-первых, нормативная неопределенность: законодательство не требует выяснения согласия совместно

проживающих граждан, не учитывает специфику неблагоустроенного жилья и помещений в общежитиях, не регламентирует последствия расторжения договора найма, а предписание судам конкретизировать круг лиц и разрешенные способы использования интернета выполняется формально, что размывает содержание налагаемых запретов. Во-вторых, несовершенство механизма контроля: уголовно-исполнительные инспекции не наделены реальными полномочиями для надзора за соблюдением запретов на связь и почтовые отправления, а функционирование системы электронного мониторинга подконтрольных лиц (СЭМПЛ) становится ненадежным в условиях применения систем радиоэлектронной борьбы, подавляющих сигналы GPS и сотовой связи, что делает дистанционный контроль «слепым». В-третьих, неразрешенность материально-бытовых аспектов: лица, лишенные права на трудовую деятельность и одновременного доступа к интернету, оказываются без легального источника средств к существованию при сохранении обязанности самостоятельно себя обеспечивать.

Устранение указанных проблем требует системных законодательных и организационных мер: закрепления в УПК РФ обязанности получения согласия собственника и совершеннолетних жильцов, введения критериев пригодности жилого помещения с точки зрения элементарных санитарно-бытовых условий и расположения комнат, установления механизма замены меры пресечения при отпадении правовых оснований пользования помещением, а также разработки новых технических решений и правовых механизмов контроля, устойчивых к внешним помехам и позволяющих УИИ действительно обеспечивать соблюдение судебных запретов.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: от 18.12.2001 № 174-ФЗ. — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года: Распоряжение Правительства РФ от 29.04.2021 № 1138-р. — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41. — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Александров, А. С. Домашний арест как мера пресечения в уголовном процессе / А. С. Александров // Уголовное право. — 2012. — № 2. — С. 82–89.
5. Ворогушина, Н. А. Ограничение свободы и условное осуждение: вместе или порознь? / Н. А. Ворогушина // Судья. — 2016. — № 4(64). — С. 34–36.
6. Круглова, А. М. Актуальные проблемы правовой регламентации домашнего ареста / А. М. Круглова // Вестник экономики, управления и права. — 2023. — № 4. — С. 92–101.
7. Сергеев, А. Б. К вопросу регламентации деятельности следователя и защитника после принятия в отношении несовершеннолетнего решения о прекращении уголовного преследования по ч. 3 ст. 27 УПК РФ: правовой и криминалистический аспекты // Труды Оренбургского института (филиала) МГЮА № 4 (30). — Оренбург, 2016. — 146 с.
8. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 19.03.2026 № 19-АПУ26–2-К5. Обстоятельства: Обжалуется постановление о продлении срока избранной меры пресечения. Решение: Постановление оставлено без изменения, так как постановление отвечает установ-

ленным требованиям, обстоятельства, указанные адвокатом, учитывались при избрании и продлении домашнего ареста. — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/law/podborki/izmenenie_adresa_ispolneniya_domashnego_aresta/1992-2026 (дата обращения: 22.05.2026).

9. Домашний арест как мера пресечения. Материал от 29.09.2025 // Кудымкарский городской суд Пермского края. — URL: https://kudimkarsky-perm.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=3&did=19 (дата обращения: 22.05.2026).
10. Апелляционное постановление № 22–1624/2025 22К-1624/2025 от 14 августа 2025 г. по делу № 3/1–313/2025. Суд Ханты-Мансийского автономного округа (Ханты-Мансийский автономный округ-Югра) // Судебные и нормативные акты РФ. — URL: <https://sudact.ru/regular/doc/kOfCaVUIjBZN/> (дата обращения: 22.05.2026).
11. Какие ограничения ждут курганских сестер Камшиловых под домашним арестом // URA.RU. — URL: <https://ura.news/news/1052997747> (дата обращения: 22.05.2026).
12. Ирина Чемезова останется под домашним арестом до 1 ноября // @Новости. — URL: <https://news.mail.ru/incident/68195932/> (дата обращения: 22.05.2026).
13. Заместителю начальника отдела полиции «Курчатовский» УМВД России по г. Челябинску С. Бочкареву избрана мера пресечения в виде домашнего ареста // Курчатовский районный суд г. Челябинска. — URL: https://kurt-chel.sudrf.ru/modules.php?did=65&name=press_dep&op=1 (дата обращения: 22.05.2026).
14. Бывшего замгубернатора Краснодарского края отправили под домашний арест // Парламентская газета. — URL: <https://www.pnp.ru/news/byvs-hego-zamgubernatora-krasnodarskogo-kraya-otpravili-pod-domashniy-arest.html> (дата обращения: 22.05.2026).

Неблагоприятные условия брачного договора как основание признания его недействительным: противоречия судебной практики

Киселев Данил Олегович, студент магистратуры

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (г. Москва)

Статья посвящена исследованию правовой природы неблагоприятных условий брачного договора как основания для признания его недействительным, а также анализу противоречий, складывающихся в судебной практике при применении соответствующих норм семейного законодательства. В работе рассматривается соотношение принципа свободы договора супругов и установленных законом ограничений, направленных на недопущение существенного ущемления имущественных интересов одной из сторон.

Ключевые слова: брак, соглашения, брачный договор, недействительность брачного договора, неблагоприятные условия брачного договора.

В соответствии с положениями Семейного кодекса Российской Федерации (далее также СК РФ, Семейный кодекс) [1] законным режимом имущества супругов признаётся режим их общей совместной собственности, при котором имущество, нажитое во время брака, принадлежит супругам совместно без определения долей. Такой режим обусловлен необходимостью ведения совместного хозяйства, на базе которого формируется семья как ячейка общества. Однако законодатель закрепляет возможность изменения этого режима посредством заключения имущественных соглашений, к которым относятся соглашения о разделе имущества (п. 2 ст. 38 СК РФ) и брачный договор (ст. 41, 42 СК РФ) [2].

Брачный договор, будучи комплексным регулятором имущественных отношений супругов, устанавливает договорный режим имущества, который подлежит приоритетному применению. Его содержание направлено на определение имущественных прав и обязанностей сторон

как в период брака, так и на случай его прекращения. Следовательно, при наличии такого договора любые вопросы, связанные с распределением имущества, должны разрешаться исключительно в рамках установленной им модели правового регулирования (п. 1 ст. 42 СК РФ). Если брачным договором установлен режим совместной собственности в отношении определённого имущества, то при необходимости его раздела супруги должны руководствоваться положениями самого договора. В ситуации, когда соответствующий порядок прямо не урегулирован, требуется внесение изменений в брачный договор (п. 1 ст. 43 СК РФ). Из этого логически следует, что изменение условий брачного договора не может осуществляться путём заключения соглашения о разделе имущества. Допущение подобной возможности означало бы обход установленной законом процедуры изменения брачного договора и нивелировало бы его приоритетное значение как основного инструмента договорного регулирования.

Важно отметить, что брачный договор квалифицируется как сделка, порождающая в том числе гражданско-правовые отношения в части опосредования гражданского оборота [3, с. 12]. В силу брачного договора супруги вправе установить режим долевой или раздельной собственности на всё имущество, его отдельные виды либо на имущество каждого из супругов (ст. 42 СК РФ). Кроме того, стороны могут определить порядок участия в доходах друг друга, распределение семейных расходов, а также предусмотреть иные имущественные права и обязанности. Однако сторонам надлежит учитывать, что положения брачного договора не должны стать злоупотреблением в части ухода одного из супругов от обязательств перед третьими лицами [4, 5].

Наиболее любопытными в этом институте нам видятся основания, по которым брачный договор признаётся недействительным. В силу положений п. 1 ст. 44 СК РФ к нему применимы общие положения ГК РФ о недействительности сделок, а также условия, ставящие одного из супругов в крайне неблагоприятное положение (п. 2 ст. 44 СК РФ). М. А. Астахова определяет такой механизм в качестве одного из специальных способов, которыми супруги могут защитить свои имущественные права [6].

Однако законодатель не раскрывает, что понимается под «крайне неблагоприятными» положениями. Сама природа брачного договора предполагает возможность отступления от принципа равенства долей, установленного законом, и допускает существенную диспропорцию в распределении имущества между супругами. Более того, именно такая диспозитивность составляет его функциональное назначение, позволяя учитывать индивидуальные жизненные обстоятельства сторон. Но законодатель, вводя критерий «крайне неблагоприятного положения», фактически ограничивает свободу усмотрения супругов, при этом не устанавливает чётких границ допустимого отклонения.

Так, в одном из дел Верховный Суд приходит к выводу, что сама по себе несоразмерность распределения имущества между супругами не свидетельствует о наличии крайне неблагоприятного положения [7]. Суд отметил, что заявителем не представлены доказательства, подтверждающие существенное ущемление его имущественных интересов. Отсюда представляется, что такая диспропорция может быть абсолютна любой, в том числе когда одному супругу достаются активы, а другому — пассивы.

При этом в другом деле высшая судебная инстанция пришла к выводу о недействительности брачного дого-

вора, указав, что его условия ставят одного из супругов в крайне неблагоприятное положение, поскольку фактически лишают его после расторжения брака права на имущество, нажитое в период брака [8]. Тем самым суд подчеркнул, что полное исключение одного из супругов из режима совместной собственности может рассматриваться как выход за пределы допустимой договорной свободы.

Получается, что на сегодняшний день отсутствуют четкие критерии понимания того, что надлежит понимать под неблагоприятными условиями. По мнению Е. А. Кирилловой, такая категория вовсе должна быть признана фиктивной, ведь «супруги добровольно, по соглашению устанавливают и прописывают условия брачного договора, и ни одна из сторон при этом не обязуется делить имущество поровну или в определенных долях» [9, с. 30], при этом нотариус им разъясняет все последствия подобной сделки. Доказать заключение брачного договора под принуждением, как следует из практики, довольно сложно [10, с. 587]. Отсюда полагаем, что в целом понятие «неблагоприятных условий» существовать не может, потому как является ретроспективным инструментом для злоупотреблений, когда между сторонами сделки изменились личные фидуциарные отношения. Более того, критериев, по которым суду надлежит определить, является ли такое положение неблагоприятным, нет [11, с. 26].

Обобщая всё вышесказанное, предлагаем исключить возможность признания брачного договора недействительным на основании крайней невыгодности его условий для одной из сторон. При желании законодателя сохранить указанную конструкцию необходимо разработать ясные критерии «крайней невыгодности», к которым мы рекомендуем отнести:

- диспропорцию распределения имущества в брачном договоре, приводящую к лишению одного из супругов экономической самостоятельности;
- отсутствие у супруга минимально необходимого имущественного обеспечения для удовлетворения базовых жизненных потребностей с учётом его вклада в приобретение имущества и ведение семьи.
- явную несоразмерность условий договора с учётом длительности брака, наличия общих детей и экономической зависимости одного из супругов;
- установление условий, исключающих реализацию законных гарантий (в том числе права на долю в совместно нажитом имуществе) без предоставления эквивалентной компенсации.

Литература:

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 1. — Ст. 16.
2. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2024) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 29.05.2024) // Бюллетень Верховного Суда РФ. — № 7. — 2024.
3. Виниченко Ю. В. О нормативном правовом регулировании системы гражданского оборота / Ю. В. Виниченко // Гражданское право. — 2021. — № 5. — С. 10–13.

4. Обзор судебной практики по делам о банкротстве граждан (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 18.06.2025) // СПС «КонсультантПлюс». Режим доступа: по подписке. — URL: <https://student2.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=533723&cacheid=3EA6526D5C449E256DC49E9E32AEA2B5&mode=splus&rnd=TJrXKKVY9hI02Q4L2#bxsXKKVlywni7DP1> (дата обращения: 20.03.2026).
5. Определение Конституционного Суда РФ от 13.05.2010 № 839-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб граждан Козловой Марины Николаевны и Козлова Сергея Сергеевича на нарушение их конституционных прав п. 1 ст. 46 Семейного кодекса Российской Федерации» // СПС «Гарант». Режим доступа: по подписке. — URL: <https://internet.garant.ru/#%2Fdocument%2F1795768%2Fparagraph%2F1%3A1> (дата обращения: 20.03.2026).
6. Астахова М. А. Способы защиты имущественных прав супругов / М. А. Астахова // Нотариус. — 2018. — № 6. — С. 30–33.
7. Определение Верховного Суда РФ от 24.05.2016 № 18-КГ16-10 // СПС «Гарант». Режим доступа: по подписке. — URL: <https://internet.garant.ru/#%2Fdocument%2F71419144%2Fparagraph%2F28%2Fdoclist%2F4922%2F1%2F0%2F0%2F7.%20определение%20верховного%20суда%20рф%20от%2024.05.2016%20№%2018-КГ16-10%3A2> (дата обращения: 20.03.2026).
8. Определение Верховного Суда РФ от 20.12.2016 № 5-КГ16-174 // СПС «Гарант». Режим доступа: по подписке. — URL: <https://internet.garant.ru/#%2Fdocument%2F71590528%2Fparagraph%2F8%2Fdoclist%2F4988%2F1%2F0%2F0%2F8.%20определение%20верховного%20суда%20рф%20от%2020.12.2016%20№%205-КГ16-174%3A4> (дата обращения: 20.03.2026).
9. Кириллова Е. А. Брачный договор в России: основные проблемы нотариальной практики / Е. А. Кириллова // Нотариус. — 2025. — № 4. — С. 28–31.
10. Зинина А. О. Договорный режим имущества супругов. Российский опыт / А. О. Зинина // Вестник науки. — 2024. — Т. 2. — № 6 (75). — С. 583–593.
11. Гарипова А. М. К вопросу о нотариальном удостоверении брачного договора / А. М. Гарипова // Вестник науки. — 2020. — Т. 5, № 5 (26). — С. 154–158.

Роль органов опеки и попечительства в разрешении споров об определении места жительства ребенка

Кобзова Мария Евгеньевна, студент
Саратовская государственная юридическая академия

В статье рассмотрены основные особенности участия органов опеки и попечительства в разрешении споров об определении места жительства ребенка. Сделан вывод о том, что в современных условиях желательным является также участие прокурора при рассмотрении и разрешении дел данной категории.

Ключевые слова: супруги, ребенок, место жительства, прокурор, орган опеки и попечительства.

Нормами действующего российского законодательства, а также материалами судебной практики определяется, что при разрешении споров об определении места жительства ребенка приоритет должен быть отдан необходимости наиболее полного обеспечения защиты прав и интересов самого несовершеннолетнего. В интересах ребенка решение спорного вопроса об определении места жительства между родными для него людьми должно носить только конструктивный и неконфликтный характер, основанный на взаимных договоренностях обеих спорящих сторон, где во главу угла ставятся сохранение психологического здоровья ребенка и его дальнейшее гармоничное развитие. В соответствии с положениями Семейного кодекса Российской Федерации [1] следует, что с целью обеспечения защиты прав и интересов ребенка, в делах об определении места жительства ребенка принимают участие органы опеки и попечительства. Участвуя в рассмотрении судом спора, связанного с воспитанием детей, орган опеки и попечи-

тельства обязан провести обследование условий жизни ребенка и лица (лиц), претендующего на его воспитание, а также представить суду акт обследования и основанное на нем заключение по существу спора, подлежащее оценке в совокупности со всеми собранными по делу доказательствами [2].

Деятельность органов опеки и попечительства при рассмотрении споров, связанных с воспитанием детей, призвана обеспечить:

а) защиту прав ребенка, в том числе: права жить и воспитываться в семье, права знать своих родителей, права на их заботу, права на совместное с ними проживание, за исключением случаев, когда это противоречит интересам ребенка, права на воспитание своими родителями;

б) права на общение с обоими родителями и другими родственниками;

в) права на защиту своих прав и законных интересов, на защиту от злоупотреблений со стороны родителей (лиц, их заменяющих);

г) защиту прав родителей, усыновителей, опекунов (попечителей), связанных с обеспечением воспитания, развития, защиты прав и интересов несовершеннолетних детей;

д) создание безопасных условий жизни и воспитания детей, заботу об их здоровье, физическом, психическом, духовном и нравственном развитии.

Основными направлениями деятельности органов опеки и попечительства при рассмотрении споров, связанных с воспитанием детей, являются:

— оказание содействия гражданам в мирном разрешении споров, связанных с воспитанием детей, в досудебном порядке;

— участие в установленном порядке в судебных разбирательствах по спорам, связанным с воспитанием детей;

— участие в исполнении решений суда по спорам, связанным с воспитанием детей [3].

Несмотря на высокую степень значимости участия органов опеки и попечительства в рассмотрении и разрешении судами дел об определении места жительства ребенка, стоит отметить, что судебная практика свидетельствует о частом допущении судами нарушений, связанных с уделением недостаточного внимания вопросу обеспечения прав и интересов несовершеннолетнего. В том числе нередки случаи и необоснованного игнорирования судом заключений органов опеки и попечительства.

Так, судами рассматривался спор об определении места жительства несовершеннолетнего ребенка (возраст ребенка на момент рассмотрения дела составлял 1 год). Несмотря на то, что суды определили место жительства несовершеннолетнего ребенка с матерью, при определении порядка общения ребенка с отцом было отдано предпочтение графику, предложенному ответчику. Для наглядности проиллюстрируем данный пример более подробно.

Матерью ребенка был предложен следующий график общения отца с ребенком: «по четным числам каждого месяца с 9 часов до 14 часов по месту проживания матери с правом посещения общественных мест (парки, торговые центры, детские аттракционы и прочее) в <...> района в присутствии матери до достижения ребенком трехлетнего возраста, а после достижения — в отсутствие матери».

Судом же был избран следующий график общения, предложенный ответчиком: «отец вправе проводить с ребенком любые четыре дня по своему выбору с 9 часов утра до 21 часа вечера каждую неделю без присутствия матери, по достижении ребенком двухлетнего возраста отец вправе еженедельно оставлять ребенка на любые две ночевки, с летнего периода 2018 года отец вправе проводить с ребенком любой один месяц по своему выбору для отдыха и оздоровления, кроме того, Веретельников М. С. вправе проводить каждый нечетный день рождения сына по своему месту жительства, а также дни рождения близких родственников малолетний И. проводит по месту жительства того родителя, с чьей стороны приходится тот близкий родственник, у которого наступит день рождения».

При этом, решения нижестоящих судов были отменены Верховным Судом РФ. Во-первых, вышестоящей инстанцией было установлено, что нижестоящие суды не учли режима дня малолетнего ребенка, что имеет принципиально важное значение в рассматриваемом вопросе. Кроме того, не было учтено мнение органов опеки и попечительства, в соответствии с заключением которого следовало, что: «график общения с несовершеннолетним Веретельниковым И., предложенный его отцом Веретельниковым М. С., а именно: любые четыре дня по выбору каждую неделю с 9 часов до 21 часа с правом посещения места жительства отца, общественных мест в отсутствие матери Новожиловой О. Н. по своей сути уже является графиком проживания несовершеннолетнего и недопустимым форматом опеки, поскольку ведет к формированию амбивалентного (двойственного) восприятия ребенком реальности, к двойным стандартам, к формированию навыков манипулирования у детей, лишает ребенка чувства «настоящего дома». Ребенок вынужден жить на два дома и приспосабливаться к двум разным бытовым укладам, разным требованиям, что создает невротизированную ситуацию для ребенка». Фактически, органы опеки и попечительства данный график общения признали недопустимым форматом опеки, что крайне негативно сказывается на степени защищенности прав и законных интересов малолетнего ребенка [4].

Многочисленность подобных нарушений, а также частое формальное отношение органов опеки и попечительства к своим обязанностям по участию в судебном заседании. Например, в соответствии со сведениями Президиума Верховного Суда РФ следует, что на практике:

— возникают случаи, когда суды не привлекают органы опеки и попечительства к участию в деле, несмотря на наличие непосредственного указания на то в законе;

— представители органа опеки и попечительства, надлежаще извещенные о времени и месте судебного заседания, нередко не являются в судебное заседание, не извещая суд о причинах неявки и не направляющих ходатайства о рассмотрении дела в их отсутствие либо об отложении судебного заседания, что приводит к неоднократному отложению слушания по делу и, как следствие, к нарушению сроков рассмотрения гражданских дел, к несвоевременному восстановлению прав и законных интересов несовершеннолетних детей и других лиц, участвующих в деле;

— органы опеки и попечительства просят рассмотреть дело без их участия, суды такие ходатайства чаще всего удовлетворяют, что впоследствии приводит к необходимости отложения судебного заседания при возникновении необходимости заслушать мнение органа опеки и попечительства.

Одновременно с этим, применительно к рассматриваемой категории дел второй участник, который, как правило, участвует в рассмотрении и разрешении споров, связанных с отображением ребенка — прокурор, при рассмотрении дел об определении места жительства ребенка

участия не принимает в силу норм действующего законодательства. На наш взгляд, вышеизложенные тенденции судебной практики, при которых органы опеки и попечительства ненадлежащим образом исполняют свои законные обязанности, а суды нарушают права и интересы несовершеннолетних лиц, не учитывают заключения органов опеки и попечительства, рациональным было бы предусмотреть участие прокурора и в рамках рассмотрения и разрешения дел об определении места жительства ребенка.

Прокуратура Российской Федерации выступает в качестве государственного органа, цель деятельности которого в первую очередь ориентирована на обеспечение защиты и восстановления нарушенных прав и законных интересов субъектов правоотношений, на обеспечение законности в государстве [5], что обуславливает высокую степень значимости участия прокуроров в гражданском судопроизводстве. Наиболее часто участие прокуроров в гражданском процессе направлено на обеспечение прав

наименее защищенной категории граждан — инвалидов, несовершеннолетних лиц. Прокурор является традиционным участником гражданских процессуальных правоотношений [6].

Как уже было отмечено, материалы современной судебной практики свидетельствуют о том, что органы опеки и попечительства при участии в рассмотрении дел об определении места жительства ребенка допускают многочисленные нарушения, а также часто допускают формальное отношение к исполнению своих обязанностей, либо исполняют их некомпетентно. На наш взгляд, участие прокурора в форме дачи заключения по делам об определении места жительства ребенка необходимо в условиях современных реалий, что может как предотвратить судебные ошибки и случаи ненадлежащего исполнения органами опеки и попечительства возложенных на них обязанностей, так и создать дополнительные гарантии защиты прав и законных интересов несовершеннолетних детей.

Литература:

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 23.03.2026) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 1. — Ст. 16.
2. Кочкина Е. М. Психологические аспекты определения места жительства ребенка при разводе родителей // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2025. № 4–1 (103). С. 121–125.
3. Письмо Министерства просвещения РФ от 02 августа 2021 г. № 07–4282 «Методические рекомендации для органов опеки и попечительства по сопровождению семейных споров о месте жительства ребенка и порядка общения с ребенком отдельно проживающего родителя (близкого родственника)» // Доступ из Справ. — правовой системы «Консультант плюс».
4. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 29 января 2019 г. № 18-КГ18–223 // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-29012019-n-18-kg18-223/?ysclid=mfftgdbjyq356931683> (дата обращения: 28.08.2025).
5. Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 (ред. от 29.12.2025) «О прокуратуре Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 1995. — № 47. — Ст. 4472.
6. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 23.03.2026) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 46. — Ст. 4532.

Договор возмездного оказания услуг общественного питания: проблемы правового регулирования и современные тенденции развития

Ковалева Ксения Денисовна, студент
Сибирский федеральный университет (г. Красноярск)

Ключевые слова: договор возмездного оказания услуг, общественное питание, услуги общественного питания, защита прав потребителей, гражданское право, цифровизация договорных отношений, онлайн-сервисы общественного питания.

Сфера общественного питания представляет собой одну из наиболее динамично развивающихся отраслей современной экономики Российской Федерации. Услуги общественного питания выполняют не только эко-

номическую, но и социальную функцию, обеспечивая население готовой продукцией питания, организацией обслуживания и созданием условий для потребления готовой продукции [6].

В современных условиях договор возмездного оказания услуг общественного питания приобретает особую значимость, поскольку выступает основной правовой формой регулирования отношений между исполнителями услуг и потребителями. Развитие ресторанного бизнеса, расширение сети предприятий общественного питания, а также внедрение цифровых технологий в сферу обслуживания обуславливают необходимость совершенствования правового регулирования данных отношений [7]. Правовую основу регулирования договора возмездного оказания услуг составляют положения гл. 39 Гражданского кодекса Российской Федерации. Согласно ст. 779 ГК РФ исполнитель обязуется по заданию заказчика оказать услуги, а заказчик — оплатить эти услуги [1]. Вместе с тем деятельность в сфере общественного питания обладает определенной спецификой, позволяющей рассматривать соответствующий договор как сложную гражданско-правовую конструкцию.

Особенность договора возмездного оказания услуг общественного питания заключается в его специфическом характере данного вида договора. Его специфика заключается в том, что услуга, предоставляемая по данному договору, предоставляется заказчику не совсем завершенной, так как заказчик сам завершает ее посредством употребления результата, так же данная услуга в большинстве случаев завершается на территории исполнителя, а именно в кафе, ресторане и пр. [8].

В юридической литературе отсутствует единый подход к определению правовой природы договора общественного питания. Одни исследователи рассматривают его как разновидность договора возмездного оказания услуг, другие — как смешанный договор, сочетающий элементы купли-продажи, подряда и оказания услуг [9]. Представляется, что наиболее обоснованной является позиция, согласно которой рассматриваемый договор обладает комплексной правовой природой, поскольку объединяет несколько взаимосвязанных обязательственных элементов.

Дополнительной особенностью договора возмездного оказания услуг общественного питания является его публичный характер. В соответствии со ст. 426 ГК РФ публичным признается договор, заключаемый коммерческой организацией и устанавливающий ее обязанность оказывать услуги каждому, кто к ней обратится [2]. Предприятия общественного питания осуществляют деятельность в отношении неопределенного круга лиц, что свидетельствует о наличии признаков публичного договора.

Существенное значение в рассматриваемой сфере имеет законодательство о защите прав потребителей. Потребитель является слабой стороной договора, в связи с чем нуждается в дополнительных гарантиях со стороны государства. Исполнитель обязан обеспечить качество оказываемых услуг, безопасность продукции, соблюдение санитарных норм, а также предоставить потребителю достоверную информацию о составе и свойствах реализуемой продукции [3].

На практике значительное количество судебных споров связано с нарушением прав потребителей в сфере общественного питания. Основаниями для обращения в суд становятся несоответствие качества продукции установленным требованиям, нарушение сроков исполнения заказа, причинение вреда здоровью потребителя вследствие нарушения санитарных правил, а также отказ исполнителя удовлетворить требования о возврате денежных средств [4].

Особую актуальность в современных условиях приобретают вопросы цифровизации отношений в сфере общественного питания. Активное развитие онлайн-сервисов и мобильных приложений привело к формированию новых способов взаимодействия между исполнителем и потребителем. Заключение договора посредством электронных платформ стало неотъемлемой частью деятельности большинства организаций общественного питания. Вместе с тем действующее законодательство не в полной мере учитывает особенности цифрового формата оказания услуг. На практике возникают проблемы, связанные с определением правового статуса агрегаторов и онлайн-платформ, участвующих в оформлении заказов и организации взаимодействия между сторонами договора. Отсутствие четкого законодательного регулирования нередко приводит к спорам относительно распределения ответственности между исполнителем услуги и владельцем цифровой платформы [10].

Следует отметить, что развитие цифровых технологий оказывает существенное влияние на содержание договорных отношений в сфере общественного питания. Использование электронных способов оплаты, автоматизированных систем обработки заказов и дистанционного взаимодействия сторон требует адаптации традиционных гражданско-правовых механизмов к современным условиям хозяйственного оборота [11].

Кроме того, важное значение имеет проблема соотношения общих и специальных норм, регулирующих деятельность организаций общественного питания. В настоящее время регулирование рассматриваемых отношений осуществляется значительным количеством нормативных правовых актов, включая нормы гражданского законодательства, законодательство о защите прав потребителей, санитарно-эпидемиологические правила и подзаконные нормативные акты Правительства Российской Федерации [5].

Отсутствие системного подхода к регулированию договора возмездного оказания услуг общественного питания приводит к неоднозначности правоприменительной практики и возникновению пробелов в законодательстве. В связи с этим представляется необходимым совершенствование нормативной базы путем более детального закрепления особенностей рассматриваемого договора, определения правового статуса цифровых платформ и уточнения механизма защиты прав потребителей [12].

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что современное правовое регулирование от-

ношений в сфере общественного питания не в полной мере отвечает актуальным потребностям гражданского оборота, поскольку существующая нормативная база характеризуется отсутствием комплексного подхода к определению правовой природы данного договора, недостаточной регламентацией особенностей его заключения и исполнения, а также неоднозначностью правоприменительной практики. Существенное влияние на развитие рассматриваемых правоотношений оказывает цифровизация сферы общественного питания, выражающаяся в широком распространении электронных способов заключения договоров, использовании онлайн-платформ и мобильных сервисов, обеспечивающих взаимодействие между исполнителем и потребителем, что, в свою очередь, требует дальнейшей адаптации традиционных гражданско-правовых механизмов к современным условиям цифровой экономики. В этой связи особую значимость приобретает необходимость совершенствования действующего законодательства путем более детального нормативного закрепления особенностей договора

возмездного оказания услуг общественного питания, определения правового статуса цифровых посредников и уточнения пределов ответственности участников соответствующих правоотношений. Кроме того, важным направлением развития правового регулирования является формирование единообразной судебной практики, способной обеспечить баланс интересов исполнителей и потребителей, стабильность гражданского оборота и эффективную реализацию механизмов защиты нарушенных прав.

Таким образом, договор возмездного оказания услуг общественного питания представляет собой самостоятельную и сложную гражданско-правовую конструкцию, обладающую рядом специфических признаков. Современное развитие сферы общественного питания и внедрение цифровых технологий обуславливают необходимость дальнейшего совершенствования правового регулирования данных отношений, обеспечения баланса интересов сторон и формирования единообразной судебной практики.

Литература:

1. Российская Федерация. Законы. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая)» от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.06.2025, с изм. от 16.12.2025) // КонсультантПлюс: справочная правовая система. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/a397ec4ca2dd0c96c211ee4e4436628f0cf581a3/.
2. Российская Федерация. Законы. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.03.2026) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025)) // КонсультантПлюс: справочная правовая система. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/5b4886fd41d95bd272f7a06c75e26762630ac683/.
3. Российская Федерация. Законы. Закон РФ от 07.02.1992 N 2300-1 (ред. от 28.12.2025, с изм. от 17.02.2026) «О защите прав потребителей» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.04.2026) // КонсультантПлюс: справочная правовая система. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_305/e96b1cbe2a0795305a08c97b1a7f34ddab4ae908/.
4. Верховный Суд Российской Федерации. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей». // КонсультантПлюс: справочная правовая система. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_131885/.
5. Постановление Правительства РФ от 21.09.2020 № 1515 «Об утверждении Правил оказания услуг общественного питания». // КонсультантПлюс: справочная правовая система. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_363241/.
6. Яхьяев Э., Искандаров Б. Социально-экономическая сущность отрасли общественного питания // Мировая наука. 2021. № 12 (57).
7. Романец Ю. В. Система договоров в гражданском праве России — монография., 2021
8. Петрова А. Ю. Дорогов возмездного оказания услуг в сфере общественного питания // Экономика и социум. 2017. № 1–2 (32).
9. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право: Общие положения. — М.: Статут, 2022.
10. Дадерко, Ю. А. Гражданско-правовое регулирование оказания услуг с использованием цифровых технологий / Ю. А. Дадерко. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2025. — № 46 (597).
11. Белов В. А. Гражданское право: Общая часть. — М.: Юрайт, 2022.
12. Мусаелян Л. А. Некоторые проблемы нормативно-правового регулирования договора возмездного оказания услуг // Теория и практика современной науки. 2017. № 3 (21).

Классификация способов совершения ятрогенных преступлений

Ковтуненко Эмиль Романович, студент магистратуры
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В настоящей статье автором рассмотрена криминалистическая характеристика обстановки и способа совершения ятрогенных преступлений.

Ключевые слова: медицинский работник, ятрогенное преступление, специальный субъект, способ совершения преступления, обстановка преступления, следообразование.

Как представляется, наиболее существенные сложности в выявлении и последующем расследовании присущи именно криминалистической характеристике обстановки и способа совершения ятрогенных преступлений.

Так, в силу того обстоятельства, что профессиональная деятельность врача обладает высокой степенью специфичности и зачастую трудна для адекватного восприятия лицами, не имеющими соответствующего профильного образования, возникает объективная необходимость опираться при расследовании рассматриваемой категории преступлений на фундаментальные научно-теоретические познания, касающиеся обстановки и способов совершения ятрогенного преступления.

Причины же, порождающие проблемы в расследовании рассматриваемой категории деяний, напрямую согласуются с недостаточным уровнем разработанности криминалистических методов.

Одним из наиболее значимых элементов криминалистической характеристики по праву признаётся обстановка совершения преступного деяния.

Примечательно, что в доктрине уголовного процесса данный институт рассматривается в качестве составляющей предмета доказывания, в уголовном праве ему отводится роль факультативного признака состава преступления, тогда как в криминалистической науке обстановка выступает самостоятельным элементом одноимённой характеристики.

При этом рассматриваемый институт не только напрямую формирует способ рассматриваемого преступления, но и совмещает в себе сведения о механизме следообразования, а также о следах в том числе материального характера

Обращаясь к вопросу о способе совершения преступных деяний, следует отметить вклад наиболее активных исследователей в рассматриваемой области, а именно Л. Л. Каневского и Р. С. Белкина.

Первый из названных выше авторов под способом преступления понимал комплекс профессиональных и психофизических умений и навыков, задействуемых субъектом преступления с учётом конкретной обстановки, места, времени и объекта для реализации и последующего сокрытия противоправного посягательства [1].

В свою очередь, Р. С. Белкин характеризовал способ совершения преступления как определенную многоас-

пектную систему действий, охватывающую этапы подготовки, непосредственного совершения и сокрытия преступления, которая обоснована внешними условиями среды и психофизиологическими свойствами личности, причем рассматриваемая система обладает потенциальной возможностью быть связанной с применением орудий, использованием условий, времени и места преступления [2].

Применительно же к ятрогенным преступлениям, полагаем, что способ их совершения медицинскими работниками включает в себя ряд характерных признаков.

К указанным признакам следует отнести систему поведенческой модели работника, временную периодизацию его поведения (до момента деяния, непосредственно в момент его совершения и после), а также сущностную сторону, выражающуюся в ненадлежащем исполнении профессиональных обязанностей, причем неперенным условием выступает учет обстановки преступного деяния и психофизиологических свойств личности самого субъекта.

Примечательно, что В. Л. Попов обосновывает классификацию способов совершения анализируемых преступлений преимущественно через призму субъективного фактора [3].

Указанный выше автор относит к таковым элементам классификации небрежное осуществление ухода и наблюдения за пациентом, невыполнение необходимых диагностических мероприятий, недостаточно полное обследование, несвоевременную госпитализацию, небрежное проведение оперативных вмешательств, неудовлетворительную организацию лечебного процесса, недостаточную подготовку к операциям, нарушение предписаний медицинских инструкций, неаккуратное применение лекарственных средств, а также внесение в медицинскую документацию неточных либо заведомо недостоверных сведений.

В свою очередь, Е. Е. Черных предложил авторскую систематизацию способов совершения преступных деяний в рассматриваемой области, проведя анализ материалов уголовных дел, в свою очередь квалифицированных по статьям 109, 118, 122 и 124 Уголовного кодекса Российской Федерации [4].

По мнению рассматриваемого ученого, конкретизация способов совершения рассматриваемого преступления выглядит следующим образом: неполноту проведённых лечебных мероприятий, неполноту обязательной диагно-

стики, несвоевременность лечения и диагностических процедур, ошибочность поставленного диагноза и вытекающего из него лечения, применение терапевтического подхода, не соответствующего основному заболеванию, а также запоздалое оперативное вмешательство и иные аналогичные недостатки.

Представляется, что вышеизложенный многоаспектный взгляд на способы совершения ятрогенных преступлений позволяет более глубоко осмыслить их криминалистическую природу.

Литература:

1. Каневский Л. Л. Криминалистические проблемы расследования и профилактики преступлений несовершеннолетних. Красноярск, 1991. С. 83.
2. Белкин Р. С. Курс криминалистики: в 3 т. Т. 3. М., 1997. С. 43.
3. Попов В. Л. Правовые основы медицинской деятельности. СПб, 1997. С. 71.
4. Черных Е. Е. Техничко-юридические особенности изменений законодательства об уголовной ответственности за профессиональную преступность медицинских работников // Юридическая техника. 2023. № 5. С. 3.

И, думается, что именно через призму способа совершения преступного деяния обнаруживают своё выражение те свойства субъекта, которые дают возможность в дальнейшем персонифицировать его конкретные действия.

В указанном контексте значимо и то, что инструментальный аспект механизма слеодообразования раскрывается преимущественно через исследование процессов сокрытия следов, а равно и самих способов реализации преступного посягательства.

Незаконное увольнение: судебная практика и типичные ошибки работодателей

Кофанова Валерия Сергеевна, студент;

Пашанина Василиса Игоревна, студент

Научный руководитель: Лошкарева Ирина Александровна, преподаватель

Среднерусский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Орел)

В данной статье рассматривается актуальная проблема незаконного увольнения в контексте современного российского трудового законодательства и судебной практики. Авторы раскрывают содержание понятия «незаконное увольнение», проводя грань между нарушениями материального права (отсутствие законного основания) и процедурными ошибками со стороны работодателя. Особое внимание уделено анализу типичных ошибок, совершаемых при расторжении трудового договора по инициативе работодателя, включая несоблюдение гарантий для социально защищенных категорий граждан. На примере конкретных судебных дел демонстрируется правовая позиция судов, согласно которой бремя доказывания правомерности увольнения полностью возлагается на работодателя. Статья содержит практические рекомендации по минимизации юридических рисков и направлена на повышение правовой грамотности участников трудовых отношений.

Ключевые слова: Трудовой кодекс РФ, незаконное увольнение, судебная практика, трудовые споры, работодатель, процедура увольнения, сокращение штата, дисциплинарный проступок, восстановление на работе, бремя доказывания.

Введение

В условиях экономической нестабильности вопросы прекращения трудовых договоров становятся ключевым индикатором социально-экономического благополучия [1]. Трудовые споры об увольнении стабильно лидируют в гражданском судопроизводстве, что обусловлено ростом правовой грамотности населения и усилением контроля со стороны ГИТ и прокуратуры [2, с.6]. Для работодателя незаконное увольнение влечет серьезные финансовые и репутационные риски, а для работника — потерю профессиональной стабильности.

Понятие незаконного увольнения

Незаконное увольнение — это расторжение трудового договора с нарушением норм ТК РФ или иных законов [2, с.268]. Нарушение может касаться как основания, так и процедуры оформления [4].

1. Нарушение основания: например, увольнение из-за отсутствия прибыли компании или вменение работнику проступка, которого он не совершал.

2. Нарушение процедуры: отсутствие письменного уведомления или нарушение его сроков при сокращении
  3. Непредложение вакантных должностей
  4. Отсутствие письменного объяснения работника при дисциплинарном взыскании.
  5. Нарушение оформления (отсутствие приказа, подписи об ознакомлении, задержка расчета или трудовой книжки).
- Согласно ст. 56 ГПК РФ, бремя доказывания законности увольнения полностью лежит на работодателе [3].

Отличие законного увольнения от незаконного

Для наглядности различия представлены в таблице 1.

Таблица 1. Сравнительная характеристика законного и незаконного увольнения

Законное увольнение	Незаконное увольнение
Чётко соответствует закону (например, ст. 77, 81 ТК РФ)	Основание отсутствует или применено неправильно
Процедура полностью соблюдена	Нарушена хотя бы одна стадия процедуры
Наличие своевременного письменного уведомления	Уведомление отсутствует или нарушены сроки
При сокращении штата работнику были предложены доступные вакансии	При сокращении штата работнику не были предложены доступные вакансии
При дисциплинарном увольнении была запрошена объяснительная и соблюдены сроки	При дисциплинарном увольнении отсутствовала объяснительная и (или) были пропущены сроки
Наличие доказательств, на основании которых произошло увольнение — есть документы, подтверждающие нарушение	Доказательства отсутствовали — документы, подтверждающие нарушение, отсутствуют
Правильное оформление — был издан приказ, работник ознакомлен, выдан расчёт	Неправильное оформление — приказ отсутствовал, нет подписи, задержка выплат
Сроки соблюдены	Сроки нарушены
Права работника были соблюдены	Права работника были нарушены

Типичные ошибки работодателей

Ошибки можно разделить на три основные категории:

Процедурные: нарушение сроков и правил документирования.

В основаниях: неправильная квалификация (например, подмена опоздания прогулом), отсутствие доказательств, игнорирование «защищенных» категорий (беременные, лица на больничном).

При увольнении по собственному желанию: психологическое давление на сотрудника или игнорирование его права отозвать заявление.

Судебная практика

Ошибки работодателей можно разделить на 3 категории:

1. Процедурные ошибки — нарушения оформления и сроков (например, несвоевременное уведомление при сокращении, отсутствие подписи или акта об отказе).

2. Ошибки в основаниях увольнения — неправильная квалификация (опоздание vs прогул), отсутствие доказательств, игнорирование гарантий (нельзя увольнять защищённые категории, во время отпуска или больничного).

3. Ошибки при увольнении по собственному желанию — давление на работника и игнорирование права отозвать заявление.

Судебная практика

Анализ судебных дел позволяет выявить наиболее острые моменты правоприменения. Дело № 2–3/2020 (Хабаровский край): Работник был уволен за прогул (отсутствие более 4 часов). Суд установил, что акт об отсутствии был формальным, а фактическое время отсутствия составило ровно 4 часа, что по закону не является прогулом. Работодатель не смог доказать факт нарушения, и сотрудник был восстановлен [5].

Дело № 2–10913/2023 (Нижний Новгород): Сотрудницу уволили по сокращению штата. Однако она являлась одинокой матерью ребенка до 14 лет. Суд указал, что такая категория работников обладает повышенными гарантиями по ч. 4 ст. 261 ТК РФ и не может быть уволена по сокращению. Дополнительно была нарушена процедура предложения вакансий [6]. Итог: восстановление на работе и выплата компенсации.

Заключение

Судебная практика подтверждает: формальный подход к кадровому делопроизводству неизбежно ведет к проигрышу работодателя в суде. Даже при наличии реального повода для расставания с сотрудником, игнорирование процедурных нюансов и специальных гарантий (ст. 261 ТК РФ) делает увольнение незаконным. Только точное соблюдение закона и прозрачность документирования позволяют избежать длительных трудовых споров.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с учётом поправок, внесённых Федеральными конституционными законами от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ, от 04.10.2022 № 5-ФКЗ, от 04.10.2022 № 6-ФКЗ, от 04.10.2022 № 7-ФКЗ, от 04.10.2022 № 8-ФКЗ.) // Печатное издание — г. Москва: Издательство АСТ, 2024. — 64 с.
2. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 24.04.2024) // Собрание законодательства РФ, 07.01.2002, № 1 (ч. 1), ст. 3.
3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 г. N 138-ФЗ (ред. от 15.12.2025, с изм. от 22.12.2025) // СЗ РФ — 2002, № 46, ст. 4532.
4. Федеральный закон «О занятости населения в Российской Федерации» от 12.12.2023 N 565-ФЗ (последняя редакция от 12 декабря 2023 года N 565-ФЗ) // СПС КонсультантПлюс.
5. Решение по делу о восстановлении на работе, взыскании заработной платы за время вынужденного прогула, компенсации морального вреда, № 2–10913/2023 2–1699/2024 2–1699/2024(2–10913/2023;)~М-7852/2023 М-7852/2023 от 5 марта 2024 г. по делу № 2–10913/2023: постановление Нижегородского районного суда г. Нижний Новгород // Интернет-ресурс «Судебные и нормативные акты Российской Федерации»(Sudact.ru).
6. Решение по делу о признании незаконным приказа о прекращении трудового договора, восстановлении на работе № 2–171/2019 2–3/2020 2–3/2020(2–171/2019;)~М-171/2019 М-171/2019 от 9 января 2020 г. по делу № 2–171/2019: постановление суда района имени Полины Осипенко (Хабаровский край) // Интернет-ресурс «Судебные и нормативные акты Российской Федерации»(Sudact.ru).

Взыскание алиментов и задолженности по алиментным обязательствам в рамках исполнительного производства: проблемные аспекты

Кушина Ирина Святославовна, студент
Тюменский государственный университет

Взыскание алиментов и задолженности по алиментным обязательствам является одной из актуальных и острых проблем современности.

Анализ правоприменительной практики по спорам, связанным с исполнением алиментных обязательств, демонстрирует устойчивую тенденцию роста случаев злостного уклонения должников от уплаты алиментов, что свидетельствует о недостаточной эффективности механизмов принуждения [5; 7].

Так, из материалов дела, рассмотренного Нижегородским областным судом, следует, что гражданин С. был привлечен к ответственности по ч. 1 ст. 157 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ за злостное уклонение от уплаты алиментов на протяжении

пяти лет и девяти месяцев. В течение данного периода должнику неоднократно направлялись официальные предупреждения о возможности привлечения к уголовной ответственности, однако он не принял никаких мер по исполнению алиментных обязательств [1; 4].

В другом деле, рассмотренном Челябинским областным судом, гражданин П. на протяжении шести месяцев уклонялся от уплаты алиментов на содержание несовершеннолетнего сына. В качестве оправдания он ссылаясь на невозможность найти работу с устраивающими его условиями оплаты и графиком. Несмотря на предупреждения судебных приставов, должник не встал на учет в службе занятости и продолжал игнорировать многократные предупреждения [3].

Статистические данные, в том числе информация, представленная на официальном сайте Федеральной службы судебных приставов, свидетельствуют о том, что злостные неплательщики алиментов нередко прибегают к переоформлению имущества на аффилированных лиц с целью сокрытия активов, а также искусственному занижению официального дохода.

Безусловно, в связи с участвовавшими фактами ненадлежащего исполнения алиментных обязательств законодатель уделяет пристальное внимание совершенствованию правового механизма, в частности ужесточает ответственность за неуплату алиментов при отсутствии уважительных причин. Изменения в ст. 5.35.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (КоАП РФ) [2] направлены на усиление профилактических мер. Данная норма предусматривает административную ответственность за неуплату алиментов в течение двух и более месяцев со дня вынесения постановления о взыскании. Кроме того, следует отметить внесение в Уголовный кодекс Российской Федерации изменений, предусматривающих расширение оснований для привлечения к уголовной ответственности.

Однако, несмотря на поправки в ст. 5.35.1 КоАП РФ и УК РФ, вступившие в силу 10 января 2022 года, некоторые вопросы остались без внимания. В частности, законодатель в рамках правового поля не привел определение термина «уважительные причины», равно как и критерии для их оценки судами. Между тем в правоприменительной практике сложились определенные подходы к его толкованию.

Так, в постановлении Пленума Верховного суда Российской Федерации от 27.04.2021 № 6 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях, связанных с неуплатой средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей» [6] уважительными причинами неуплаты алиментов признаются обстоятель-

ства, при которых неуплата имела место независимо от воли лица, обязанного уплачивать алименты, например: в связи с его болезнью (нетрудоспособностью); по вине других лиц, в частности в связи с невыплатой заработной платы работодателем, задержкой или неправильным перечислением банком сумм алиментов; вследствие обстоятельств непреодолимой силы; ввиду прохождения лицом военной службы по призыву и прочего.

Однако эти разъяснения носят рекомендательный характер, что создает пространство для произвольного толкования.

Данный пробел в законодательстве затрудняет единообразное применение правовых норм и приводит к неоднозначной интерпретации конкретных обстоятельств дела. В совокупности это снижает эффективность правового регулирования. В частности, из-за отсутствия оценки злостного уклонения от уплаты алиментов суды в одних случаях принимают во внимание сложную жизненную ситуацию должника, в других — при аналогичных обстоятельствах квалифицируют его действия как злостную неуплату алиментов.

Несовершенство законодательства в данном вопросе подрывает доверие как к судебной системе, так и к институту алиментных обязательств. Кроме того, неопределенность в трактовке уважительных причин создает риски злоупотребления со стороны как взыскателей, так и плательщиков. В частности, должники по алиментным обязательствам используют пробел в законодательстве Российской Федерации как повод для бездействия.

В связи с этим автор исследования считает целесообразным внести в законодательство Российской Федерации соответствующие изменения в виде определения термина «уважительные причины» и закрепления критериев оценки злостного уклонения от уплаты алиментов (продолжительность периода неуплаты, размер задолженности, наличие предупреждений судебных приставов, факты сокрытия доходов или имущества).

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2002. — № 1. — Ст. 1.
3. Зоткина Е. Б. Прокурор разъясняет. Злостное уклонение от уплаты средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей / Е. Б. Зоткина // Прокуратура Челябинской области. — URL: https://epp.genproc.gov.ru/ruproc_74/activity/legal-education/explain/e1937496/ (дата обращения: 05.05.2026).
4. Обзор судебной практики Нижегородского областного суда по применению положений ст. 157 УК РФ о злостном уклонении от уплаты по решению суда средств на содержание несовершеннолетних, нетрудоспособных детей // Информационно-правовой портал «Гарант.ру». — URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/36437932/> (дата обращения: 05.05.2026).
5. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 24.01.2023 по делу № А40–147127/2020 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. — URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/J9v2l6BcswWj/> (дата обращения: 18.05.2026).
6. Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 27.04.2021 № 6 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях, связанных с неуплатой средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей» // Российская газета. — 2021. — № 96.

7. Решение Шебекинского районного суда Белгородской области от 29.09.2020 по делу № 2–934/2020 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. — URL: <https://sudact.ru/regular/doc/5sGmc21F09bX/> (дата обращения: 18.05.2026).

К вопросу о материальной ответственности работодателя перед работником: проблемы правового регулирования и правоприменения

Лебедева Марина Владимировна, студент магистратуры
Пермский государственный национальный исследовательский университет

В статье рассматривается материальная ответственность работодателя перед работником как самостоятельный институт трудового права. Анализируются основные случаи наступления такой ответственности: незаконное лишение работника возможности трудиться, причинение ущерба имуществу работника, задержка выплаты заработной платы и иных причитающихся работнику сумм, а также причинение морального вреда. Особое внимание уделяется проблемам применения статей 234–237 Трудового кодекса Российской Федерации, соотношению трудово-правовой и гражданско-правовой ответственности, вопросам доказывания, а также современным тенденциям судебной практики. Обосновывается необходимость уточнения отдельных положений трудового законодательства в целях повышения эффективности защиты прав работника.

Ключевые слова: трудовой договор, работник, заработная плата, материальная ответственность работодателя, трудовые права, ущерб имуществу работника, моральный вред, незаконное лишение возможности трудиться.

Материальная ответственность работодателя перед работником представляет собой один из наиболее значимых механизмов защиты трудовых прав. Ее значение обусловлено тем, что работник в трудовом правоотношении находится в организационной и экономической зависимости от работодателя. Работодатель организует трудовой процесс, определяет условия выполнения трудовой функции, обеспечивает безопасность труда, производит выплату заработной платы, оформляет кадровые документы и принимает решения, способные непосредственно повлиять на возможность работника реализовать право на труд.

Конституционную основу рассматриваемого института составляет статья 37 Конституции Российской Федерации, закрепляющая свободу труда и право каждого на вознаграждение за труд без какой бы то ни было дискриминации [1]. В трудовом законодательстве данные гарантии конкретизируются через обязанности работодателя предоставлять работнику работу, обусловленную трудовым договором, своевременно и в полном размере выплачивать заработную плату, соблюдать требования охраны труда и обеспечивать реализацию трудовых прав работника [2]. Отсюда следует, что материальная ответственность работодателя выполняет не только компенсационную функцию, но и выступает гарантией защиты прав работника.

В Трудовом кодексе Российской Федерации отсутствует законодательно закреплённое определение материальной ответственности работодателя. Вместе с тем статья 232 ТК РФ устанавливает общее правило, согласно которому сторона трудового договора, причинившая

ущерб другой стороне, возмещает этот ущерб в соответствии с ТК РФ и иными федеральными законами. Статья 233 ТК РФ закрепляет общие условия наступления материальной ответственности: наличие ущерба, противоправность поведения, причинную связь и вину, если иное не предусмотрено законом [2].

С учётом изложенного, материальную ответственность работодателя перед работником можно определить как установленную трудовым законодательством обязанность работодателя возместить работнику имущественный ущерб, неполученный заработок, а в предусмотренных законом случаях — компенсировать моральный вред, причиненные неправомерными действиями или бездействием работодателя при наличии условий, установленных законом. Такое определение позволяет отразить специфику ответственности работодателя, поскольку она охватывает не только прямой ущерб, но и утраченный заработок, а также физические и нравственные страдания работника.

В юридической литературе отмечается, что материальная ответственность работодателя имеет самостоятельную трудовую природу, хотя отдельные ее элементы сближаются с гражданско-правовыми конструкциями возмещения вреда [10, с. 146–151]. Однако полностью отождествлять ее с гражданско-правовой ответственностью нельзя, поскольку она возникает в рамках трудового правоотношения, имеет специальный субъектный состав и направлена на защиту работника как более слабой стороны трудового договора.

Одним из центральных оснований материальной ответственности работодателя является незаконное лишение

работника возможности трудиться. В статье 234 ТК РФ закреплено, что работодатель обязан возместить работнику не полученный им заработок во всех случаях незаконного лишения его возможности трудиться. К таким случаям относятся незаконное отстранение от работы, незаконное увольнение или перевод, отказ от исполнения либо несвоевременное исполнение решения о восстановлении на прежней работе, задержка выдачи трудовой книжки или предоставления сведений о трудовой деятельности, а также внесение неправильной или не соответствующей законодательству формулировки причины увольнения [2].

Особенность статьи 234 ТК РФ состоит в том, что работодатель использует формулу «во всех случаях», одновременно перечисляя наиболее типичные формы нарушения. Поэтому указанную норму следует толковать с учетом фактического содержания поведения работодателя. Если работодатель препятствует работнику выполнять обусловленную трудовым договором трудовую функцию и получать заработок, такие действия должны оцениваться как незаконное лишение возможности трудиться.

Такой подход подтверждается судебной практикой. В Определении Верховного Суда Российской Федерации от 28 августа 2023 г. № 18-КГ23-90-К4 рассматривалась ситуация, при которой работодатель оформил простой, однако фактически лишил работника возможности выполнять трудовую функцию без достаточных оснований. Верховный Суд указал на необходимость оценки реального содержания действий работодателя, а не только их формального обозначения [14]. Данная позиция имеет важное значение, поскольку препятствует использованию работодателем смежных правовых конструкций для обхода гарантий, установленных трудовым законодательством.

Незаконное увольнение и незаконный перевод являются наиболее существенными формами незаконного лишения возможности трудиться. При незаконном увольнении работник полностью выводится из трудового правоотношения, а при незаконном переводе лишается возможности выполнять прежнюю трудовую функцию. В обоих случаях работодатель обязан восстановить нарушенное положение работника и возместить утраченный заработок либо разницу в заработке. Вопрос о законности увольнения или перевода должен решаться не только исходя из формального наличия приказа, но и с учетом действительного волеизъявления работника, соблюдения процедуры, гарантий и запрета злоупотребления правом.

Самостоятельное значение имеет ответственность работодателя за отказ от исполнения или несвоевременное исполнение решения о восстановлении работника на прежней работе. В силу статьи 396 ТК РФ такое решение подлежит немедленному исполнению [2]. При этом фактическое восстановление предполагает не только отмену приказа об увольнении или переводе, но и реальный допуск работника к прежним трудовым обязанностям. Следовательно, формальное оформление восстановления без фактического допуска работника к работе не может считаться надлежащим исполнением решения.

Другим важным случаем материальной ответственности является возмещение ущерба, причиненного имуществу работника. Согласно статье 235 ТК РФ работодатель, причинивший ущерб имуществу работника, обязан возместить его в полном объеме. Размер ущерба исчисляется по рыночным ценам, действующим в данной местности на день возмещения, а при согласии работника ущерб может быть возмещен в натуре [2].

Проблема применения данной нормы состоит в том, что ТК РФ не раскрывает, за какое именно имущество работника отвечает работодатель. Представляется, что работодатель не должен автоматически отвечать за любое имущество, оказавшееся на территории организации. Вместе с тем чрезмерно узкий подход также не обеспечивает должной защиты работника. Более обоснованной является позиция, согласно которой работодатель несет ответственность за имущество, которое правомерно находилось в сфере его организационного контроля, использовалось работником в связи с исполнением трудовой функции либо было оставлено в специально предназначенном работодателем месте хранения.

В научной литературе данная проблема рассматривается как одна из ключевых при применении статьи 235 ТК РФ. В. Т. Савин обращает внимание на необходимость разграничения компенсации за использование личного имущества работника и возмещения ущерба, причиненного такому имуществу [10, с. 146–151]. Д. А. Тоточенко указывает на сложности, возникающие при решении вопроса о сохранности личных вещей и денежных средств работника на рабочем месте [12, с. 19–22]. Особенно спорными являются случаи утраты денежных средств, поскольку они не всегда связаны с исполнением трудовой функции и не всегда находятся в сфере контроля работодателя.

Судебная практика подтверждает необходимость индивидуальной оценки обстоятельств. Так, по делу о взыскании стоимости норковой шапки, похищенной из шкафа работника, суд исходил из того, что вещь находилась в месте, связанном с исполнением трудовой функции, а работодатель не обеспечил ее сохранность [15]. Следовательно, ответственность работодателя может наступать не только при прямом принятии вещи на хранение, но и в случаях, когда работодатель создал условия для хранения личных вещей работников и должен был обеспечить разумные меры их сохранности.

Особое социальное значение имеет ответственность работодателя за задержку выплаты заработной платы и иных причитающихся работнику сумм. В соответствии со статьей 136 ТК РФ заработная плата должна выплачиваться не реже чем каждые полмесяца, а конкретная дата выплаты устанавливается правилами внутреннего трудового распорядка, коллективным договором или трудовым договором [2]. Нарушение установленного срока влечет применение статьи 236 ТК РФ.

В действующей редакции статья 236 ТК РФ предусматривает обязанность работодателя выплатить работнику денежную компенсацию в размере не ниже одной сто пя-

тидесатой действующей в соответствующее время ключевой ставки Центрального банка Российской Федерации от начисленных, но не выплаченных в срок сумм, а также от не начисленных своевременно сумм, если право работника на их получение признано вступившим в законную силу решением суда [2]. Обязанность выплатить такую компенсацию возникает независимо от наличия вины работодателя, что подчеркивает повышенный гарантийный характер указанной нормы.

Существенное значение для развития данного механизма имело Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 11 апреля 2023 г. № 16-П. Конституционный Суд указал, что работник не должен лишаться компенсации только потому, что работодатель своевременно не начислил причитающиеся суммы, а право на них было подтверждено судом позднее [5]. Во исполнение данной позиции был принят Федеральный закон от 30 января 2024 г. № 3-ФЗ, изменивший статью 236 ТК РФ [6]. Это усилило защиту работника и устранило ситуацию, при которой работодатель мог избегать ответственности путем неначисления спорных выплат.

Компенсация по статье 236 ТК РФ является специальной трудово-правовой гарантией. Ее не следует смешивать с гражданско-правовой неустойкой или процентами за пользование чужими денежными средствами. В этой связи она не должна снижаться по правилам статьи 333 ГК РФ. Ее назначение состоит в обеспечении минимального уровня защиты работника при нарушении сроков оплаты труда.

Наконец, самостоятельным элементом материальной ответственности работодателя является компенсация морального вреда. В силу статьи 237 ТК РФ моральный вред, причиненный работнику неправомерными действиями или бездействием работодателя, возмещается в денежной форме. При возникновении спора факт причинения морального вреда и размер его компенсации определяются судом независимо от подлежащего возмещению имущественного ущерба [2].

Ключевое значение для применения данной нормы имеет Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2022 г. № 33. Верховный Суд разъяснил, что компенсация морального вреда возможна при нарушении трудовых прав работника любыми неправомерными действиями или бездействием работодателя, включая незаконное увольнение, незаконный перевод, задержку заработной платы, незаконное дисциплинарное взыскание, неоформление трудового договора, задержку выдачи трудовой книжки или сведений о трудовой деятельности [7].

Компенсация морального вреда в трудовых отношениях имеет межотраслевой характер. С одной стороны, ее

основанием выступает нарушение трудовых прав, а специальная норма содержится в ТК РФ. С другой стороны, само понятие морального вреда и критерии определения размера компенсации традиционно разработаны в гражданском праве. В научной литературе справедливо отмечается, что при применении статьи 237 ТК РФ необходимо учитывать как общие подходы к компенсации морального вреда, так и специфику трудовых отношений [13, с. 46–49].

Проблемой правоприменения остается сравнительно низкий размер компенсации морального вреда по трудовым спорам. Нередко присуждаемые суммы носят символический характер и не выполняют в полной мере восстановительную и превентивную функции. В связи с этим представляется целесообразным выработать более четкие ориентиры определения размера компенсации морального вреда по трудовым делам. К таким критериям могут быть отнесены характер нарушения, длительность противоправного поведения работодателя, последствия для работника, степень влияния нарушения на профессиональную репутацию и личную сферу, а также необходимость обращения за защитой в государственные органы и суд.

Таким образом, материальная ответственность работодателя перед работником представляет собой самостоятельный и комплексный институт трудового права. Она направлена на восстановление имущественной сферы работника, компенсацию неполученного заработка, защиту личных неимущественных благ и предупреждение дальнейших нарушений трудовых прав. Особенность данного института состоит в его гарантийной направленности: работодатель отвечает не только за прямое повреждение имущества, но и за незаконное лишение возможности трудиться, задержку выплат, неправильное оформление прекращения трудового договора и причинение морального вреда.

Вместе с тем действующее регулирование нуждается в дальнейшем совершенствовании. Статья 234 ТК РФ должна применяться с учетом фактического ограничения права работника на труд, а не только формального оформления действий работодателя. Статья 235 ТК РФ требует конкретизации в части определения имущества работника и пределов обязанности работодателя по обеспечению его сохранности. В рамках статьи 236 ТК РФ необходимо обеспечить реальное автоматическое начисление компенсации за задержку выплат. Применительно к статье 237 ТК РФ требуется формирование более единых критериев определения размера компенсации морального вреда. Решение указанных вопросов позволит повысить эффективность защиты трудовых прав работников и обеспечить более устойчивое единство судебной практики.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020.

2. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1. Ст. 3.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации, часть первая, от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
4. Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» // Собрание законодательства РФ. 2007. № 41. Ст. 4849.
5. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 11.04.2023 № 16-П «По делу о проверке конституционности статьи 236 Трудового кодекса Российской Федерации и абзаца второй части первой статьи 327.1 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И. Б. Сергеева».
6. Федеральный закон от 30.01.2024 № 3-ФЗ «О внесении изменения в статью 236 Трудового кодекса Российской Федерации».
7. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15.11.2022 № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда».
8. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17.03.2004 № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации».
9. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 15.11.2007 № 795-О-О.
10. Савин В. Т. Материальная ответственность работодателя за причинение ущерба имуществу работника, используемому в интересах организации // Пробелы в российском законодательстве. 2018. № 1. С. 146–151.
11. Савин В. Т. Понятие «незаконный перевод на другую работу» как основание наступления материальной ответственности работодателя // Актуальные проблемы российского права. — 2016. — № 12. — С. 108–117.
12. Тоточенко Д. А. Материальная ответственность работодателя за ущерб, причиненный имуществу работника // Российская юстиция. — 2015. — № 7. — С. 19–22.
13. Новрадова-Василиади С. М. К вопросу о компенсации морального вреда, причиненного работнику нарушением его трудовых прав // Трудовое право в России и за рубежом. — 2021. — № 2. — С. 46–49.
14. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 28.08.2023 № 18-КГ23–90-К4.
15. Определение судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Республики Коми от 02.11.2016 по делу о взыскании стоимости имущества работника, похищенного из шкафа работодателя.

Цифровизация арбитражного процесса

Лисов Николай Васильевич, студент магистратуры
Ульяновский государственный университет

В статье автор исследует применение цифровых технологий в арбитражном процессе.

Ключевые слова: *арбитражный процесс, цифровизация, электронное правосудие, онлайн-заседания.*

Флагманом применения современных цифровых технологий среди систем судопроизводства является арбитражный процесс. Арбитражные суды успешно адаптируют цифровые технологии к процессуальным правилам. Способствуют этому особенности споров, подсудных арбитражным судам (экономические, корпоративные), и возможности их участников (субъектов предпринимательской деятельности).

Внедрение удаленного доступа во взаимоотношения бизнеса и государства в рамках реализации федеральной целевой программы «Электронная Россия», а также наличие отлаженных цифровых связей внутри бизнес-сообщества, позволило арбитражному процессу использовать навыки и привычки бизнеса к цифровому взаимодействию и в сфере судопроизводства.

Указом Президента Российской Федерации от 21.07.2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» была поставлена цель цифровой трансформации общественных отношений. Под цифровой трансформацией понимается не просто внедрение цифровых технологий и их оптимизацию, но и достижение цифровой зрелости (высокого показателя цифрового развития) в ключевых отраслях экономики и государственного управления [2].

Современный арбитражный процесс оперативно и эффективно реагирует на повышенные требования субъектов экономических споров: и к скорости и удобству обмена документами между всеми участниками процесса, и максимальной прозрачности судебного разбирательства, и автоматизации процесса получения информации

о ходе процесса и вынесенных по делу процессуальных документах и др.

Современная форма процесса арбитражного благодаря активной цифровизации имеет множество преимуществ перед его гражданской и уголовной формами, таких как: онлайн-заседания, возможность удаленного ознакомления с материалами дела по коду доступа на сутки, неограниченный по времени удаленный доступ к делу в порядке упрощенного судопроизводства, размещение информации о движении дела в режиме реального времени и др.

Цифровизация механизмов судопроизводства позволяет говорить о формировании в России системы **электронного правосудия**, под которым согласно Концепции Федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России на 2013–2020 годы», утвержденной Распоряжением Правительства РФ от 20.09.2012 N 1735-р, понимается способ и форма осуществления предусмотренных законом процессуальных действий, основанных на использовании информационных технологий в деятельности судов, включая взаимодействие судов, физических и юридических лиц в электронном (цифровом) виде.

Цель данной статьи — рассмотреть особенности электронного правосудия в арбитражном процессе, выявить основные проблемы его реализации и предложить пути их преодоления.

1. Понятие электронного правосудия как формы осуществления арбитражного судопроизводства.

Результатом активной информатизации судебной системы стало появление нового термина «электронное правосудие», явления на стыке технологических границ и информационного и процессуального права.

Электронное правосудие — это совокупность процессуальных действий, совершаемых с помощью информационных технологий: подача документов через интернет, дистанционное участие в заседаниях, получение судебных актов в электронном виде.

Понятие «электронное правосудие» было впервые закреплено в Концепции развития информатизации судов до 2020 года (постановление Президиума Совета судей РФ от 19.02.2015 № 439).

Однако, термин «электронное правосудие» в процессуальном законодательстве отсутствует. В научной литературе отмечается о необходимости разграничении понятий «электронное правосудие» и «информатизация судов», а также о возможности рассмотрения понятия «электронное правосудие» в узком и широком смысле [7].

Сторонники узкого подхода под «электронным правосудием» понимают форму разрешения споров с помощью искусственного интеллекта, который анализирует представленные доказательства и разрешает требования по существу без участия человека. Но пока такое правосудие является фантастикой, узкий подход представляется не верным.

Сторонники расширительного толкования термина «электронный» применительно к правосудию указывают,

что технологии внедряются в арбитражный процесс как инструменты, заменяющие, дублирующие или выступающие альтернативой традиционным средствам. В данном ключе одними авторами содержание электронного правосудия ограничивается до электронного документооборота, другими указывается в целом на все применяемые информационно-коммуникационные технологии в судопроизводстве, в том числе комплексы аудио- и видеосвязи [3].

Электронное правосудие не является новым видом юрисдикционной деятельности, это обычное правосудие, осуществляемое с использованием технологических инструментов [6].

2. Особенности электронного правосудия в арбитражном процессе

С 1 января 2017 года вступил в действие федеральный закон, которым был расширен перечень действий арбитражных судов, которые могут быть совершены в электронном виде. Арбитражный процесс стал площадкой для испытания инновационных технологий. Сначала цифровые технологии стали применяться для обращения граждан и юридических лиц в суд и для извещения участников судопроизводства.

Импульсом развитию всех форм электронного правосудия в арбитражном процессе стали ограничения на очные контакты, вызванный пандемией. Участники процессов вынужденно стали пользоваться удаленными электронными способами взаимодействия с судами: подачи процессуальных документов, ознакомлением с материалами дела, участием в онлайн-заседаниях и заседаниях и др.

Рост количества судебных заседаний, проводимых посредством видеоконференцсвязи (ВКС), особенно в судах апелляционных и кассационных инстанций, свидетельствует о том, что сами суды способствуют распространению электронной формы правосудия и в части судебных заседаний.

Возможность проведения онлайн-заседаний является эксклюзивной формой электронного арбитражного правосудия. Подобная форма не реализована в электронной площадке судов общей юрисдикции ГАС «Правосудие».

Согласно ч. 1 ст. 153.1 АПК РФ: «Лица, участвующие в деле, и иные участники арбитражного процесса могут участвовать в судебном заседании путем использования систем видеоконференцсвязи при условии заявления ими ходатайства об этом и при наличии в арбитражных судах или судах общей юрисдикции технической возможности осуществления видеоконференцсвязи».

Согласно п. 5 Постановления Президиума Верховного Суда РФ, Президиума Совета судей РФ от 08.04.2020 № 821 (ред. от 29.04.2020) «О приостановлении личного приема граждан в судах»: «Рекомендовать судам при наличии технической возможности с учетом мнений участников судопроизводства проводить судебные заседания по делам (материалам), указанным в пунктах 3 и 4 настоящего постановления, с использованием системы ви-

деоконференцсвязи и (или) системы веб-конференции с учетом опыта Верховного Суда Российской Федерации. Для участия в судебном заседании посредством веб-конференции участники судопроизводства подают в суд заявление в электронном виде с приложением электронных образов документов, удостоверяющих личность и подтверждающих полномочия).

К участию в судебном онлайн-заседании допускаются пользователи с учетными записями, подтвержденными в единой системе идентификации и аутентификации. Получение соответствующих учетных записей осуществляется в порядке, предусмотренном Правилами использования федеральной государственной информационной системы «Единая система идентификации и аутентификации в инфраструктуре, обеспечивающей информационно-технологическое взаимодействие информационных систем, используемых для предоставления государственных и муниципальных услуг в электронной форме», утвержденными постановлением Правительства Российской Федерации от 10.07.2013 № 584 «Об использовании федеральной государственной информационной системы «Единая система идентификации и аутентификации в инфраструктуре, обеспечивающей информационно-технологическое взаимодействие информационных систем, используемых для предоставления государственных и муниципальных услуг в электронной форме».

Арбитражные суды внедрили в ресурс «Картотека арбитражных дел» сервис онлайн-заседаний, предполагающий возможность организации видеоконференции непосредственно между судом, рассматривающим дело, и участниками процесса из любого места его нахождения (офис, дом, отель и др.).

Участнику процесса необходимо подать ходатайство об участии в онлайн-заседании через портал «Мой арбитр» с просьбой предоставить возможность участия в судебном онлайн-заседании с использованием информационной системы «Картотека арбитражных дел».

К ходатайству прикладываются копия паспорта, диплом о высшем юридическом образовании и документ о полномочиях для представителя.

После одобрения (удовлетворения ходатайства) в назначенное время в системе «Мой арбитр» появится запись «Заседание назначено». В назначенное время и дату указанная запись сменится на «Заседание идет», что предоставит возможность подключения к видеоконференции с личного гаджета (компьютера, ноутбука и даже смартфона).

Онлайн-заседания активно используются и государственными органами при участии их представителей в арбитражных процессах в иных регионах, что позволяет существенно экономить на командировочных расходах.

3. Проблемы реализации электронного правосудия в арбитражном процессе и предложения по их решению

В какой бы форме не осуществлялось арбитражное производство, оно должно соответствовать конституци-

онным требованиям и общим принципам процессуального законодательства.

По смыслу статьи 46 Конституции РФ применение информационных технологий не должно лишать человека гарантий на судебную защиту его прав и свобод. Это достигается тем, что помимо цифрового правосудия остается применимым и обычное правосудие с бумажным документооборотом в случаях, когда человек не владеет информационными технологиями.

Не должно нарушаться и правило, закрепленное в части 1 статьи 118 Конституции РФ, в соответствии с которым правосудие (с цифровым или бумажным документооборотом) осуществляется только судом.

Внедрение цифровых технологий требует от законодателя соответствующего подхода при выработке правовых норм, регулирующих применение данных технологий на практике.

Например, онлайн-заседания как эксклюзивная форма арбитражного судопроизводства имеет свои рисковые аспекты: такие как риск разглашения конфиденциальной информации, затруднения при проверке свободы волеизъявления участника, а также ограничение права представления доказательств, технические проблемы подключения к заседанию.

Несмотря на это, такой формат предлагает максимальную доступность правосудия, позволяет экономить время и материальные ресурсы участников, не обременяет иные суды, выполняющие повинность при организации традиционной ВКС. Поэтому данные аспекты требуют дополнительного нормативного урегулирования.

Отмечаемые исследователями проблемы цифрового правосудия в арбитражном процессе можно объединить в следующие группы.

Проблемы с технологической инфраструктурой. Различия в возможностях участников к доступу к интернету и необходимым техническим средствам может привести к неравенству сторон.

Проблемы с безопасностью данных. Использование электронных систем требует высоких стандартов безопасности для защиты конфиденциальной информации, персональных данных. Риски утечек данных и кибератак остаются актуальными.

Правовые и организационные барьеры. Внедрение электронного правосудия требует изменения действующих норм законодательства, что вызывает затруднения в быстром и эффективном переходе на электронные платформы. Недостаточное техническое оснащение и организационные возможности некоторых арбитражных судов также препятствуют реализации цифрового правосудия.

Психологическое восприятие участниками процесса. Не все стороны готовы воспринимать электронное правосудие как полноценную альтернативу традиционному процессу, особенно участники и судьи, имеющие значительный стаж работы в классическом «ритуальном» судопроизводстве, что часто вызывает сопротивление и недоверие.

Вместе с тем даже определенные трудности с освоением информационных технологий, экономическая дороговизна повсеместного их введения не умаляют того преимущества, которое получают все участники арбитражного процесса: сам суд, а также стороны по делу.

Несмотря на указанные проблемы, в целом можно констатировать положительную и эффективную динамику развития электронной формы «арбитражного правосудия» в Российской Федерации во всех его проявлениях.

На данном этапе цифровизации арбитражного процесса судебная система совершенствуется благодаря стремительному развитию современных технологий. Цифровые инструменты позволили обеспечить прозрачность, доступность и максимально возможную отчетность арбитражного процесса. Остаются актуальными вопросы информационной безопасности, защищенности информационных ресурсов от хакерских атак, вирусов и технических сбоев.

Литература:

1. Распоряжение Правительства РФ от 20 сентября 2012 г. № 1735-р «Об утверждении Концепции федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России на 2013–2020 годы» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 12.05.2026 г.
2. Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 года и на плановый период до 2030 года (утв. распоряжением Правительства РФ от 01.10.2021 № 2765-р) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс», 12.05.2026 г.
3. Белякова А. В. Развитие цифровых технологий в системе правосудия как один из способов ускорения судопроизводства в Российской Федерации // Арбитражный и гражданский процесс. 2019. № 12. С. 54.
4. Лаптев В. А. Пути развития цифрового правосудия в России в сфере арбитражного судопроизводства // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2023. № 5. С. 20–25.
5. Лаптев В. А., Соловяненко Н. И. Цифровое правосудие. Цифровой документ: монография. М., 2022
6. Терехова Л. А. Информационные технологии в практике арбитражных судов // Вестник гражданского процесса. 2017. № 6. С. 36.
7. Федосеева Н. Н. Электронное правосудие в России: сущность, проблемы, перспективы // Администратор суда. 2008. № 3. С. 129.
8. Штабский А. Д. Цифровизация арбитражной судебной системы и бизнес-процессов в Российской Федерации // Теория и практика общественного развития. 2024. № 8. С. 179–185. <https://doi.org/10.24158/tipor.2024.8.24>.

Перспективы электронного правосудия в арбитражном процессе

Лисов Николай Васильевич, студент магистратуры
Ульяновский государственный университет

В статье автор исследует применение цифровых технологий в арбитражном процессе.

Ключевые слова: арбитражный процесс, цифровизация, электронное правосудие, онлайн-заседания.

Цифровизация судопроизводства реализуется через технико-правовой институт электронного правосудия. Наиболее активно данный институт развивается в арбитражном процессе. Реализуется он во множестве уже привычных и новых процессуальных форм.

Все формы электронного правосудия в арбитражном судопроизводстве можно разделить на несколько групп.

К первой группе относятся формы, обеспечивающие удаленный электронный обмен документами между участниками процесса и судом. Любое процессуальное обращение к суду может быть подано в электронном виде: от иска до ходатайств о приобщении доказательств или утверждении мирового соглашения.

Порядок подачи в Верховный Суд Российской Федерации документов в электронном виде, в том числе

в форме электронного документа (далее — Порядок подачи документов) разработан в соответствии с положениями Федерального конституционного закона от 05.02.2014 № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации», Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее — АПК РФ), Федерального закона от 24.07.2002 № 96-ФЗ «О введении в действие Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации», Федерального закона от 23.06.2016 № 220-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти», предусматривающими возможность подачи документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа, подписанного электронной подписью, посредством заполнения

формы, размещенной на официальном сайте суда в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».

В рамках судопроизводства в арбитражных судах в соответствии с Арбитражным процессуальным кодексом Российской Федерации документы подаются через личный кабинет, созданный в информационной системе «Мой арбитр».

Личный кабинет создается на физическое лицо, которым подаются документы в электронном виде в суд; при подаче документов представителем, личный кабинет создается на имя представителя (далее — пользователь, пользователь личного кабинета). Через личный кабинет представителя могут быть поданы документы в отношении одного и более представляемых им физических и (или) юридических лиц.

Личный кабинет создается в автоматическом режиме путем подтверждения личных данных физического лица, в том числе его фамилии, имени и отчества (при наличии).

Доступ к личному кабинету осуществляется посредством идентификации и аутентификации с использованием учетной записи физического лица ЕСИА (упрощенной, стандартной или подтвержденной).

При идентификации и аутентификации пользователя посредством упрощенной, стандартной или подтвержденной учетной записи физического лица ЕСИА возможна подача в суд электронных образов документов.

При идентификации и аутентификации пользователя посредством подтвержденной учетной записи физического лица ЕСИА возможна подача электронных документов, подписанных электронной подписью в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Электронный образ документа заверяется в соответствии с Порядком подачи документов простой электронной подписью или усиленной квалифицированной электронной подписью (УКЭП).

Большинство документов можно подать с простой электронной подписью — достаточно авторизации через «Госуслуги» с подтвержденной учетной записью. Однако для ряда документов закон требует УКЭП:

- Заявление об обеспечении доказательств (ч. 3 ст. 72 АПК РФ),
- Заявление об обеспечении иска (ст. 92 АПК РФ),
- Заявление об обеспечении имущественных интересов (ст. 99 АПК РФ),
- Заявление об обеспечении исполнения судебного акта (ст. 100 АПК РФ),
- Ходатайство о приостановлении исполнения решения (ч. 3 ст. 199, ч. 1 ст. 265.1, ст. 283 АПК РФ),
- Исковое заявление, содержащее ходатайство об обеспечении иска (ст. 92 АПК РФ).

Ко второй группе относятся формы, обеспечивающие прозрачность арбитражного процесса. Все процессуальные акты суда от определения о принятии искового заявления к производству или отложении судебного разбирательства до судебных решений оперативно размещаются на портале «Мой арбитр».

Арбитражный суд извещает лиц, участвующих в деле, что его определение выполнено в форме электронного документа, подписанного усиленной квалифицированной электронной подписью судьи, и для лиц, получивших его на бумажном носителе, является первым судебным актом.

Согласно ч. 1 ст. 122, ч. 1 ст. 177, ч. 1 ст. 186 АПК РФ, если арбитражный суд располагает доказательствами получения лицами, участвующими в деле, первого судебного акта, все последующие судебные акты (определения, решение) направляются лицам, участвующим в деле, и иным участникам арбитражного процесса посредством их размещения на официальном сайте арбитражного суда в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» в разделе, доступ к которому предоставляется лицам, участвующим в деле, и иным участникам арбитражного процесса, без направления по почте.

Суд разъясняет участникам, что в соответствии с ч. 6 ст. 121 АПК РФ лица, участвующие в деле, и иные участники арбитражного процесса после получения первого судебного акта по рассматриваемому делу самостоятельно предпринимают меры по получению информации о движении дела с использованием любых источников такой информации и любых средств связи. Лица, участвующие в деле, несут риск наступления неблагоприятных последствий в результате непринятия мер по получению информации о движении дела.

Третью группу составляют формы, обеспечивающие возможности ведения самого процесса.

К данной группе относятся онлайн-заседания и заседания по видеоконференцсвязи, организованной между судами разных регионов.

Перечисленные выше формы электронного правосудия в арбитражном процессе уже имеют статус традиционных.

В настоящий момент появляются новые перспективные формы и направления электронного правосудия.

Например, электронный иск с обязательным заполнением анкеты.

Ст. 125 АПК РФ предоставляет право на обращение в суд как с бумажным исковым заявлением, так и с электронным. Заявитель сам выбирает форму обращения.

По мнению судьи Арбитражного суда города Москвы В. Лаптева, участники арбитражного процесса, как правило, представлены квалифицированными юристами с высоким уровнем цифровой грамотности. «В связи с этим отсутствуют объективные барьеры для установления законодательного требования об электронном направлении исковых заявлений в арбитражный суд по отдельным категориям дел» [4].

По некоторым категориям спора предлагается оставить только электронные иски с анкетной формой их подачи, по таким как корпоративные споры, споры о взыскании денежных средств между юридическими лицами, требования из судебных приказов.

По нашему мнению, к данной категории следует отнести и споры об оспаривании решений налоговых органов, а также дела о банкротстве юридических лиц.

При подаче исков данных категорий заявитель должен будет заполнить дополнительные к уже имеющимся на портале данные по существу иска, например, о дате направления досудебной претензии ответчику, о расчете цены иска и неустойки и иные обязательные сведения.

В данный момент сервис «Мой арбитр» сам заполняет некоторые графы по ИНН участника, автоматически прикрепляет выписки из ЕГРЮЛ.

С помощью электронной анкеты дела также можно в алгоритмическом режиме сопоставлять сведения об оплате госпошлины и делать отметку о надлежащем расчете и фактической уплате госпошлины, считает В. Лаптев. При этом такая информация должна быть доступна не только суду, но и участникам спора. Для корректной работы такой технологии потребуются интеграция с базой Федерального казначейства для сверки факта уплаты госпошлины с данными электронного дела, отмечает судья.

Кроме того, можно упростить внесение денежных средств на депозит суда для оплаты судебной экспертизы или работы арбитражного управляющего. «Интерфейс электронного дела позволит участникам процесса вносить денежные средства в электронном виде (например, посредством модификации QR-кода) с учетом актуальных реквизитов депозитного счета, включающего в себя соответствующие коды» [4].

В качестве важнейшей формы реализации электронного правосудия является удаленный доступ к материалам дела.

В настоящее время доступ к делу участники процесса получают по ходатайству на сутки. Исключение составляют дела, рассматриваемые в упрощенном порядке, доступ к которым участникам, имеющим код-доступа, открыт постоянно.

Аналогичный неограниченный доступ имеют и пользователи, имеющие платную лицензию от компании «ПравоТех», осуществляющую техническую поддержку информационно-системы «Мой Арбитр».

Представляется такое положение не отвечающим принципам равного доступа к правосудию, поэтому полагаю,

что следует предоставлять удаленный доступ к делу по коду на неограниченный срок всем участникам, независимо от вида производства и наличия платной лицензии.

Активное внедрение во все сферы жизни общества искусственного интеллекта предполагает и возможность внедрения «смарт-решений» в судопроизводство.

Основу будущего онлайн-правосудия может составлять цифровая технология подготовки проектов судебных актов на базе материалов судебного дела.

Предлагается уже сейчас на законодательном уровне разрешить использование технологий смарт-решений в части судебных приказов. То есть отдать подготовку проектов решений слабому искусственному интеллекту, которые затем сможет проверять судья.

Пример использования подобного ИИ-технологий уже реализуется в Китае, где рабочий стол судьи интегрирован с системой «Умный суд», которая, как ассистент судьи-человека, позволяет выверить принимаемые решения на предмет их соответствия нормам закона и сгенерировать проект судебного акта. При этом окончательное решение принимает сам судья.

Говорить о перспективе перехода на полностью автоматизированный процесс судопроизводства, при котором рассмотрение дела по существу осуществляется искусственным интеллектом без вмешательства судьи, преждевременно. Но предложения об использовании искусственного интеллекта в упрощенном судопроизводстве и делах о выдаче судебных приказов обоснованы.

Таким образом, современные цифровые технологии занимают все более значительное место в системе экономического правосудия. С одной стороны, данный процесс представляется неизбежным, поскольку цифровизация охватила практически все сферы жизни общества, с другой стороны, необходимым, как условие качественного развития арбитражного правосудия. На сегодняшнем этапе цифровые технологии способны на новом уровне обеспечить принцип публичности судебного разбирательства посредством повышения степени доступности и открытости правосудия, повышения доверия к нему со стороны предпринимательского сообщества.

Литература:

1. Аносов А. В. Информационно-правовые вопросы формирования электронного правосудия в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юр. наук. М., 2016. 22 с.
2. Белякова А. В. Развитие цифровых технологий в системе правосудия как один из способов ускорения судопроизводства в Российской Федерации // Арбитражный и гражданский процесс. 2019. N 12. С. 54.
3. Двадцатый арбитражный апелляционный суд. Электронное правосудие. Подача документов в электронном виде. — Текст: электронный // <https://20aas.arbitr.ru/process/pravosudie> (дата обращения: 24.03.2025).
4. Лаптев В. А. Пути развития цифрового правосудия в России в сфере арбитражного судопроизводства // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2023. № 5. С.20–25.
5. Лаптев В. А., Соловяненко Н. И. Цифровое правосудие. Цифровой документ: монография. М., 2022
6. Терехова Л. А. Информационные технологии в практике арбитражных судов // Вестник гражданского процесса. 2017. N 6. С. 36.
7. Федосеева Н. Н. Электронное правосудие в России: сущность, проблемы, перспективы // Администратор суда. 2008. N 3. С. 129.

Абонентский договор в гражданском праве: новые горизонты или скрытые риски?

Ломакин Артем Игоревич, студент;
Васильева София Николаевна, студент
Саратовская государственная юридическая академия

Статья посвящена исследованию правовой природы абонентского договора в российском гражданском праве. Специфика взимания абонентской платы и дискуссии о предмете соглашения с исполнением по требованию вместе с законодательными изменениями анализируются в представленной работе. Потенциальным имущественным потерям при невостребованном исполнении и выявлению баланса между новыми возможностями для участников оборота уделяется особое внимание.

Ключевые слова: абонентский договор, абонентская плата, договор с исполнением по требованию, гражданское право, договорная конструкция.

Важным этапом систематизации длящихся имущественных отношений стала интеграция конструкции абонентского договора в систему российского гражданского законодательства. С развитием технологий и цифровизацией экономики увеличивается востребованность подобных конструкций, в то время как повсеместное использование абонентского договора участниками делового оборота обуславливает актуальность выбранной темы. Внесение абонентом платежей за право требовать от исполнителя предоставления исполнения в затребованных количестве или объеме предполагает договор с исполнением по требованию согласно ст. 429.4 ГК РФ. От аутсорсинга юридического обслуживания и ремонта транспорта до потребителей коммунальных услуг, и предприятий общественного питания можно встретить примеры соглашений. Правоприменительную неопределенность порождало отсутствие легальной базы, хотя, опираясь исключительно на свободу договора согласно регламентации, п. 2 ст. 421 ГК РФ субъекты правоотношений ранее заключали подобные соглашения [1, с. 77]. Лишь опираясь на общие нормы о возникновении обязательств субъекты могли заключать соглашения, поскольку своего официального наименования в системе права абонентский договор долгое время не имел. Упорядочить сложный гражданский оборот позволило появление в кодексе таких конструкций как рамочный опционный и абонентский договоры, о чем отмечается в юридической литературе [5, с. 118]. Путем проведения реформы гражданского законодательства и введения новых договорных форм после внесения изменений в часть первую ГК РФ данная конструкция получила свое правовое закрепление.

Относительно предмета регулирования рассматриваемого соглашения ведутся научные споры, которыми сопровождается оценка его правовой природы. Не являющийся самостоятельным видом договора специальной типовой конструкцией признается абонентский контракт, тогда как рамочный договор в современной науке нередко рассматривается в качестве организационного. Исключая из данной конструкции куплю и продажу или подрядные работы и ограничивая сферу ее применения

исключительно услугами, ряд исследователей настаивает на узком понимании предмета. Отсутствие овеществленного результата при оказании услуг подчеркивается авторами, утверждающими об отнесении абонентского договора к категории контрактов возмездного оказания услуг [1, с. 78]. Положение субъектов определяет ГК РФ, уступающий по юридической силе только Конституции и выступающий основным актом правового регулирования сегодня. На возможности применения практически к любому возмездному обязательству строится противоположный подход, основанный на признании абонентского договора специальной типовой организационной конструкцией [3, с. 156]. Если специфика оплаты не привязывается к фактическому объему материального исполнения, договор с исполнением по требованию может являться договором поставки или оказания услуг наряду с подрядом или прокатом, что подчеркивают сторонники данной позиции [3, с. 157].

Юридические риски и дополнительные организационные возможности для участников гражданского оборота формирует специфика абонентской платы. От исторически сложившихся правил до законодательного закрепления прошел процесс развития конструкции абонентского договора, существующей в практике России на протяжении длительного времени. Независимо от факта затребования соответствующего исполнения абонент обязан вносить платежи в силу предписаний п. 2 ст. 429.4 ГК РФ. За постоянную готовность исполнителя выполнить работу или оказать услугу в любой момент фактически платит заказчик при таком виде контракта согласно мнению исследователей [4, с. 54]. Угрозу имущественных потерь для абонента создает данный механизм, хотя он обеспечивает защиту интересов исполнителя, обязанного поддерживать свою инфраструктуру в состоянии постоянной готовности. К отказу от применения старых правил привели противоречия на практике, хотя в прошлом их исполнение также обеспечивалось гарантиями соблюдения. У абонента формально не возникает законных оснований для возврата денежных средств, в то время как внесение платежей за невостребованное исполнение может ошибочно трактоваться как неосновательное обо-

гашение исполнителя согласно ст. 1102 ГК РФ, где указанный риск проявляется наиболее явно [1, с. 79].

Проблемы синхронизации специальных нормативных актов и общих норм гражданского права выявляет анализ отраслевого применения абонентского договора. Устаревшей может быть признана отраслевая нормативная база по регулированию порядка применения абонентского договора в условиях быстрого экономического развития государства. Исторически наиболее массово конструкции с исполнением по требованию применяются в сфере энергоснабжения и поставки газа, выступающей наглядным примером. Правила поставки газа ПАО Газпром и Правила доступа к магистральным газопроводам можно выделить среди требующих пересмотра нормативных актов в данной отрасли. Требуемой актуализации под потребности общества и устаревшей может быть признана отраслевая нормативная база при поставках газа в условиях быстрого экономического развития государства [2, с. 34]. При определении момента возникновения обязательств по оплате резервных мощностей порождается неопределенность из-за применения устаревших ведомственных правил, вступающих в коллизию с современными положениями ГК РФ [2, с. 35].

Для споров в сфере консалтинга и подряда ранее было типичным формальное отождествление отсутствия факта оказания услуги с отсутствием оснований для ее оплаты, изменение подхода к которому демонстрирует судебная практика вокруг ст. 429.4 ГК РФ. На высокий уровень разрозненности правоприменительной практики в этой сфере законодатель отреагировал введением нормы об абонентском договоре. Противоречащим закону суд счел условие об оплате независимо от объема услуг и мотивировал отказ во взыскании долга недоказанностью факта реального оказания консультаций в рамках

одного из споров в кассационной инстанции [4, с. 53]. На сферу коммунального хозяйства распространяется применение абонентской модели согласно новейшим тенденциям судебной практики. Обязанность абонента вносить платежи независимо от фактического затребования исполнения предполагает наличие признаков абонентского договора по п. 2 ст. 429.4 ГК РФ в контракте с региональным оператором по обращению с ТКО, как подчеркнул Арбитражный суд города Москвы в решении от 15 апреля 2025 года по делу № А40–46330/2025 [6]. Если потребитель не доказал отсутствие деятельности как таковой или уклонение оператора от предоставления услуг, препятствием для взыскания оплаты не является отсутствие доказательств реального вывоза отходов согласно указанию суда. Недостаточным, но важным признается наличие единственной профильной нормы права при подведении итогов исследования. Если договор изначально сконструирован как абонентский, суды признают правомерность взыскания задолженности за сам период отсутствия требований от заказчика, четко разграничивая в настоящее время рамочные и абонентские контракты. От обязанности погасить накопленный долг заказчика не освобождает отсутствие поломок, поскольку плата вносилась за право требовать выезда специалиста, что подчеркнул суд при удовлетворении иска исполнителя в деле о взыскании платежей за обслуживание компьютерного оборудования [4, с. 53]. Во избежание судебного признания платежей неправомерными предельной точности при согласовании предмета требует абонентский договор, хотя он существенно упорядочивает длящиеся обязательства [4, с. 57]. Необходимость дальнейшего совершенствования законодательства подтверждается наличием множества судебных споров в рассматриваемой сфере.

Литература:

1. Иванова С. Г. Абонентский договор: новый договор гражданского права? // Проблемы экономики и юридической практики. — 2018. — № 1. — С. 77–80.
2. Мушакова Л. В. Абонентский договор в российском гражданском праве: состояние и перспективы совершенствования // Сборник статей университета «Синергия». — 2021. — № 1. — С. 34–39.
3. Николаева А. Е. Понятие и сущность абонентского договора // Вопросы российской юстиции. — 2023. — № 23. — С. 155–163.
4. Нарывский Д. В. Компания хочет оформить длительные договорные отношения. Почему абонентский договор выгоднее рамочного // Арбитражная практика. — 2013. — № 9. — С. 52–57.
5. Шаблова Е. Г., Жевняк О. В. Гражданское право. Гражданско-правовые договоры: учебное пособие. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. — 174 с.
6. Решение от 15 апреля 2025 г. по делу № А40–46330/2025 // Официальный сайт Арбитражного суда города Москвы. — URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/cyQV9vxAMZVd/> (дата обращения: 11.05.2026).

Роль судебно-лингвистической экспертизы в расследовании киберпреступлений: анализ текстовых сообщений при мошенничестве, экстремизме и кибербуллинге

Лунина Алина Алексеевна, студент магистратуры

Тульский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

В статье анализируется роль судебно-лингвистической экспертизы в расследовании киберпреступлений, с акцентом на исследование текстовых сообщений, используемых при мошенничестве, экстремизме и кибербуллинге. Рассматриваются методологические подходы, требования к формированию доказательной базы, а также практические трудности и рекомендации по интеграции лингвистических и технических методов, стандартизации экспертных процедур и взаимодействию с правоохранительными органами.

Ключевые слова: судебно-лингвистическая экспертиза, киберпреступления, мошенничество, кибербуллинг, цифровые доказательства, автороведческий анализ, стилометрия, лексико-семантический анализ, прагматический анализ, мета-данные, доказательная база, допустимость доказательств, анонимность, маскировка языка, мультилингвизм, технические ограничения, интеграция методов, стандартизация экспертных процедур, взаимодействие с правоохранительными органами.

В современном мире информационное пространство стремительно развивается, охватывая практически все сферы человеческой жизнедеятельности. Общество сталкивается с новыми угрозами, среди которых особое место занимают киберпреступления, совершаемые с использованием информационно-коммуникационных сетей. Характерной чертой таких правонарушений является широкое использование текстовых сообщений в качестве основного инструмента реализации преступных намерений. В связи с этим особую актуальность приобретает внедрение специальных методик анализа цифровых следов, позволяющих эффективно привлекать виновных к ответственности [1, с. 105].

Одним из важнейших направлений в борьбе с киберпреступностью выступает судебно-лингвистическая экспертиза. Она занимается исследованием письменных и устных высказываний с целью установления их смыслового значения, выявления подтекстов, авторских характеристик и других элементов, имеющих значение для раскрытия преступления.

Сегодня судебно-лингвистическая экспертиза применяется при расследовании различных видов преступлений, однако особую значимость она приобретает именно в сфере киберпреступности. Здесь речь идёт о сложных формах злоупотреблений, таких как компьютерное мошенничество, хакерские атаки, распространение недостоверной информации, экстремизм и терроризм, вербовка участников запрещённых сообществ, распространение порнографии и детская эксплуатация, а также кибербуллинг и преследование в социальных сетях. Все эти виды преступлений часто основываются на текстовом контенте, доступном правоохранительным органам в ходе следственных мероприятий [3, с. 10].

Основная цель настоящей статьи состоит в исследовании потенциала судебно-лингвистической экспертизы в работе по раскрытию киберпреступлений путём детального анализа текстовых сообщений. Важно определить, каким образом проводится оценка содержательной части цифровых коммуникаций, какие приёмы позволяют точно интерпре-

тировать смысл написанного, устанавливать авторов документов и оценивать потенциальную опасность их содержания. Важнейшими аспектами являются определение состава преступления, квалификация поведения нарушителей закона и установление мотивов преступных действий.

Данная практика имеет значительные преимущества перед традиционными методами полицейского расследования, поскольку даёт возможность анализировать огромное количество данных быстро и объективно. Вместе с тем остаются нерешёнными важные вопросы, касающиеся точности интерпретаций, технической оснащённости, этических норм и стандартов защиты частной жизни. Необходимо понимать, что сложность современного мира диктует необходимость постоянного обновления профессиональных компетенций судей, прокуроров, адвокатов и сотрудников полиции, чтобы обеспечить эффективное функционирование механизма привлечения к ответственности правонарушителей в цифровом пространстве [5, с. 110].

Нами предлагается систематизировать теоретические и практические знания о способах анализа текстовых сообщений, проанализировать существующие методики и предложить пути их оптимизации. Особое внимание уделено случаям, связанным с применением поддельных аккаунтов, клеветы, шантажа и иными формами манипуляции информацией, осуществляемыми через социальные сети и мессенджеры. Будет рассмотрен опыт зарубежных стран, достигнутый в данном направлении, и сделаны выводы о целесообразности адаптации лучших практик в российскую систему судопроизводства.

Таким образом, проблема, рассматриваемая в настоящем исследовании, касается фундаментальных вопросов эффективности правоприменительной деятельности в эпоху глобализации и информатизации общества. Целью исследования является повышение осведомлённости юристов и специалистов правоохранительных органов о возможностях судебно-лингвистической экспертизы, выработка рекомендаций по улучшению качества расследования преступ-

лений в виртуальной среде и разработка предложений по усовершенствованию законодательной базы в этой сфере. Исследование нацелено на достижение ясности и согласованности правовых решений в свете изменения характера современных рисков и угроз [7, с. 42].

Судебная система и правоохранительные органы сталкиваются с постоянно растущим числом преступлений, происходящих в цифровом пространстве. Большинство этих нарушений сопровождается использованием электронных сообщений и иных текстовых документов. Для эффективной борьбы с такими видами преступлений возникает потребность в разработке эффективных методов анализа этих текстов, помогающих разобраться в сути произошедшего события и привлечь виновных к ответственности [8, с. 58].

Под термином «судебно-лингвистическая экспертиза» понимается особая процедура, проводимая специалистами-филологами или лингвистами, направленная на изучение письменной речи с точки зрения возможных юридических последствий. Экспертиза охватывает широкий спектр задач: от идентификации авторов текстов до установления степени угрозы, содержащейся в сообщениях. Она применяется в случаях, когда письменная форма выражения влияет на ход рассмотрения дела — будь то обвинение в экстремизме, ложные обвинения, оскорбления или иные формы злоупотребления свободой слова.

Проведение судебно-лингвистической экспертизы базируется на трёх основных принципах: объективности, всесторонности и законности. Эксперты изучают материалы дела, проводят сравнительный анализ текстов и предоставляют заключение, которое принимается судом как важное доказательство вины или невиновности подозреваемого лица.

Основной задачей анализа текстовых сообщений является выявление в них признаков состава преступления, формирование чёткого представления о целях и средствах, использованных обвиняемым лицом. Каждая категория преступлений предъявляет свои уникальные требования к процессу лингвистического анализа.

Экстремистские высказывания представляют особый интерес для специалистов ввиду своего сложного социально-психологического контекста. Оценивая подобные сообщения необходимо учитывать культурно-исторические реалии региона этнические и религиозные особенности аудитории мотивы авторов и цели провокационного послания [2, с. 64]. Для признания документа экстремистским важны не только используемые формулировки, но и общий тон текста его адресность и целенаправленность на возбуждение ненависти или вражды.

Отдельную категорию составляют случаи кибербуллинга которые приобретают всё большую популярность

благодаря развитию соцсетей и онлайн-сервисов [6, с. 35]. Буллинг выражается чаще всего в форме агрессивных комментариев угроз и издевательств, направленных против конкретного лица или группы лиц.

Общей чертой всех перечисленных категорий является сложная природа смыслов, заложенных в текстах. Часто авторы пытаются замаскировать истинные намерения или сделать сообщение двусмысленным усложняя тем самым задачу экспертов [4]. Следовательно, важнейшей частью исследований становятся методы толкования текста, позволяющие увидеть скрытую сторону сообщения и зафиксировать юридически значимую информацию.

Применение судебно-лингвистической экспертизы получает всё большее распространение в России и мире, однако несмотря на признание экспертных заключений судами эта практика продолжает сталкиваться с рядом трудностей и ограничений. Например, одной из главных проблем остаётся низкая подготовка сотрудников правоохранительных органов в области понимания принципов лингвистического анализа.

Другая важная трудность связана с отсутствием единых стандартов и регламентов проведения экспертиз [9, с. 64]. Недостаточная техническая база лабораторий и недостаточность финансирования усугубляют ситуацию снижая качество проводимых анализов.

Даже при наличии указанных недостатков судебная практика показывает успешные примеры применения выводов судебно-лингвистической экспертизы. Так известны случаи осуждения лиц за террористические высказывания распространение заведомо ложной информации, а также привлечение к ответственности организаторов мошеннических операций, реализуемых через интернет-ресурсы.

Вместе с тем практика ставит вопросы о развитии профессионального образования и переподготовки экспертов создании образовательных курсов и тренингов для полицейских и судей, знакомящихся с основами судебной лингвистики [4, с. 27]. Только комплексное решение этих задач способно повысить уровень компетентности и доверия к результатам подобного рода исследований.

Развитие информационных технологий существенно расширило возможности осуществления неправомерных действий в цифровом пространстве. Наряду с увеличением объёмов обрабатываемой информации возрастают риски ошибок и фальсификации доказательств.

Одной из серьёзнейших проблем является недостаток стандартных критериев для классификации киберпреступлений основанной исключительно на содержании текстовых сообщений. Отсутствие общепринятых понятий и чётких границ наказуемости создаёт предпосылки для произвола и неэффективности реагирования государства на факты нарушений закона.

Литература:

1. Аблин М. В. Классификации лингвистических экспертиз в юрислингвистике // Юрислингвистика. — 2012. — № 1 (12). — С. 105–111.

2. Борисова И. Н. Русский разговорный диалог. Структура и динамика. — М., 2009.
3. Бондарко Л. В., Вербицкая Л. А., Гордина М. В. Основы общей фонетики. — СПб., 1991.
4. Белянин В. П. Введение в психолингвистику. — М., 2001.
5. Губаева Т., Муратов М., Пантелеев Б. Экспертиза по делам о защите чести достоинства деловой репутации // Российская юстиция. — 2002. — № 4. — С. 64–65.
6. Иваненко Г. С. На пересечении языка и права: из практики производства судебных лингвистических экспертиз. — М.: Флинта, 2018.
7. Ищук Я. Г., Пинкевич Т. В., Смольянинов Е. С. Цифровая криминология: учебное пособие. — Москва: Академия управления МВД России, 2021.
8. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. — Изд. 5-е. — М.: Издательство ЛКИ, 2008.
9. Тугай Л. А. Лингвистические аспекты расследования киберпреступлений (указать выходные данные при наличии).

Проблемы реализации административного законодательства за нарушение общественного порядка

Лыжин Даниил Дмитриевич, курсант

Научный руководитель: Шевченко Игорь Валентинович, кандидат юридических наук, профессор
Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И. К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации

В статье автор исследует проблемные аспекты реализации административного законодательства за нарушение общественного порядка, а также анализ причин их возникновения и возможных направлений совершенствования правового регулирования.

Ключевые слова: административное законодательство, правовое регулирование, общественный порядок.

В современных условиях особое значение приобретает анализ эффективности реализации административного законодательства, направленного на обеспечение общественного порядка и общественной безопасности. Регулирование данной сферы осуществляется как на федеральном уровне, так и на уровне субъектов Российской Федерации, что обуславливает сложность правоприменительной практики и наличие ряда системных проблем.

Особое внимание в научной литературе уделяется региональному законодательству об административной ответственности за нарушения общественного порядка. Это связано с тем, что именно на уровне субъектов РФ формируется значительное количество норм, направленных на регулирование повседневных общественных отношений, включая соблюдение тишины, правил благоустройства, порядка проведения массовых мероприятия и иных аспектов общественной безопасности.

Одной из ключевых проблем реализации административного законодательства является несогласованность норм федерального и регионального уровней. Несмотря на наличие КоАП РФ [1] как базового нормативного акта, субъекты РФ продолжают формировать собственные составы административных правонарушений, что нередко приводит к дублированию или противоречию федеральных норм.

Практика показывает, что отдельные региональные законы включают составы правонарушений, которые уже урегулированы КоАП РФ. Это создает ситуацию правовой неопределенности и затрудняет квалификацию деяний.

Кроме того, наблюдается различие в формулировках составов административных правонарушений, что приводит к неоднородности правоприменительной практики. Одни и те же по сути действия в разных субъектах РФ могут квалифицироваться по-разному, что нарушает принцип равенства граждан перед законом.

Существенной проблемой является изменение подходов к разграничению полномочий между Российской Федерацией и субъектами РФ в сфере административной ответственности.

После принятия Федерального закона «О полиции» [2] и последующих изменений в КоАП РФ возникла правовая неопределенность относительно полномочий органов внутренних дел по составлению протоколов по региональным составам правонарушений.

Фактически была сформирована модель, при которой реализация региональных норм зависит от заключения специальных соглашений между федеральными органами исполнительной власти и субъектами РФ. Однако отсутствие таких соглашений в большинстве регионов делает применение значительного массива норм затруднительным.

Причинами данной ситуации выступают:

- отсутствие единых финансовых механизмов обеспечения полномочий;
- различия в экономических возможностях субъектов РФ;
- организационная сложность процедуры заключения соглашений;

– отсутствие унифицированной административной практики.

В результате региональное законодательство в ряде случаев носит формальный характер и не обеспечено механизмами реального исполнения.

Анализ региональных нормативных актов показывает наличие существенных противоречий с федеральным законодательством.

Во многих субъектах РФ установлены составы административных правонарушений, которые:

- дублируют положения КоАП РФ;
- расширяют сферу регулирования за пределы компетенции субъекта РФ;
- содержат санкции, не согласованные с федеральной системой административных наказаний.

Например, в отдельных регионах регулирование вопросов защиты несовершеннолетних от вредной информации частично дублирует нормы федерального закона «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» [3], при этом устанавливая самостоятельные административные составы.

Подобная ситуация приводит к правовой фрагментации, при которой единое правовое пространство Российской Федерации нарушается.

Одним из наиболее значимых последствий существующей системы является возникновение фактического неравенства граждан в зависимости от региона проживания.

Региональные законы устанавливают различные:

- размеры административных штрафов;
- составы правонарушений;
- признаки объективной стороны деяния;
- условия привлечения к ответственности.

Например, ответственность за нарушение тишины и покоя граждан существенно различается по регионам: различаются временные интервалы, перечень запрещенных действий и размеры штрафов.

В результате лицо, совершившее аналогичное деяние, может понести существенно различное наказание в зависимости от субъекта РФ.

Такое положение вызывает обоснованные сомнения с точки зрения принципа равенства граждан перед законом и единообразия правоприменительной практики.

Отдельного внимания заслуживает вопрос дифференциации размеров административных штрафов.

Действующая модель фиксированных штрафов не всегда учитывает социально-экономические особенности

регионов. В результате одинаковые санкции могут иметь различную фактическую «тяжесть» для граждан разных субъектов РФ.

В научной литературе высказывается позиция о необходимости перехода к более гибким механизмам определения размеров штрафов, учитывающих уровень доходов населения в конкретном регионе.

Подобный подход позволил бы:

- повысить справедливость административных наказаний;
- обеспечить их реальную превентивную функцию;
- снизить социальную напряженность.

Анализ выявленных проблем позволяет сформулировать основные направления совершенствования административного законодательства:

1. Унификация составов административных правонарушений. Часть региональных составов целесообразно включить в КоАП РФ для обеспечения единства правового регулирования.

2. Исключение дублирования федеральных норм. Необходимо устранить повторяющиеся составы в региональном законодательстве.

3. Упрощение механизмов взаимодействия между уровнями власти. Следует пересмотреть систему соглашений между федеральными и региональными органами.

4. Совершенствование системы административных наказаний. Возможно введение более гибких критериев определения штрафов.

5. Обеспечение единства правоприменительной практики. Через разъяснения Верховного Суда РФ и методические рекомендации.

Проведенный анализ свидетельствует о наличии системных проблем в реализации административного законодательства за нарушение общественного порядка.

Ключевыми из них являются:

- несогласованность федеральных и региональных норм;
- сложность реализации региональных полномочий;
- неоднородность правового регулирования
- нарушение принципа равенства граждан перед законом.

Таким образом, дальнейшее развитие института административной ответственности требует комплексного подхода, направленного на унификацию законодательства и повышение эффективности правоприменения.

Литература:

1. «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 02.05.2026)
2. Федеральный закон «О полиции» от 07.02.2011 N 3-ФЗ
3. Федеральный закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» от 29.12.2010 N 436-ФЗ

судебное толкование уголовного закона и его значение для правоприменительной деятельности

Магомедова Аминат Рашидовна, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

В статье рассматривается судебное толкование уголовного закона как самостоятельное и значимое направление интерпретационной деятельности судов, оказывающее непосредственное влияние на формирование единообразной правоприменительной практики. Анализируются теоретические подходы к понятию и видам судебного толкования, его соотношение с законодательным и доктринальным толкованием, а также особенности реализации в деятельности судов общей юрисдикции и высших судебных инстанций.

Ключевые слова: суд, толкование, право, норма, закон, уголовный.

Буквальное содержание правовых предписаний и их ценностное наполнение, нормативная аргументация, соотношение факта и закона, а также судебная процедура и итоговое решение наглядно демонстрируют, каким образом правовая норма трансформируется в реальные социальные отношения. В теории и практике уголовного судопроизводства известно, что одним из оснований для пересмотра либо отмены судебного решения выступает его противоречие закону, включая случаи неправильного применения уголовно-правовой нормы или ее ошибочного истолкования. При этом отдельные положения уголовного законодательства нередко отличаются неопределенностью и не позволяют однозначно установить круг правоотношений, на которые они распространяются. В подобных ситуациях возникает объективная потребность в анализе текста нормы с целью выявления ее действительного смысла.

Правовая норма закрепляется в тексте закона, который формулирует обязательное правило поведения. Вместе с тем следует учитывать и иной существенный аспект — интерпретацию, осуществляемую судом и вследствие этого носящую субъективный характер. Судебное толкование, а равно комментарии участников уголовного процесса, могут восприниматься по-разному, что подчеркивает зависимость результата толкования от правосознания и профессионального усмотрения судьи [5].

Интерпретационная деятельность может обозначаться различными терминами в зависимости от субъекта, ее осуществляющего. Разъяснения могут исходить как от законодательных, так и от судебных органов. Наряду с этим значительное место занимают интерпретации, формируемые вне системы государственной власти, коим, в частности, следует отнести научные комментарии, разрабатываемые представителями академического сообщества.

Судебное толкование уголовного закона представляет собой особый вид правоприменительной деятельности, осуществляемой судьями при реализации их юрисдикционных полномочий. Оно заключается в установлении содержания, объема и значения уголовно-правовых норм, а также иных юридически значимых ориентиров, включая принципы права, которые подлежат применению при решении конкретного уголовного дела.

Как правило, практическая реализация уголовного закона ассоциируется именно с судебной интерпретацией. В то же время принципиальное различие между толкованием, исходящим от законодателя, и интерпретацией, осуществляемой судом, состоит в юридической силе таких разъяснений. Законодательное толкование носит общеобязательный характер, поскольку исходит от органа, принявшего закон, тогда как судебное толкование связывает лишь участников конкретного дела, за исключением официальных правовых позиций высших судебных инстанций Российской Федерации.

Судебная власть нередко подвергается критике, в том числе за избыточный формализм при защите прав личности. Однако именно суды, наряду с институтами гражданского общества, прежде всего адвокатурой, остаются ключевым механизмом противодействия необоснованному расширению принудительных мер, не соответствующих конституционным принципам и подлинному смыслу уголовного закона. Используя предоставленное им усмотрение, судьи обязаны соизмерять пределы своих полномочий с рисками судебного произвола, поскольку оставление граждан без эффективной защиты от злоупотреблений публичной властью представляет собой значительно более серьезную угрозу.

Показательным примером значения судебного толкования является позиция Конституционного Суда РФ, выраженная в постановлении от 18 января 2024 г. № 2-П [2]. Суд пришел к выводу, что использование родителем программ дистанционного контроля за смартфоном ребенка не образует состава преступления, предусмотренного ст. 137 УК РФ [1], при отсутствии цели сбора сведений о частной жизни иных лиц. В данном случае был установлен конституционно-правовой смысл нормы, что повлекло пересмотр конкретного уголовного дела.

Не менее наглядным является и пример из практики Верховного Суда РФ, касающийся применения ст. 264.1 УК РФ [3]. Судебная коллегия по уголовным делам указала, что конфискация транспортного средства при совершении данного преступления имеет безальтернативный характер, в том числе и в случаях, когда автомобиль находится в совместной собственности супругов. Ошибочное неприменение судами нижестоящих инстанций поло-

жений п. «д» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ и разъяснений Пленума привело к искажению смысла уголовно-правовой нормы. Верховный Суд подчеркнул, что при невозможности изъятия автомобиля допускается взыскание денежной суммы, эквивалентной доле осужденного. Данный подход подтверждает необходимость системного и целевого толкования уголовного закона ради обеспечения единообразия правоприменения.

С позиций реалистической теории интерпретации объектом толкования выступает не абстрактная норма, а текст, в котором она выражена. Без интерпретации правовая норма не способна функционировать, поскольку ее смысл не является самоочевидным. Толкование представляет собой процесс выявления цели, которую законодатель стремился достичь посредством принятия соответствующего правового предписания.

Законодательное толкование осуществляется парламентом и основывается на презумпции, согласно которой именно орган, принявший закон, наиболее точно осведомлен о его содержании. В научной литературе данный вид интерпретации нередко рассматривается как наиболее логичный и достоверный [6].

Судебное толкование, в отличие от законодательного, представляет собой интеллектуально-волевой процесс, направленный на уяснение и разъяснение содержания уголовно-правовых норм, устранение их неопределенности и корректное применение к разнообразным жизненным ситуациям.

В теории уголовного права традиционно выделяют три основных вида толкования: легальное, судебное и доктринальное. Судебное толкование, в свою очередь, подразделяется на казуальное и нормативное. Казуальная интерпретация осуществляется судами общей юрисдикции при разрешении конкретных уголовных дел. Нормативное судебное толкование выражается в официальных разъяснениях высших судебных органов и носит обязательный характер для правоприменительной практики.

Особую значимость в этом контексте имеет толкование, содержащееся в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ. Так, в постановлении от 24 декабря 2019 г. № 58 «О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми» были систематизированы подходы к квалификации похищения человека, незаконного лишения свободы и торговли людьми [4]. При этом первые разъяснения по со-

ставу преступления, предусмотренного ст. 126 УК РФ, были даны еще в обзоре судебной практики за II квартал 2000 года, что свидетельствует о существенном временном разрыве между принятием нормы и ее детальной интерпретацией.

Ключевая проблема судебного толкования заключается в необходимости своевременного выявления и исправления смысловых ошибок, возникающих в процессе квалификации преступлений. Законодатель, формулируя уголовно-правовой запрет, не всегда обеспечивает достаточную определенность его содержания. Это наглядно проявляется, в частности, при анализе ст. 148 УК РФ, направленной на защиту свободы совести и вероисповедания. В числе проблемных аспектов данной нормы следует отметить отсутствие в законе четкого перечня религий и указаний на содержание религиозных убеждений, подлежащих охране.

Органы публичной власти обязаны незамедлительно предпринимать меры, направленные на устранение правовых последствий выявленных нарушений с момента их констатации Конституционным Судом. Игнорирование либо неисполнение решений данного суда, равно как и правовых выводов, содержащихся в его актах, подрывает конституционную обоснованность деятельности государственных органов и фактически лишает действенности принцип верховенства Конституции. Обеспечение приоритета Конституции и предполагает, что все субъекты, наделенные публичными властными полномочиями, обязаны соотносить свои действия с правовыми позициями высших судебных инстанций Российской Федерации [7].

На наш взгляд, наличие в уголовном законодательстве норм, допускающих различные варианты интерпретации и предоставляющих суду определенную свободу усмотрения при их применении, не следует рассматривать как умышленные пробелы, допущенные законодателем. Однако в тех случаях, когда судебное толкование фактически выходит за пределы разъяснения содержания нормы и приводит к формированию новых уголовно-правовых предписаний, устранение выявленных неясностей и противоречий должно осуществляться исключительно законодателем. Такой подход соответствует императивному принципу разделения властей и исключает подмену законодательной функции судебными решениями.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 20.02.2026 г. № 38-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25, ст. 2954; 2026. № 8, ст. 773
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.12.2008 № 25 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения» // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2009. — № 2.
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 18.01.2024 № 2-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 137 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина П. О. Вильке» // Вестник Конституционного Суда РФ. — 2024. — № 2.

4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.12.2019 № 58 «О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми» // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2020. — № 2.
5. Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е. Судебное толкование уголовного закона: вопросы теории // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. № 4 (96). URL: (<https://cyberleninka.ru/article/n/sudebnoe-tolkovanie-ugolovnogo-zakona-voprosy-teorii>) (<https://cyberleninka.ru/article/n/sudebnoe-tolkovanie-ugolovnogo-zakona-voprosy-teorii>) (дата обращения: 17.02.2026).
6. Рублев А. Г., Савраскин С. Н. Значение судебного толкования уголовного закона в современном российском уголовном праве // Вопросы судебной деятельности и правоприменения в современных условиях: сб. ст. по рез. II междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 10-летию воссоединения Крыма с Российской Федерацией (г. Симферополь, 15 марта 2024 г.). Симферополь: ООО «Изд. Типография „Ариал“», 2024. С. 352–359.
7. Сулейманов М. С. Роль судебного толкования в применении уголовного закона // Инновации. Наука. Образование. 2021. № 30. С. 1057–1060.

Правовое регулирование права детей-сирот на воспитание в семье

Малашина Ангелина Олеговна, студент магистратуры

Калужский институт (филиал) Московского гуманитарно-экономического университета

В данной статье автор рассматривает вопросы нормативного регулирования прав детей-сирот на воспитание в семье как элемента системы обеспечения конституционного права ребенка на нормальное развитие, заботу, воспитание, образование и благополучие, конкретизированное в отраслевых нормах различных актов. При этом подняты проблемные вопросы, касающиеся данной тематики, возникающие, как в законодательстве, так и в правоприменительной практике различных субъектов. Выделены автором меры и перспективы развития законодательства в отношении регулирования основ и особенностей реализации семейного воспитания детей, оставшихся по той или иной причине без родителей, детей-сирот с рождения. Затронуты отдельные формы устройства детей-сирот при помощи патронатных и приемных семей, а также путем законного усыновления (удочерения).

Ключевые слова: дети-сироты, семья, родители, приемная семья, патронатная семья, усыновление, воспитание в семье, семейное воспитание, СК РФ.

Legal regulation of the rights of orphaned children to be raised in a family

In this article, the author examines the issues of regulatory regulation of the rights of orphaned children to be raised in a family as an element of the system for ensuring the constitutional right of a child to normal development, upbringing, education and well-being. At the same time, problematic issues related to this topic are raised, arising both in legislation and in the law enforcement practice of various entities. The measures and prospects for the development of legislation regarding the regulation of the basics and features of the implementation of family education for children who have been left without parents for one reason or another, orphans from birth, are specified. Certain forms of placement of orphaned children with the help of foster and foster families, as well as through legal adoption, are affected.

Keywords: orphaned children, family, parents, foster family, foster family, adoption, family upbringing, family upbringing, RF IC.

Актуальность темы исследования определена тем, что без реально действующего и развитого правового регулирования процессов и отношений по устройству детей-сирот в семью (патронатную или приемную, а также путем использования законной формы усыновления) не могут эффективно быть реализованы практические меры в данном направлении.

Воспитание детей в семье, их право на заботу, обучение, содержание, благоустройство имеет под собой конституционные основы регулирования, ведь в ст.ст. 1, 2, 7, 17, 37–43, 45, 46 Основного закона России (Конституции РФ) провозглашаются важнейшие принципы по-

строения социального государства, а также выделяется важность охраны здоровья детей, достижения социального благополучия ребенка, формирования условий законодательным путем для достойной жизни и свободного развития несовершеннолетних и малолетних граждан, приоритет семьи и семейного воспитания [1].

Проблемам устройства с помощью семейной формы воспитания детей-сирот посвящены публикации следующих исследователей: К. Т. Борсова [7, с. 58–60]; Ю. Ю. Гарцева [8, с. 229–231]; О. Б. Полякова [9, с. 105–112]; Е. Ю. Ревуцкая [10, с. 64–67]; В. В. Руднева [11, с. 555–564]; А. П. Сазина, К. В. Степанюгин [12, с. 54–60]. Именно

в данных работах часто поднимаются вопросы законодательного сопровождения отдельных форм семейного устройства детей-сирот.

Однако данными исследованиями не исчерпана проблема социальной работы с детьми-сиротами и несовершеннолетними, оставшимися без родителей.

Объектом публикации являются общественные отношения, связанные с регулированием вопросов реализации прав детей-сирот и детей, оставшихся без родителей, на воспитание в семье.

Предметом исследования выступают нормативно-правовые акты, доктринальные источники, судебная практика в сфере регулирования воспитательного процесса и социальной работы с детьми-сиротами.

Цель работы заключается в исследовании и уточнении проблем нормативно-правового регулирования прав детей-сирот на воспитание в семье и выделении путей совершенствования законодательства в данном аспекте.

В различных федеральных актах конкретизируются положения Конституции России в части обеспечения каждому ребенку реализации права на семейное воспитание (СК РФ [3], федеральный закон от 24 июля 1998 № 124-ФЗ [5], и другие акты [2; 4; 6] гарантирующие защиту и охрану, беспрепятственную реализацию прав ребенка на семейное воспитание и заботу).

Как отмечают К. Т. Борсова [7, с. 58], Ю. Ю. Гарцева [8, с. 229], О. Б. Полякова [9, с. 106] при регулировании вопросов важности воспитания ребенка в семье с учетом прививания различных семейных ценностей законодательная регламентация отношений по устройству детей-сирот играет важную роль.

В частности, ст. 54 СК РФ [3] прямо закрепляет, что любой ребенок имеет право жить и воспитываться в семье, всестороннее развитие путем семейного воспитания, уважение его личности, при этом данное право детей-сирот обеспечивается органом опеки и попечительства (Федеральный закон от 24.04.2008 № 48-ФЗ) [6].

Отдельные виды устройств на семейное воспитание закреплены в ст.ст. 123–153.2 СК РФ:

- формы воспитания детей-сирот;
- порядок усыновления (удочерения) детей, оставшихся без родителей;
- процедуры и основания передачи детей-сирот в приемные семьи; и т. д.

Нормативные положения иных федеральных законов конкретизируют отдельные права и возможности развития детей-сирот [2; 4; 5; 6].

В частности, Федеральный закон от 21.12.1996 № 159-ФЗ «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» устанавливает меры по обеспечению дополнительных гарантий по социальной поддержке детей-сирот в рамках обеспечения их гармоничного развития и устройства с использованием различных форм (приемная семья; патронатная семья; усыновление, опека) [4].

Несмотря на относительно развитое законодательное регулирование вопросов практической реализации прав детей-сирот на воспитание в семье, многие проблемные аспекты остаются нерешенными на федеральном уровне.

Поэтому можно предложить решение отдельных проблем путем внедрения следующих мер:

— закончить начатую ранее с помощью законопроектов (о внесении в СК РФ отдельной главы о патронаже и патронатной семье, либо в части принятия отдельного федерального акта национального значения) инициативу федерального урегулирования вопросов патроната в России, которая будет способствовать приведению всех региональных актов в общую систему регламентации данных договорных отношений и повышению уровня защиты нуждающихся детей;

— решить противоречия в предписаниях СК РФ, ГК РФ и специального федерального законодательства в сфере защиты прав и интересов детей-сирот;

— необходимо продвигать реальные меры, направленные на совершенствование всего социального законодательства и политики государства в данном направлении в целом, при этом детализируя и решая различные проблемы в рассматриваемой сфере.

Подводя итог, можно отметить, что организационно-правовое регулирование социальной работы с проблемными детьми-сиротами и несовершеннолетними, оставшимися без родителей, должно быть направлено на эффективное внедрение мер помощи данным детям с помощью семейно-воспитательных форм устройства, оказавшимся в трудной жизненной ситуации или социально опасном положении.

Литература:

1. Конституция: принята всенар. голосованием от 12 дек. 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 // Собрание законодательства РФ. — 2014. — № 15. — Ст. 1691.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.03.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.
3. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 № 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024, с изм. и доп., вступ. в силу с 05.02.2025) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 1. — Ст. 16.
4. О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей: Федеральный закон от 21.12.1996 № 159-ФЗ (ред. от 15.12.2025) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 52. — Ст. 5880.

5. Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации: федеральный закон от 24 июля 1998 № 124-ФЗ (ред. от 23.11.2024) // Собрание законодательства РФ. — 1998. — № 31. — Ст. 3802.
6. Об опеке и попечительстве: Федеральный закон от 24.04.2008 № 48-ФЗ (ред. от 29.09.2025) // Консультант плюс: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_76459/ (дата обращения: 20.04.2026).
7. Борсова, К. Т. К вопросу о некоторых формах устройства детей, оставшихся без родителей / К. Т. Борсова // Тенденции развития науки и образования. — 2023. — № 93–4. — С. 58–60.
8. Гарцева, Ю. Ю. К вопросу о правовой аналитике института патронатной семьи в России / Ю. Ю. Гарцева // Юридическая техника. — 2024. — № 18. — С. 229–231.
9. Полякова, О. Б. Формы содействия семейному устройству детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей / О. Б. Полякова // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Психолого-педагогические науки. — 2024. — № 20. — С. 105–112.
10. Ревуцкая, Е. Ю. Усыновление (удочерение): процессуальные аспекты / Е. Ю. Ревуцкая // Цивилистика: право и процесс. — 2023. — № 4(24). — С. 64–67.
11. Руднева, В. В. Договор о приемной семье как один из способов устройства в семье детей, оставшихся без попечения родителей / В. В. Руднева // Вестник науки. — 2023. — Т. 2, № 12(69). — С. 555–564.
12. Сазина, А. П. Проблемы усыновления (удочерения) в РФ на современном этапе / А. П. Сазина, К. В. Степанюгин // Молодежь. Наука. Инновации. — 2024. — Т. 2. — С. 54–60.

Проблемы компенсации морального вреда, причиненного преступлением, в рамках гражданского судопроизводства

Мальцева Мария Олеговна, студент

Научный руководитель: Томилов Александр Юрьевич, кандидат юридических наук, доцент
Уральский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Челябинск)

Статья посвящена комплексному анализу правовых и процессуальных проблем, возникающих при компенсации морального вреда, причиненного преступлением, в порядке гражданского судопроизводства. Актуальность темы обусловлена конституционной гарантией защиты прав потерпевших, ростом количества соответствующих исков и сохраняющейся правовой неопределенностью в данной сфере.

Ключевые слова: моральный вред, компенсация, гражданское судопроизводство, преступление, страдания, размер компенсации, доказательства, Постановление Пленума ВС РФ № 33.

Институт компенсации морального вреда, будучи важнейшим гражданско-правовым способом защиты нематериальных благ личности, приобретает особое значение, когда вред причиняется преступлением. Конституция РФ гарантирует потерпевшим от преступлений доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба (ст. 52). Реализация этой гарантии возможна в двух процессуальных формах: путем предъявления гражданского иска в рамках уголовного дела (согласно УПК РФ) или посредством самостоятельного искового производства в гражданском процессе (согласно ГПК РФ). Если первый путь характеризуется процессуальной экономией и поддержкой государства в доказывании, то второй — самостоятельный гражданский иск — ставит перед потерпевшим ряд специфических и трудноразрешимых проблем, что и определяет актуальность настоящей статьи.

Степень научной разработанности темы высока: вопросы понятия и компенсации морального вреда освещались в трудах А. М. Эрделевского, М. Н. Малеиной, В. В. Витрянского и многих других. Однако динамичное

развитие законодательства и судебной практики, особенно после принятия революционного Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2022 № 33 (далее — Постановление № 33), требует нового осмысления. Отдельные аспекты проблем доказывания и определения размера компенсации рассматриваются в современных работах, однако комплексный анализ коллизий, порождаемых рассмотрением требований о компенсации вреда от преступления в «чистом» гражданском процессе, остается недостаточным.

Исторически в отечественной цивилистике возобладал подход, согласно которому моральный вред, понимаемый как физические и нравственные страдания (ст. 151 ГК РФ), подлежит компенсации прежде всего при нарушении личных неимущественных прав или посягательстве на нематериальные блага. Преступление, как наиболее грубая форма правонарушения, по своей природе всегда направлено на такие блага: жизнь, здоровье, свободу, достоинство личности, имущественную сферу, связанную с личными интересами. Следовательно, причинение морального вреда здесь презюмируется [9, с. 45–57].

Однако теоретическая проблема заключается в двойственной природе последствий преступления. С одной стороны, это публично-правовые последствия, влекущие уголовную ответственность. С другой — частноправовые, порождающие обязательство из причинения вреда (деликта). Гражданское судопроизводство, в которое вынужден обращаться потерпевший, если уголовное дело не возбуждено, прекращено или в нем не был заявлен иск, вынуждено работать с этой второй составляющей, но в отрыве от первой. Это порождает **методологический диссонанс**: суду общей юрисдикции в гражданском процессе предстоит устанавливать факты, которые по своей природе являются элементами состава преступления (противоправность, вина, причинная связь), но без применения уголовно-процессуальных стандартов доказывания и при отсутствии помощи со стороны государства в лице следствия [6].

Критика существующих научных подходов часто сводится к их неспособности предложить работающий механизм перевода глубоко субъективных, интимных переживаний в объективированные судебные доказательства и далее — в денежный эквивалент. Абстрактные критерии, закрепленные в ст. 151, 1101 ГК РФ (характер страданий, степень вины, требования разумности и справедливости), без конкретизирующей методологии оставляют судье не просто право, а бремя чисто субъективного оценочного суждения. Как справедливо отмечают исследователи, возникает закономерный вопрос: «Насколько компетентен судья, чтобы сделать вывод о тех чувствах, которые пережил человек?».

Нормативная база института включает Конституцию РФ (ст. 52), положения Главы 59 ГК РФ («Обязательства вследствие причинения вреда»), ст. 151 ГК РФ, а также процессуальные нормы ГПК РФ. Важнейшую роль играет Постановление № 33, которое существенно расширило возможности компенсации.

Основные пробелы и противоречия регулирования:

1. Отсутствие легальной методики расчета. Это ключевая проблема, порождающая правовую неопределенность. Закон устанавливает лишь оценочные критерии, что приводит к колоссальному разбросу присуждаемых сумм и «символическим» компенсациям, не выполняющим ни восстановительной, ни штрафной функции. По данным статистики судебного департамента Верховного суда РФ, общая сумма заявленных требований по компенсации морального вреда за 2023 год составила почти 130 млрд рублей, а присуждено было лишь около 5 млрд.

2. Проблема компенсации вреда при нарушении имущественных прав. Традиционный подход, основанный на буквальном толковании ст. 151 ГК РФ, ограничивал компенсацию морального вреда случаями нарушения неимущественных прав. Пункт 4 Постановления № 33 совершил переворот, указав, что моральный вред может быть компенсирован и при нарушении имущественных прав, если такое нарушение *само по себе* затрагивает нематериальные блага гражданина (например, хи-

щение семейных реликвий, предметов личной ценности). Однако, как отмечается в научной литературе, этот новый подход «не в полной мере понимается и потому принимается судами», порождая новую волну противоречий в практике [10, с. 5–7].

3. Несоответствие процессуальных возможностей бремени доказывания. В гражданском процессе истец-потерпевший самостоятельно несет бремя доказывания всех элементов деликта: факта противоправного причинения вреда, вины причинителя, причинно-следственной связи и размера (интенсивности) физических и нравственных страданий. Доказать последнее, не имея на руках материалов уголовного дела и не обладая специальными познаниями в психологии или психиатрии, крайне сложно. Хотя Постановление № 33 и разъясняет, что факт причинения вреда преступлением может подтверждаться любыми средствами доказывания, на практике это часто упирается в неготовность судов выходить за рамки формальных письменных доказательств.

Несмотря на прямое разъяснение Пленума ВС РФ, многие суды продолжают отказывать в компенсации морального вреда по делам о краже, мошенничестве или ущербе имуществу, требуя от истца доказательств, что нарушено именно личное неимущественное право, а не только право собственности. Это свидетельствует о инерции правоприменения и трудностях восприятия новой, более гибкой доктрины.

Для преодоления выявленных проблем необходимы изменения как на уровне правоприменения, так и, в перспективе, законодательства.

1. Разработка и внедрение примерных методических ориентиров (таблиц, рекомендаций) для судей. Целесообразно использовать позитивный опыт Ассоциации юристов России (АЮР), предложившей формулу расчета с коэффициентами, или зарубежный опыт (например, фиксированные дневные ставки в Австрии, тарифные сетки в Великобритании). Необходимо не жесткое регулирование, а создание системы «мягкого права» — подробных рекомендаций ВС РФ с указанием примерных вилоч компенсаций в зависимости от категории преступления и тяжести последствий (тяжкий вред здоровью, смерть, хищение имущества, имеющего особую ценность и т. д.). Это позволит снизить произвол и обеспечить предсказуемость решений.

2. Стимулирование судов к углубленному мотивированию решений по размеру компенсации. Необходимо требовать от судов в решении прямого указания: какие конкретно доказательства (медицинские документы, заключения психолога, характеристики) подтверждают характер и глубину страданий; как были применены каждый из критериев ст. 1101 ГК РФ и п. 25 Постановления № 33; почему итоговая сумма признана разумной и справедливой. Позиция ВС РФ, выраженная в Определении 2024 года, должна стать общеобязательным стандартом.

3. Активное использование судами права назначать судебно-психологическую или комплексную пси-

холого-психиатрическую экспертизу. Для преодоления проблемы доказывания субъективных страданий суды по своей инициативе или по ходатайству сторон должны чаще прибегать к помощи специалистов. Экспертное заключение может объективировать оценку глубины нравственных страданий, степени психологической травмы, что придаст решению суда большую обоснованность.

4. Законодательное закрепление презумпции морального вреда от преступления в гражданском процессе. Следует дополнить ст. 151 ГК РФ или ГПК РФ нормой, согласно которой установленный вступившим в силу приговором факт совершения преступления порождает презумпцию причинения потерпевшему морального вреда. В таком случае в гражданском процессе бремя доказывания сместится с факта причинения вреда на обоснование его размера. Это гармонизирует подходы в уголовном и гражданском процессе, где такая презумпция уже фактически действует.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что механизм компенсации морального вреда, причиненного преступлением, в рамках гражданского судопроизводства функционирует недостаточно эффективно. Его ключевые проблемы носят системный характер: они ко-

реляются в отсутствии материальных критериев для денежной оценки страданий и в процессуальной сложности их доказывания в состязательном процессе.

Новации, внесенные Постановлением Пленума ВС РФ № 33, безусловно, являются шагом вперед, расширяя сферу защиты и детализируя подлежащие учету обстоятельства. Однако они же породили новые вопросы и выявили консерватизм судебной практики. Преодоление этих барьеров лежит не в пути ужесточения законодательного регулирования, а в области развития «судейского права» — формирования единообразной, детально мотивированной и предсказуемой практики на основе научно обоснованных рекомендаций высших судебных инстанций. Только так можно реализовать конституционную гарантию компенсации вреда потерпевшим от преступлений, обеспечив не просто формальное взыскание, а восстановление (насколько это возможно) их душевного благополучия.

Перспективы дальнейшего исследования видятся в сравнительно-правовом анализе эффективных зарубежных моделей компенсации, а также в проведении социологических исследований, направленных на выработку объективных показателей оценки глубины нравственных страданий для различных категорий дел.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 1993. 25 дек.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025).
3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 15.12.2025, с изм. от 22.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026).
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2022 № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_431485/.
5. Пустовалова И. Н., Валеева И. А. Современные подходы к методике определения размера компенсации морального вреда // Век качества. 2021. № 3. С. 189–201.
6. Разъяснения Пленума ВС РФ о моральном вреде в уголовном процессе // Уголовный процесс. 2023. URL: <https://e.ugpr.ru/1008260>.
7. Возмещение вреда, причиненного преступлением // Верное решение. 2023. Вып. 18. URL: <https://consultantkhv.ru/periodika/gazeta-vernoe-reshenie/vypusk18/vozmeshchenie-vreda-prichinennogo-prestupleniem/>.
8. Личность и доказательства: особенности дел о компенсации морального вреда // Legal Academy. 2024. URL: <https://legalacademy.ru/sphere/post/lichnost-i-dokazatelstva-osobennosti-del-o-kompensacii-moralnogo-vreda>.
9. Теоретико-правовые основы оценки и возмещения вреда здоровью в физическом значении: монография. М.: РИОР, 2024. 211 с.
10. Кардава А. Р. О возможности возмещения морального вреда в случае нарушения имущественных прав: традиционные воззрения и новации практики // Право и политика. 2024. № 3. С. 1–15.
11. Проблема определения судами размера морального вреда // Проблемы теории и истории государства и права. 2023. URL: https://ptsj.bmstu.ru/catalog/jur/civ_/942.html.
12. ВС РФ: решение об определении размера компенсации морального вреда должно быть мотивированно // Блог адвоката Саркисова. 2024. URL: <https://www.advokat-sarkisov.ru/blog/vs-rf-reshenie-ob-opredelenii-razmera-kompensatsii-moralnogo-vreda-dolzno-byt-motivirovanno.html>.

Смена парадигмы в вопросе квалификации сделок хозяйственных обществ в качестве крупных

Маляк Алина Владимировна, студент магистратуры

Научный руководитель: Максимов Виталий Алексеевич, кандидат юридических наук, доцент
Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Санкт-Петербург)

В настоящей статье исследована эволюция института крупных сделок в российском корпоративном праве под влиянием правовых позиций Верховного Суда Российской Федерации. Выявлен сдвиг правоприменительной парадигмы: переход к приоритету качественного критерия характера сделки.

Статья посвящена анализу современного развития института крупных сделок в хозяйственных обществах Российской Федерации. Особое внимание уделяется влиянию судебной практики Верховного Суда Российской Федерации на формирование подходов к квалификации крупных сделок, в том числе в случаях, когда решающее значение приобретает оценка выхода сделки за пределы обычной хозяйственной деятельности общества. Анализируются проблемы правовой неопределенности, возникающие при применении качественного критерия, а также особенности квалификации сделок с объектами интеллектуальной собственности и иными нематериальными активами. Сделан вывод о необходимости дальнейшего совершенствования законодательства с учетом сложившейся судебной практики.

Ключевые слова: группная сделка, хозяйственные общества, корпоративное право, судебная практика, экстраординарные сделки, качественный критерий, количественный критерий, обычная хозяйственная деятельность, корпоративные споры.

Институт крупных сделок занимает важное место в системе корпоративного законодательства Российской Федерации и направлен на обеспечение баланса интересов хозяйственного общества, его участников и органов управления. Ограничение свободы совершения сделок значительной стоимости обусловлено необходимостью предотвращения злоупотреблений со стороны исполнительных органов общества и защиты имущественных интересов участников корпорации.

Актуальность темы исследования обусловлена кардинальным изменением подходов к квалификации сделок хозяйственных обществ как крупных. С 2017 года вступили в силу изменения в регулировании крупных сделок, основанные на двойном критерии. Так в редакции Федерального закона от 03.07.2016 г. № 343-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об акционерных обществах» и «Федеральный закон «Об обществах с ограниченной ответственностью» в части регулирования крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность», крупной считается сделка, отвечающая двум критериям: количественному и качественному. И. С. Шиткина называла данные изменения «реформированием института экстраординарных сделок» [1, с. 120–137].

Согласно ст. 46 Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (далее — Федеральный закон об ООО) и ст. 78 Федерального закона от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» (далее — Федеральный закон об АО) крупной сделкой считается сделка (несколько взаимосвязанных сделок), выходящая за пределы обычной хозяйственной деятельности и при этом связанная с приобретением, отчуждением или возможностью отчуждения обществом прямо либо косвенно имущества (в том числе

заем, кредит, залог, поручительство, приобретение такого количества акций (иных эмиссионных ценных бумаг, конвертируемых в акции) публичного общества, в результате которых у общества возникает обязанность направить обязательное предложение), цена или балансовая стоимость которого составляет 25 и более процентов балансовой стоимости активов общества, определенной по данным его бухгалтерской (финансовой) отчетности на последнюю отчетную дату.

Таким образом, количественный критерий ориентирован на финансовую составляющую и стоимость сделки, в то время как качественный критерий — на её отклонение от стандартного хозяйственного оборота.

Однако формальная определенность, заложенная законодателем, в последнее время подвергается серьезной корректировке со стороны судебной практики. Несмотря на разъяснения, которые даны в пункте 9 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26.06.2018 № 27 «Об оспаривании крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность», где подчеркивается необходимость совокупности обоих критериев, в 2024 году высшая судебная инстанция сформировала прецеденты, фактически меняющие устоявшуюся парадигму.

Анализ двух ключевых определений Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации позволяет констатировать сдвиг в пользу приоритета качественного критерия для оценки сделки.

В первом случае [3] суд столкнулся с ситуацией, когда количественный критерий не был превышен, однако сделка выходила за рамки обычной хозяйственной деятельности.

Как следует из фабулы дела, общество (производитель стеклотары) профинансировало строительство и оснащение фитнес-центра, после чего передало данный иму-

щественный комплекс в качестве вклада в уставный капитал дочернего общества. На момент передачи объект представлял собой готовый к эксплуатации бизнес. В результате сделки доля общества в уставном капитале дочернего общества возросла с 25 до 32 процентов, то есть незначительно. Мажоритарный участник оспаривает сделку, указывая на ее крупный характер, отсутствие надлежащего согласования и совершение в ущерб интересам компании.

Как следует из определения суда, что даже если фактически прекратился какой-то один из видов деятельности, то это следует квалифицировать как наличие качественного критерия крупной сделки со всеми вытекающими выводами о нарушении режима этой сделки.

Приоритет качественного критерия над количественным также нашел свое отражение и в другом Определении Верховного Суда Российской Федерации [4].

Данное судебное разбирательство касалось отчуждения исключительных прав на средства индивидуализации, а именно товарные знаки. Передача исключительных прав привела к фактическому прекращению деятельности общества, которое не могло производить и отчуждать продукцию.

В ходе разбирательства истец обращал внимание суда на тот факт, что спорные исключительные права были необходимы обществу для осуществления его уставной деятельности (производства бытовой химии). Отчуждение товарных знаков и промышленных образцов лишило общество возможности производить и реализовывать продукцию.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации поддержала позицию истца, указав, что определяющее значение имеет качественный критерий. Он выражается в выходе сделки за рамки обычной хозяйственной деятельности, когда она способна повлечь последствия, сходные с реорганизацией или ликвидацией общества. Данный подход применяется независимо от того, что стоимость переданного имущества (количественный критерий) может быть менее 25 процентов от балансовой стоимости всех активов.

Из правовых позиций Верховного Суда Российской Федерации следует: в ситуациях, когда оспариваемая сделка повлекла за собой фактическое прекращение деятельности общества, существенное изменение ее масштабов либо видов, приоритет отдается качественному критерию. Формальная балансовая стоимость переданного имущества при этом уходит на второй план.

Законодатель стремится отойти от формального числового подхода к определению крупных сделок в пользу качественного анализа их содержания. В связи с этим меняется и распределение бремени доказывания: теперь, если истец указывает на соответствие сделки формальному (количественному) критерию, именно ответчик должен доказать, что сделка не является значимой для общества и не выходит за пределы обычной хозяйственной деятельности.

Несовершенство законодательной техники создает существенные препятствия для оспаривания крупных сделок. Невозможность квалифицировать сделку в качестве крупной в случаях, когда стоимость активов не превышает установленный порог, ставит под угрозу имущественные интересы участников общества и провоцирует злоупотребления со стороны недобросовестных лиц, действующих в ущерб организации. Указанные обстоятельства существенно осложняют судебные споры о признании крупных сделок недействительными.

Вынося вышеуказанные определения Верховный Суд Российской Федерации «не просто разрушает существующую систему критериев в пользу одного из них, а фактически проводит модернизацию на базе дореформенного института крупной сделки, создавая совершенно новую архитектуру соотношения этих критериев в предмете доказывания по делам об оспаривании крупных сделок». [2, с. 103–114]

Дискуссионным следствием новой судебной практики является расширение круга сделок, потенциально подпадающих под режим крупных, за счет объектов интеллектуальной собственности и иных нематериальных активов. В условиях цифровой экономики именно товарные знаки, патенты и т. п. зачастую составляют основу капитализации компании, оставаясь при этом минимально оцененными на балансе. Правовая неопределенность возникает в отношении того, какими критериями надлежит руководствоваться суду при отнесении актива к категории «ключевых» или «стратегических», что создает риски злоупотреблений со стороны миноритарных участников.

В вышеуказанных определениях Верховного Суда Российской Федерации также наблюдается противоречие действующему законодательству, а именно Федеральному закону об ООО и Федеральному закону об АО, где указано, что квалификация сделки в качестве крупной возможна только при одновременном соблюдении как количественного, так и качественного критериев. Частями 1 и 2 ст. 13 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации установлена иерархия нормативных правовых актов, применяемых арбитражным судом при разрешении споров, согласно которой акты большей юридической силы имеют приоритет над актами меньшей юридической силы. Следовательно, неприменение судом положений федеральных законов, имеющих верховенство в данной иерархии, свидетельствует о нарушении указанных норм процессуального права.

Предлагаемый и принятый во главу отказ от формального количественного критерия и переход к преимущественно качественной оценке крупных сделок гарантированно повлечет за собой увеличение количества судебных разбирательств. Ранее «числовой порог» автоматически отсеивал дела, где стоимость активов не достигала установленного лимита. Теперь же участники корпораций получили более широкие возможности для аргументации своей позиции, что неизбежно обострит корпоративные

конфликты и повысит нагрузку на судебную систему. [2, с. 103–114]

Современный этап развития института крупных сделок характеризуется переходом от формально определенного к гибкому, но менее предсказуемому судебскому усмотрению. Основной проблемой является поиск баланса между защитой прав участников хозяйственных обществ и стабильностью гражданского оборота.

Дальнейшее развитие законодательства и судебной практики, вероятно, потребует внесения изменений в корпоративное законодательство с целью легализации выработанных судебной практикой подходов и установления более четких критериев крупных сделок.

Проведенный анализ законодательства и судебной практики позволяет сделать вывод о том, что современный этап развития института крупных сделок в российском корпоративном праве характеризуется постепенным переходом от исключительно формального подхода к более содержательной оценке экономического значения совершаемых обществом сделок.

Представляется, что совершенствование корпоративного законодательства должно учитывать сложившуюся судебную практику и одновременно обеспечивать необходимый баланс между защитой прав участников хозяйственных обществ и стабильностью гражданского оборота.

Литература:

1. Шиткина И. С. Значение реформы института крупных сделок и сделок с заинтересованностью для теории и практики // Закон. 2019. № 12. С.120–137.
2. Гусейнов Н. Ш. оглы. Эволюция критериев крупной сделки корпорации в практике Верховного Суда РФ: новые подходы к доказыванию и их последствия // Хозяйство и право. 2025. № 12. С. 103–114.
3. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 06.09.2024 № 308-ЭС24–3124 по делу № А53–16963/2022// СПС «Консультант Плюс»
4. Определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 15.08.2024 № 305-ЭС-24–8216 по делу № А41–62370/2021 // СПС «Консультант Плюс»

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 21 (624) / 2026

Выпускающий редактор Г. А. Письменная
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.

Номер подписан в печать 03.06.2026. Дата выхода в свет: 10.06.2026.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.